Айлен Кроссман

Джеймс Фразер

Миссионер среди народов Тибета

Айлен Кроссман

Джеймс Фразер

Миссионер среди
народов Тибета

CLV
Christliche
Literatur-Verbreitung e.V.
Postfach 110135 · 33661 Bielefeld

Название оригинала: Mountain Rain

Postfach 110135, 33661 Bielefeld
Internet: www.clv.de
Типография: GGP Media

ISBN 3-89397-629-9

Содержание

Предисловие

В мои студенческие годы «Фразер из страны лису» был уже чем-то вроде легенды. Духовная поддержка маленьких молитвенных групп из Англии дала миссионерски настроенным христианам новое поле деятельности в отдаленных племенах. Об этом рассказывает изданная в 1944 году книга «За цепью гор». А теперь эту историю жизни вновь рассказывает его дочь.

Джеймс Фразер обладал большой способностью наслаждаться жизнью. Друзья и родные радовались его живому юмору. Он был также выдающимся пианистом, который в двадцать лет дал свой первый концерт в Лондоне. Покаявшись, будучи студентом Лондонского университета, он в 22 года уехал в Китай, оставив уют и достаток родного дома и светившую ему блестящую карьеру инженера. Вместо этого он выбрал жизнь, полную трудностей, в суровых горах юго-запада Китая и духовную борьбу среди людей племени лису, которые столетия назад потонули в поклонении демонам, и из них еще ни один не слышал об Иисусе Христе.

Он боролся с одиночеством и лихорадкой, иногда с депрессией, часто случались встречи и с силами тьмы. В этой борьбе он только еще больше укреплялся в уповании на Бога и в силе молитвы. Постепенно, после многих страданий и разочарований, Бог дал всходы — тысячи верующих; а когда верующие лису стали распространять Евангелие среди своего народа, начали появляться церкви.

Эта книга описывает духовные сражения, которые сопровождали проповедь Слова Божьего в этой части мира, где идолопоклонство претендовало на все стороны жизни людей и где все болезни и все несчастья приписывались духам, которых любой ценой нужно было умилостивить. Так происходит во всем мире, где проповедь Евангелия наступает на укоренившиеся силы тьмы, в каком бы облачении они ни появлялись. Мы имеем того же врага, но и того же великого Бога!

Лайт Самуил, Саутгемптон

Глава 1

Избрание жизненного пути

Погоня

Джеймс увидел блеск меча прежде, чем услышал проклятия преследователя. Казалось, собаки были далеко, но мужчина из народа кахин гнался за ним по склону вниз. Джеймс повернулся, скользнул взглядом по гладкой скале и побежал по направлению к кривоствольным березам. При этом он быстро глянул на своего преследователя. Груда камней и грязи стремительно прокатилась вниз, совсем рядом с ним, когда кахин перебегал через осыпь.

Меч, как удар кнута, прорезал воздух. Неожиданно во рту все пересохло, желудок, казалось, был связан узлом в горле. Джеймс пронесся мимо жалких березок и выскочил на открытую местность. Здесь для него не было никакой защиты. Он бежал, чтобы остаться живым. Его сандалии скользили и скрежетали по бездорожной осыпи, он ясно чувствовал биение своего сердца, которое влекло его вперед, только вперед.

Звуки шагов босых ног охотника были едва слышны. Проклятия прекратились и уступили место непрерывному сопению, когда кахин все ближе и ближе подступал к нему.

«В крайнем случае, это будет быстрая смерть», — думал Джеймс. Он рывком сбросил с плеч рюкзак, но когда снова оглянулся назад, покрылся холодным потом.

Темная голова кахина только на секунду склонилась над рюкзаком. Он высыпал содержимое, и белые листы бумаги были тут же подхвачены ветром. Охотник же снова был на ногах и устремился за своей жертвой. Он промчался через скользкую речушку и побежал под тень деревьев вдоль холма.

Джеймс Фразер очень плохо ориентировался в темных горных вершинах Бирмы, величественно возвышающихся впереди, но продолжал бежать.

По выносливости, без сомнения, победил бы кахин, он мог целыми днями бежать без передышки. Лучшим подспорьем для Джеймса были бы неожиданно наступившие сумерки. Продолжая бежать, он начал отрывисто молиться:

«Пройду ли чрез жизнь, или смерть...» — молился он, и его мысли погрузились в туман.

Шаги преследователя были еле слышны, но размеренны и постоянны, что вызывало беспокойство. Фразер понимал, что его длинные ноги дают ему хорошее преимущество. Кроме того страх придавал ему невообразимую скорость. Когда он вторично услышал лай собак, он уже бежал больше часа.

Деревня лису. Он немного сбавил темп и в наступающих сумерках стал вглядываться в соломенные крыши. Зеленая грязь брызнула во все стороны, когда он перепрыгнул через дряхлую изгородь. Джеймс замедлил свой бег, чтобы оглянуться и посмотреть на преследователя. Тропинка была пуста. Заходящее солнце осветило вершины холмов, и в его лучах ясно была видна темная фигура, устремившаяся в сторону гор — назад, в дикую и негостеприимную местность, населенную кахинами.

Фразер опустился на землю, прислонившись к бамбуку. Сердце неистово билось в груди, и перед глазами все плыло. Парализующая усталость охватила его. Почти час лежал он, окруженный темнотой.

Перед этим он уже попадал в руки разбойников. Они окружили его, схватили и ограбили. Но оставили в живых. Один раз он чуть не утонул, попав в плывун. Уже не раз в него стреляли, иногда воры ночью причиняли ему легкое беспокойство. Но этот бег по пересеченной местности досадил ему крепко. Не было сомнения: этот кахин имел намерение убить его. «В шести бедах спасет тебя, и в седьмой не коснется тебя зло» (Иов. 5,19).

«Но как бы то ни было, — думал Джеймс, — христианин не умирает, пока не закончит порученное ему Богом». И все же такой реакции на свое свидетельство об Иисусе Христе он не ожидал.

Много неожиданностей произошло во время его пребывания на юго-западе Китая. Не только приключения, которые могут встретиться путешественнику. Нет, он пережил такое, что трудно себе представить. Необычным образом ему открывались духовные тайны, о которых он до сих пор думал, что они принадлежат потустороннему миру. Он только немного попробовал сладость близкого общения с Господом на этой земле.

Мыслями он перенесся на долгие годы назад к той маленькой брошюре. Казалось, что это было уже очень давно... Только одна брошюра...

Молодой человек сидел в углу библиотеки, и никто не подозревал, какая жестокая борьба происходит в его сердце. Уже третий раз в это послеобеденное время Джеймс разворачивал маленькую брошюру и прочитывал ее. Два дня назад ему дал ее один студент, когда он экспериментировал с ним над давлением пара. Они разговорились между собой, и он достал эту книжечку. Теперь молодой человек сидел, склонившись над книгами, но он думал только о разрастающемся внутри себя конфликте.

Это было в 1906 году, студент Джеймс Фразер учился на инженерном факультете Лондонского университета. Учеба давала ему широкие перспективы, поскольку, он знал, что имеет большие способности. Но этот двухгрошовый трактат волновал его до самых глубин сердца. Будучи требовательным к себе, он не мог положительно ответить на ряд вопросов, стоящих перед ним.

Он понимал, что ему нужно много работать, чтобы развивать свои способности и избрать путь, который бы принес наибольшую пользу в жизни. Конечно, будучи верующим, он будет вести добрый, нравственный образ жизни и посещать церковь. Что еще Бог мог требовать от него?

Джеймс очень любил математику, хорошо разбирался в технике. Кроме этого он много лет учился музыке и готовился дать свой первый фортепианный концерт в Лондоне. Большего едва ли мог достигнуть человек в свои двадцать лет. Но эта книжечка выдвигала требование Бога, превышающее все остальное.

Джеймс взял свои книги и вышел из университета. Пройдя парк, он пошел на вокзал и сел на поезд, идущий в Лечвут, в графстве Хартворд. Вторые сутки в его душе шла борьба. Занятый усиленными размышлениями, он не заметил, как пролетело время. Слова брошюрки были очень просты, общеизвестны и убедительны. Мысли были ясными и логичными.

«Если наш Господь сегодня придет и увидит миллионы людей, не слышавших Благой Вести, и спросит нас: в чем же причина? — я не могу себе представить, что бы мы смогли сказать в свое оправдание. В одном я уверен — за боль-

шинство оправданий, которые мы сегодня со спокойной совестью привыкли приводить, нам будет ужасно стыдно».

Он смотрел в окно вагона, за которым мелькали ухоженные поля. Своеобразная напряженность лежала на всем. Когда мы в важных вопросах жизни избираем Божий путь, то впереди уже сияет Его радость. Брошюра говорила о том, что нужно потерять свою жизнь ради Христа; чтобы жить — надо умереть для себя. То есть речь шла о том, чтобы отказаться от намеченных планов и перспектив, потому что Бог начертал для нас что-то лучшее — лучшие планы, лучшие перспективы.

Он усиленно обдумывал, идя по улице Лечвута, города-сада, к Вильяму Ваю. Джеймс был крепкий, высокий, просто одетый. Не сказать, что у него были красивые черты лица, но они говорили об энергичности и решительности.

Разбитый родительский дом

Дом его матери был довольно большой, хотя и не такой просторный, как большой семейный дом в городе Албанс, где они жили, когда родители еще были вместе. Когда Джеймс был подростком, родители разошлись по причине несовместимости характеров.

Его мать была образцом викторианской вежливости, добрая и кроткая. Она очень любила музыку и искусство, была чувствительна к духовным истинам. Его отец, шотландский канадец, был ветеринар. В молодые годы он практиковал в знаменитых долинах Йоркшира. Позднее он переехал в город Албанс и был там двадцать лет президентом ассоциации ветеринаров (при королевском университете). Он также был хорошим оратором и часто избирался в парламент, где, правда, долго не выдерживал. Он был мелочный, упрямый и очень нетерпеливый, но был верным методистом и позднее много работал с Библией. «Знаешь, каждое ее слово — истинно», — писал он дочери.

Когда различие характеров и интересов родителей дошло до предела, миссис Фразер использовала свое состояние и, купив дом в Лечвуте, переехала туда с пятью детьми. Во многих отношениях она стала счастливее, но такое изменение, естественно, принесло с собой и много страданий.

В этом новом доме на протяжении многих лет было много жарких дискуссий. Один из членов семьи стоял во главе левой политической партии в Кембридже, а позднее вступил в коммунистическую партию. Некоторые в семье остались верны своему отцу. Потому не стало неожиданностью, что изменившийся курс жизни Джеймса близкими был не понят.

Но мать понимала его. Всю жизнь их связывала духовная дружба, которая с годами росла и укреплялась. Оба они были методистами, постоянно посещающими церковь, но только в студенческие годы Джеймс лично познакомился с Иисусом Христом. Иногда даже сама мать не могла вполне понять его. С ним произошло как у Джона Весли: его сердце было затронуто Духом Святым, и он впервые почувствовал полную перемену, какую Бог производит в сердце через веру во Христа.

Влияние

Небольшой курс изучения Библии при университете ввел Джеймса в новые духовные сферы. Позднее он рассматривал это как свое покаяние, хотя некоторые утверждали, что с того момента он стал зрелым христианином.

Студенты очень любили Джеймса. Он обладал чувством юмора и был общительным. Его двоюродный брат, Алекс Борне, позднее знаменитый хирург, участвовавший в 1938 году в процессе против абортов, с удовольствием вспоминал многие совместные путешествия по Европе. Этому способствовали не только совместные приключения и красивые пейзажи, производившие впечатление на Алекса, но и способность Джеймса жить полной грудью. Казалось, абсолютно все интересовало его, он живо воспринимал все необычное, что весьма оживляло их путешествия.

— Подумать только, — сказал его брат Гордон после смерти Джеймса в 1938 году, — мы больше никогда не услышим его смеха.

Но еще до покаяния Джеймс обладал и серьезными чертами характера. Его притягивало все трудное и недоступное. Он прилагал все усилия, когда ему нужно было выполнить какую-то работу. Еще мальчиком он проехал однажды 199 миль (320 км!), не слезая с велосипеда. Испытание своей выносливости приносило ему радость.

Но теперь для него открылась совершенно новая жизнь. Он повстречался с Богом. Сильное влечение пленило его волю: «Бог, все могущественнее действующий во мне». Он потерял интерес к вещам, которые до этого имели для него большое значение, начал по-новому устраивать свою жизнь, как атлет, готовящийся к олимпийским играм.

И теперь, конечно, была исключена всякая половинчатость. Осталось только одно, что имело для него ценность. Нам неизвестно, чтобы он о чем-то жалел; он просто заменил прежние привязанности на новую любовь (1 Иоан. 2,15).

Музыка

Джеймс был отличным пианистом — большой величины и с широким спектром достижений. Много лет спустя он так описывал свои ощущения: «Когда я погружаюсь в настоящую музыку, у меня появляется такое чувство, будто какая-то часть моего существа до сих пор пренебрегала этим — я имею в виду не фанатизм, но общее музыкальное образование и культуру души. Я не хочу сказать, что желал бы жить по-другому, если бы у меня был выбор: чтобы дерево лучше росло, его иногда нужно обрезать в определенном направлении. Но когда мне иногда снится золотое время и красивая жизнь, то прошлое столетие кажется мне золотым веком и музыкальный мир в консерваториях Европы — красивой жизнью. Я мечтаю о том, чтобы погрузить свою душу в произведения Бетховена, Моцарта и других великих мастеров, наслаждаться оперной музыкой и жить в мире, созданном Рубинштейном, Паганини и большими певцами. Я очень хорошо знаю, что этого никогда не будет, и это никогда не сможет полностью удовлетворить меня, поэтому я тут же отгоняю эти мысли. Но все же мои естественные желания идут в этом направлении».

Но оставить свои технические и математические занятия ему было намного труднее. Когда его однажды спросили о том, что ему, наверное, очень недостает в Китае пианино, он ответил, что ему намного больше не хватает математических книг. Его разум был живым, острым, основательным, и он радовался, когда мог с кем-то рассуждать. Но как бы ни хороши и ни велики были все эти занятия, все они

превращались в ничто по сравнению с его любовью к Иисусу Христу.

Миссия

Большое духовное пробуждение в середине девятнадцатого столетия внесло в христианство Великобритании значительные перемены. Доктор Орр считает, что в результате второго евангельского пробуждения к церкви присоединилось по меньшей мере миллион членов.

Влияние этого движения распространилось по всем берегам Атлантики, и верующие Англии и Америки начали мыслить глобально. Они увидели, что повеление Христа — нести спасение всему миру — целые столетия практически игнорировалось. Было образовано много союзов, чтобы посылать добровольцев в другие страны.

Движение Кесвик в своем стремлении по углублению духовной жизни среди верующих получило ожидаемый отклик. Пробуждение в Уэльсе в 1904 году дало миссионерскому движению новый толчок. Новые методы евангелизации Муди, Торрея и других открывали насущную нужду во всемирной евангелизации. Новый интерес к миссии был связан с глубоким, постоянным и горячим соучастием к погибающим в грехах.

Джеймс слышал великих проповедников тех дней, узнал от Хадсона Тейлора о событиях в Китае, а в 1906 году встретил в христианском лагере С. Т. Штудда. Рассудительный по природе, Джеймс не был захвачен царившим энтузиазмом. В свои студенческие годы он был сильно пленен Богом и, будучи очень последовательным в выполнении своих обязанностей, духовно поднялся на уровень, который был гораздо выше, чем у людей его возраста.

Самым важным из всех качеств характера, приобретенных Джеймсом в эти годы, была самодисциплина.

Хотя Джеймс стремился не пропускать собраний, любил искренние общения с друзьями, он рано научился иметь личное общение с Богом. Его мать видела, как, будучи студентом, он много времени проводил в уединенном общении с Богом и в изучении Библии, «хотя он едва упоминал об этом». Он занимался систематически, усердно и под-

тверждал это практически. Академическое богословие интересовало его меньше, чем практическая христианская жизнь.

Решение идти в Китай

Сдав экзамены в университете, Джеймс отнес свое заявление в Китайскую Внутреннюю Миссию. Буквально все в этом обществе касалось струн его сердца. Во-первых, миссия никогда ни у кого не просила денег и даже никогда не упоминала об этом. Не делала никаких сборов, призывов к пожертвованиям, в нужде не прибегала к рекламе, и все же в течение сорока лет ее поддерживали более тысячи молитвенников. Как генеральный директор, так и новичок получали одинаковую поддержку. Покрывались все расходы. «Бог верен Своему слову, — сказал Хадсон Тейлор, — и Он сделает все, что обещал».

Во-вторых, миссия не меняла своих позиций. Принципы веры были библейскими, различия в некоторых вопросах не имели решающего значения. Но в том, что касалось веры, учения и миссионерского повеления, было большое единство: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие».

КВМ была новой и не везде признанной миссией. «Если Джеймс и должен быть другим, — грубо заметил один из членов семьи, — неужели он не мог примкнуть хотя бы к какой-то видной христианской организации с учрежденной миссией? Неужели это должна быть эта странная кучка людей?» Но он присоединился именно к этой странной группе людей.

Сегодня мы явно видим, что, без сомнения, с ними был Бог. В христианской истории большинство сообщений о большой вере и мужестве касаются именно тех, кто трудился в Китайской миссии, основанной Хадсоном Тейлором. Если вспоминать интересные приключения, то это были захватывающие истории. Но настоящая цель описания этих волнующих событий была в том, чтобы проследить действие руки милосердного и любящего Бога, посылавшего Своих свидетелей, Который вел их путем страданий, а порой и смерти, чтобы нести свет познания о Христе одной четверти населения всего земного шара.

Но Джеймсу два раза отказывали. У него было легкое

воспаление ушей, и миссия опасалась, что в примитивных условиях Китая болезнь может ухудшиться. «Лучше не иметь ни одного миссионера, даже при самой большой нужде, чем того, которого не посылал Бог, — говорили они, — а Он посылает в Китай только тех, у кого хорошее здоровье». — «Но я все равно поеду, — писал им Джеймс при третьей попытке, — потому что я знаю, что Бог посылает меня».

Инфекция исчезла, он был принят. Ему исполнился двадцать один год, когда он начал проходить кандидатскую практику на главной квартире Китайской миссии в северной части Лондона.

Хотя Джеймс и жил в общежитии, когда учился в университете, но здесь он должен был жить вместе с людьми различного темперамента в очень маленьком помещении. Он без проблем привык к спартанскому образу жизни (даже думал, что должен так жить, приезжая домой в отпуск). Здесь, за длинными столами КВМ, он совершенно по-другому занимался с Библией. Просто удивительно, какое ясное понимание он имел во всех фундаментальных вопросах учения и как велики и точны были его познания Библии в двадцать два года.

Ему были очень интересны встречи с миссионерами, которые приезжали на главную квартиру или уезжали оттуда. Они казались очень простыми людьми, незаметно выполняющими необходимую работу. Они имели, что рассказать, и умели молиться. Джеймс рос в познании Господа и во время ежедневных молитвенных общений. «Эти люди, — говорил он позже, — кажутся исполненными познанием воли Божьей во всей Его премудрости и духовном разумении».

Но заканчивался кандидатский год, и для его матери наступила тяжелая разлука. Джеймс мог радоваться многому, а матери же оставалась только разлука с сыном, который принес ей так много радости в ее прежде полной скорбей жизни. В ночь перед его отъездом, глядя на ночной сад, она думала, что пройдет, возможно, десять или больше лет, прежде чем она сможет снова говорить с сыном. Письма месяцами будут в дороге. Как она сможет молиться за него в таком неведении?

Прощание с миссионерами на железнодорожном вокзале Виктория в Лондоне было волнующим. Множество друзей

заполнили перрон, их пение заглушало шум машин и крик железнодорожников. Стеснительные и тихие, миссис Фразер и сестренка Джеймса Миллисент стояли с краю толпы. Ни Джеймс, ни мать не были знакомы с большинством людей на перроне. Они не знали, кто начал пение. Когда поезд тронулся, они узнали о том, что значит потерять близкого человека.

Глава 2

Люди-обезьяны

Две горы

Чтобы понять, почему Бог избрал альпиниста и послал его туда, нужно рассмотреть на карте ландшафт Юго-Западного Китая. Дорога в Бирму еще не была построена, когда Джеймс первый раз ехал верхом в Юньнань. В северо-западном направлении высились горные цепи — одна за другой, высотой до 5.800 метров — и тянулись до подножия Гималаев. До границы с Тибетом раскинулась дикая, негостеприимная земля. В горах юго-запада высокие горные перевалы приводили в зеленые долины Бирмы.

Джеймс был больше, чем поверхностный наблюдатель, описывая путешествие по горам.

«Высокая трава, мощные скалы, камни разной величины, ручьи и высокие горы — это было все, что можно было видеть кругом... и туман с моросящим дождем обволакивал нас. За целый день мы встретили только одного человека, потому что высокие склоны никому не предлагают пищу или защиту, кроме как леопардам, волкам и медведям. Эта великолепная, взъерошенная, скалистая, мокрая и дикая страна — как я радуюсь ей!

Но туман, закрывший все лежащее под нами, скрыл также все находящееся над нами и рядом с нами. Вершины, как и равнины, были одинаково невидимы. И ко всему этому — величественная, волнующая душу тишина гор! После многочасового трудного подъема (я был в своей стихии и был совершенно счастлив) мы достигли вершины или, вернее, вершины перевала, потому что само собой разумеется, что дорога в горах не проходит через вершину горы. Мы шли по лесу — полное молчание, кроме шороха наших шагов по мокрой увядшей листве и случайных капель воды по пористой земле. Мокро, тихо, одиноко — даже птички не поют! — и высота горы в 2900 метров, которая большую часть года покрыта снегом.

Потом начался крутой спуск, где, используя руки и ноги, мы пробирались сквозь поросшие мхом стволы деревьев и

густую поросль. Некоторое время кроме тумана мы ничего не видели. Вдруг (при таком марше редко поднимаешь голову) у меня остановилось дыхание, — я увидел все горы Тин-тана и раскинувшуюся глубоко внизу равнину. Потрясающее зрелище, обширное и захватывающее, заставило меня остановиться на некоторое время, чтобы все рассмотреть, — одна темная горная гряда за другой, окруженные облаками, и вдали блокирующая дорогу стена — Салвинское ущелье. Теперь дорога шла постоянно вниз, и мы все снова и снова останавливались, чтобы посмотреть на эту величественную картину. Мы спускались до захода солнца и, вконец обессиленные, мокрые и усталые, достигли деревни лису Шу Чен».

Джеймс приехал на юго-запад Китая, где долгие годы трудился Джон Маккарти. Ветеран не хотел покидать эту провинцию, хотя руководители КВМ уже давно считали, что лучше оставить эти земли для более поздней евангелизации. У них было слишком мало работников для этой далекой страны, насчитывавшей тогда почти семьсот миллионов населения (в настоящее время — уже больше одного миллиарда). Маккарти так сильно переживал за эту страну, что ему разрешили пойти в школу иностранных языков, где обучались новые соработники, — Джеймс был среди них — и он мог выбрать себе одного или двух для этой работы. После посещения Маккарти послал телеграмму на главную квартиру: «Пошлите Фразера и еще кого-нибудь».

И вот они вдвоем: крепкий Джон Маккарти и высокий стройный Джеймс Фразер ехали верхом через Бирму в Юньнань. Мулы уверенно бежали по дороге, а Джеймс со своим другом читали во время езды китайские газеты или книги. Джеймс развил в себе привычку мысленно видеть перед собой партитуру увертюр Моцарта или Шопена и наслаждался этой музыкой при верховой езде. В те дни еще ведь не было кассет.

В этом первом путешествии у них было несколько аварий. Как-то утром Джеймс, слыша топот копыт мула своего спутника, спросил Маккарти, какого он мнения о книге, которую как раз читал. Ответа почему-то долго не было. Когда Фразер оглянулся, то увидел, что седло друга пустое, его же мул, несмотря на это, продолжал бежать. Вернувшись на

несколько миль назад, Джеймс нашел на дороге Маккарти, еще не совсем пришедшего в себя от падения. Но переломов не было. Старый ветеран быстро поднялся и снова занял свое место в седле.

Первая остановка была в городе Тенгвее, на далеком западе, вблизи гор, на границе с Бирмой. Это был густо заселенный район, удаленный от ближайшего миссионера на несколько дней пути. Джеймс жил в небольшой комнате 3,5х4 м, над китайской гостиницей. Комната была совершенно пустой, но зато было меньше крыс, чем у его сотрудников, супругов Эмбери. Джеймс почти целыми днями учил китайский язык. Хотя, прежде чем приехать в Тенгвей, он шесть месяцев проучился в школе иностранных языков, все же изучение китайского языка казалось ему труднейшей задачей.

«Эта гора, — писал он, — называется китайский язык. Вначале она очень отвесная, но во время подъема становится легче идти. И когда ты думаешь, что хорошо продвигаешься вперед, вдруг видишь новую вершину, выше первой, на которую тоже нужно подняться. Она называется китайским мышлением и способом выражения. Тебе о ней уже рассказали прежде, чем ты начал взбираться на первую гору, но тогда ты еще не мог увидеть ее. Бросив первый взгляд на нее, ты видишь, как она далека от тебя».

Не раз его постигало уныние, когда он после долгой учебы шел на базар и после попытки сказать несколько фраз видел, что никто не понимал его.

«Я прилагаю массу усилий, чтобы выучить разговорный язык, но хотя это занимает много времени, я нахожусь в самом начале. Я чувствую, что это намного важнее, чем стать профессиональным китайским учителем, потому что самое главное, — говорить так, чтобы каждый мог понять тебя. Мистер Маккарти рассказывал об одном миссионере, который был прекрасным учителем китайского языка, но его собственный слуга не мог понять его в самых обыденных вопросах! А в изучении китайской письменности есть что-то особенное, — она должна идти рука об руку с обучением разговорному языку».

Он записывал фразы, услышанные в гостинице или на базаре, и пробовал повторять их в комнате.

«Таким образом я записал несколько сот предложений. Здесь легко впасть в искушение быть довольным теми словами, которые почти или близко выражают значение, но не точно... Например, ты выучил по-китайски выражение: ‹это сделано плохо›. Ты можешь применить его к одежде, которая плохо постирана, к комнате, плохо прибранной, к картине, косо висящей на стене, к куску мяса, которое не доварено, к делу, которое не сделано до конца и т.д. Но китайцы, так же, как и англичане, в каждом из перечисленных случаев выражаются по-разному».

Искушения

Джеймс, живя один в чердачной комнате, подвергался некоторым реальным искушениям. Одно из них — удручающее чувство одиночества в этой изоляции. Рядом не было практически никого, с кем бы он мог поговорить, потому что Эмбери был очень загружен работой, а Джеймс сам не мог разговаривать по-китайски. Другое искушение — монотонность учебной рутины, одна часть которой уходила на занятия с учителем, а другая — на книги. Но самым большим искушением было — сокращать свои ежедневные общения с Богом, это «нежное состояние души».

Чтобы сохранить и укрепить свое хождение с Богом, он снова занялся самодисциплиной. Для этого он должен был рано вставать, — прежде чем оживала гостиница. Очень скоро он нашел в горах заветные места для молитвы, смотря по погоде. Еще раньше он приобрел привычку громко молиться на бегу, как бы разговаривая со своим другом. Часто он использовал сборник песен, громко молясь словами песни. Иногда он молился за город, когда, сидя на горе, смотрел на него.

Джеймсу было всего двадцать два года, и он быстро научился побеждать атаки сочувствия к себе самому и пассивности. Он делал все возможное, чтобы быть верным в самых обыденных вещах.

«Маленькое дело, — говорил Хадсон Тейлор, — это маленькое дело. Но верность в маленьком деле — это большое дело».

Джеймс писал тогда: «В последнее время мне стало осо-

бенно ясно, что не так важно, какую работу мы выполняем. Когда Бог дает нам работу, главное — верно исполнить ее... Искушение, с которым мне часто приходится бороться и которое в разных вариациях очень устойчиво: ‹Может быть, я смог бы на другом месте сделать больше работы?! Да, сейчас я изучаю инженерное дело, но когда я буду учиться на миссионера, все будет выглядеть по-другому›. Или: ‹Я пребываю сейчас в периоде подготовки, занимаюсь на библейских курсах и прочее, но когда я поеду в Китай, тогда начнется самое главное›. — ‹Да, я оставил мою родину, но еще в пути, а когда я наконец буду в самом Китае, тогда у меня будет отличная возможность к служению›. Или: ‹Здесь, в учебном центре, все мое время уходит на изучение языка — как мне заниматься миссионерской работой? Но когда я по-настоящему почувствую себя на миссионерской станции, как дома, и смогу свободно говорить, тогда у меня будут неограниченные возможности› и т.д. и т.п.

И постоянно эти ‹если› и ‹но›. Я думаю, что дьяволу нравится такое мышление. Сегодня я имею (правда, в ограниченном количестве) возможности, от которых он хочет меня удержать (нет, я не впал в искушение). Он очень далек от того, чтобы помочь мне быть верным в данном деле, и натягивает совсем другие струны. Истинно то, что Писание нигде не учит нас ждать возможностей к служению, но делать то, что мы можем делать в данный момент… Господь повелевает нам работать, бодрствовать и молиться, а сатана предлагает нам ждать хорошей возможности к служению, к бодрствованию и к молитве, которые придут сами собой. Но мы-то знаем, что эти возможности всегда находятся в будущем... Так как служение, которым мы непосредственно занимаемся, дано нам Богом, то кто может сказать, что одно служение важнее и духовнее другого? Я верю, что быть верным (это говорят обычно с благоговением) в проповеди Евангелия так же необходимо, как и при мытье тарелок на кухне. Я не больше делаю для Господа, проповедуя Слово Божье китайцам, чем ты, если ты, например, принесешь пакет к портному. Ни в коем случае это не наше дело — выбирать себе работу. И если Бог выбрал ее для нас, не лучше ли сразу браться за работу, чем долго ждать чего-то лучшего, большего или более благородного?»

Так Джеймс упорядочил в те дни свои возможности, понимая, что духовную победу мы можем иметь только в настоящем.

«Мы часто говорим: ‹Да, я уже очень радуюсь тому, что будет; было бы оно уже сегодня›. Имеем ли мы право быть недовольными теми ситуациями, в которые Бог поставил нас, и ожидать чего-то, что находится вдали от нас? Я думаю, нет. Есть большое исключение, — мы должны с радостью ожидать нашего Господа. Но даже в этом нам нужно быть терпеливыми. Ожидание пришествия Господа — это что-то совершенно другое, чем гнаться за желаемыми вещами, которые находятся в далеком будущем...

Почему я должен в жаркое, влажное, дождливое время в Тенгвее тосковать по сухим месяцам, когда все намного проще? Разве не Бог предусмотрел поместить меня именно в жаркое время и во время мучнистой росы? Почему я должен ждать того времени, когда лучше буду говорить по-китайски? Разве Бог не хочет, чтобы я служил Ему и во время учебы? Почему я желаю иметь больше свободного времени для себя, для чтения и т.д.? И хотя желать большего — это самое естественное для мира, но оно ни в коем случае не соответствует Писанию. Здесь больше говорит плоть, чем дух. И это кажется несовместимым с миром Божьим, который, как написано, ‹соблюдет сердца наши и помышления наши во Христе Иисусе...› Апостол Павел пишет, что он ‹научился› во всех ситуациях ‹быть довольным›, и он указывает, что достиг этого путем дисциплины. Я думаю, так должно быть у каждого из нас. Наша природная склонность — стремиться к чему-то, что лежит в будущем».

Первые слабые попытки Джеймса в проповеди получили поддержку и поощрение со стороны Эмбери. Прежде Джеймс никогда не обращался к группе людей, и когда его впервые попросили сказать проповедь в церкви, он был сильно взволнован. Он провел много времени в подготовке к ней. О чем, собственно, должен говорить миссионер?

«В моей подготовке я, в первую очередь, проштудировал Деяния Апостолов и некоторые другие места Писания, чтобы узнать, какое Евангелие нам велено проповедовать... Результат был для меня очень поучительным. Я никогда не мог представить себе, что евангельская весть так проста. Почему?

Петр и Павел проповедовали Евангелие в словах, которые могут быть сказаны за одну минуту!

Я нашел четыре аспекта, являющиеся основными в проповеди Евангелия:

1. Крестная смерть Иисуса Христа — богословское объяснение излишне.
2. Воскресение Иисуса Христа — самое важное. Евангелие никогда не проповедовалось без этого аспекта.
3. Призыв к покаянию.
4. Обетование для всех верующих в Иисуса Христа — прощение грехов.

Кроме этих четырех пунктов можно говорить и о других, но их совсем немного... Учить верующих — совершенно другое дело. Но проповедовать Евангелие неспасенным проще простого. Я бы не обременял себя и не брал на себя ответственность проповедовать ‹другое Евангелие›».

Первая попытка удалась, когда он объяснял людям на базаре основные истины веры. Чтобы усилить свою весть, он раздал трактаты всем умеющим читать.

Первый взгляд

Базар в Тенгвее — единственное место бурной деятельности. Охваченные поистине китайской страстью торговать, люди со всех концов юго-запада продавали овощи, домашнюю утварь, целебные травы и незнакомые украшения. Они строили навесы или сидели на земле и торговались до копеек, стараясь извлечь для себя выгоду.

Целый день можно было видеть группы приезжих, запыленных и усталых, которые двигались по серым улицам мимо глиняных мазанок. Были здесь также домашние животные и птицы. Свиньи и куры утверждали свои права на истлевший мусор, принадлежавший нищим. Безнадежно перегруженные ослы с окровавленными спинами подгонялись вперед усердными торговцами; повсюду рычали и дрались собаки, только самые агрессивные оставались живы. И именно на этом месте Джеймс впервые увидел людей из горного племени.

Их было трудно не заметить. Они носили тюрбаны, украшенные шарфы и белые гамаши. Женщины были одеты в разноцветные одежды, украшенные ракушками и бусами.

Китайцы с пренебрежением называли их человеко-обезьянами. Они жили в горах. Если верить местным историкам, это были коренные жители главных провинций Китая, изгнанные захватчиками на юго-запад. Историки считают, что их было когда-то более тридцати миллионов, разделенных на сто пятьдесят племен, каждое из которых имело свой язык или диалект. Им пришлось уйти в горы Юньнаня и соседних провинций. (Позднее, когда Китаем стали управлять коммунисты, многие бежали в Бирму и Таиланд.)

Интерес к этим людям возник у Джеймса после сообщений о большом пробуждении в племенах восточного Юньнаня, среди которых были племена миао и лису. Задачей Джеймса было — помогать в восточных провинциях, пока он не закончит изучение языка.

Он увидел группу лису, шатающихся по базару, и тут же принялся за дело. Идя рядом с ними, он попробовал говорить с ними по-китайски. Они не понимали ни слова. Незаметно для них он привел их к маленькому помещению, которое назвал залом для проповеди, и они с радостью пошли с ним. Придя туда, они бросились на пол и несколько раз поклонились лбом до земли, потому что были очарованы приветливостью белого незнакомца. Усердно жестикулируя, они пробовали объяснить ему, что живут в шести днях пути в горах и что там еще много подобных им людей.

Когда он позже возвращался в маленькую гостиницу и поднимался по узкой лестнице, его мысли устремились в будущее. Разве не может быть большого пробуждения и среди западных лису? Он чувствовал себя деловым человеком, обнаружившим в заборе большое отверстие, которое срочно нужно заделать. Он сам был удивлен личной симпатией, которую чувствовал к этим людям.

«Сразу на меня легло бремя молитвы за этих людей. Казалось, что-то притягивает меня к ним», — говорил он позже. Но он молчал об этом. Во всяком случае, первопроходческая работа на западе была менее эффективна, чем помощь в плодотворной работе с группой на востоке. К тому же, как это часто случается при призвании Богом, это было бы необдуманным шагом. Не считая живущих в горах, в городах Китая жили миллионы людей.

Первое одиночное путешествие

Как-то утром, вскоре после встречи с лису, Джеймс встал перед восходом солнца и оделся при свете керосиновой лампы. Он надел одежду китайского кули и удобные сандалии, потому что решился на четырехдневное путешествие через горы в китайский город Паушан. Он пошел пешком, так как знал, что крутые скалы и стремительные потоки реки Салвеи не сможет преодолеть никакой мул. На спине в легком рюкзаке лежала смена одежды, одеяло, несколько маленьких книг и трактатов.

«Я однажды встретил Джеймса Фразера, — рассказывал один американский миссионер. — Мой мул был нагружен половиной моих вещей, а другая половина была на муле моего кули. Пока мы медленно объезжали гору, груженные походной кроватью, кастрюлями, сковородками и всякой всячиной, на полпути от Нигендву я встретил Джеймса, который шел, радуясь, с сумкой на спине. В первый момент я подумал, что это китайский кули».

Его письма домой, в которых он описывал свое путешествие из Тенгвея в Паушан, были полны восхищения. Никакие походы в Альпах не могли сравниться с этим потрясающим ландшафтом. Он спал у каменистой горной дороги, часами шел под непрерывным дождем... Наконец он достиг перевала на высоте 2800 метров над равниной Паушана и после долгого спуска пришел к городским воротам.

Путешествуя один или с приветливым кули, он все свои переживания описывал в письмах домой и друзьям. Он сообщал, что ему долго пришлось искать в городе гостиницу для ночлега. Когда, наконец, один хозяин дал ему комнату, Джеймс понял, что это был сарай, но он подмел его веником и рассудил, что это помещение вполне удовлетворяет его. Он развесил на стропилах мокрую одежду и вышел на улицу в китайской одежде, чтобы познакомиться с людьми.

Паушан

Первый день Джеймса в Паушане. Воскресенье. Он оставил город, ища место для личного общения с Богом. Было раннее утро, когда он возвращался в город. Утренний туман как раз рассеялся.

«Подойдя к мужчинам, пасущим скот, я подсел к ним на берегу маленькой речушки. На мой вопрос: ‹Вы уже слышали об учении Иисуса?› они ответили: ‹Нет, расскажи нам об этом›. Я рассказал им о Евангелии так ясно, насколько смог. Они внимательно слушали и задавали вопросы. Некоторые проходящие останавливались и присаживались к нам, и мне приходилось начинать сначала. Люди все подходили и подходили, пока я не рассказал одно и то же четыре или пять раз. Около меня собралась целая дюжина народу. Когда солнце стало припекать, мы пересели под дерево, и я продолжал.

Не могу сказать, понимали ли они все, что я им рассказывал, но они внимательно слушали, казались заинтересованными и были очень приветливы. Когда я поднялся ненадолго, то зацепил и порвал свою одежду. Один из них тут же побежал домой, принес иголку с ниткой и зашил ее. Я проповедовал им где-то полтора часа. Затем двое из них привели меня на другое место, где я снова говорил с людьми…

Когда после обеда я снова пошел в город и раздавал трактаты, один мужчина увидел меня в чайном магазине и попросил зайти. Он дал мне чашку чая и попросил показать трактат. Скоро вокруг меня собралось множество людей, и я снова проповедовал, как и утром. Мужчина, попросивший меня зайти, казался очень образованным человеком. Он прочитал трактаты, внимательно слушал и, вероятно, понял большую часть».

Мужчина, угостивший Джеймса чаем, по профессии был кожевником. Он долгое время сидел в чайной и задавал вопросы. Его звали Чао Хо, он был первым в Паушане, решившимся идти за Иисусом.

Большой интерес к учению незнакомца проявил и мистер Ванг, кузнец серебряных изделий. Он с трудом нашел жилище Джеймса и пригласил его к себе, чтобы тот еще раз все объяснил ему. Стол мистера Ванга был богато накрыт, и, сидя у тарелок с дымящимся рисом и овощами, Фразер несколько раз объяснил ему путь спасения.

Мистер Ванг соорудил перед своей фирмой навес, и, сидя на табуретке, Джеймс рассказывал свою весть проходящим людям. Их интерес, их вопросы и готовность брать брошюры произвели на него огромное впечатление. Час за часом собирались толпы людей, чтобы услышать эту новую весть.

Это было время политического перелома, и многие из них видели, как приходили и уходили пылкие ораторы революции, но они никогда не слышали такой вести.

К вечеру Джеймс безмерно устал.

После многих дней проповеди Евангелия он несколько дней провел в горах, чтобы побыть наедине. Чтобы спрятаться от палящего солнца, он садился в тени пагоды.

«Был чудесный день, и я ясно видел всю равнину в двух направлениях, а также весь город. Здесь не было еще ни одного миссионера. Вся равнина с населением примерно сто тысяч человек осталась без света Евангелия… Я верю, что Бог прославится в Паушане и через одного Своего свидетеля.

Мне кажется ужасным, что так мало людей идут на миссионерские поля… Я не все понимаю, но думаю, что где-то что-то неправильно. Бог непременно хочет, чтобы Его люди продвигались вперед. Не имеет ли последнее повеление Господа сегодня такую же силу?.. Если мы посмотрим только на этот уголок мира в Юньнане, то увидим поразительное различие между огромными областями, большими городами, недостигнутыми племенами, которые ждут работников (а их все нет), и большими миссионерскими мероприятиями на родине, сборами средств, миссионерскими брошюрами, что печатаются, и т.д. А нужда остается прежней, и, возможно, она еще больше в других частях света. Миллионы людей, никогда не слышавших истину Евангелия, — и только небольшая группа миссионеров посылается в те страны».

Раздача литературы в Паушане была поистине плодоносной. Китайцы — мыслящий народ, а книги трудно достать. Иногда Джеймс продавал цветные книжечки за один или два гроша, а иногда отдавал их бесплатно. В большинстве своем это было Евангелие от Марка, но были и трактаты с проповедями Сперджена.

Вор

На базаре в городе Мэнгши, южнее Паушана, Джеймсу нужно было быть очень осторожным, чтобы не украли его Библии и деньги, так как его постоянно окружала масса людей. Однажды кто-то задел его неустойчивый столик, и стопка книг упала на землю. Некоторые тут же намокли в

луже, другие попали под ноги мулов, бежавших мимо, третьи со скоростью света исчезали в широких рукавах одежд. Мелькнула красная обложка, — шестилетний мальчик быстро сунул Евангелие от Марка за пазуху и исчез в толпе. «Это же не настоящее воровство, — видимо, думал мальчик, — потому что многое раздается бесплатно». Во всяком случае, это не тревожило его совесть.

Шестилетний мальчик пришел на базар по хозяйственным делам. Его отец был преуспевающим кондитером и часто привозил свои китайские пироги на базар в Мэнгши. Его звали Мо, он был интеллигентным и начитанным. Поэтому его сын знал, что отец заинтересуется этой книжечкой. Мальчик заботливо отнес брошюру через горы в Хсянту. Еще мощнее, чем обоюдоострый меч, Евангелие от Марка начало молчаливую революцию в том забытом горном доме.

Путешествие в страну лису

Интерес Джеймса к племени лису нисколько не ослабевал, но как он, так и Эмбери чувствовали, что они должны ждать приглашения.

«Это дело в Божьих руках, — писал он. — Если Он хочет, чтобы я пошел, то Он пошлет меня. Совсем неразумно торопиться или силой взламывать двери, которые Бог закрыл. Но мы подождем. Бог сделал для нас большое дело на другом конце провинции, и мы можем только надеяться, что Он и здесь будет действовать так же мощно».

Многие приглашения были безрезультатны, обещанные проводники не появлялись. Между тем повар, работавший у Джеймса и Эмбери, заметил их растущее разочарование. Повар все больше и больше начинал разбираться в вопросах веры и часто сопровождал Джеймса в его беседах на улицах.

«Вокруг темно, — писал Джеймс, описывая те дни. — Люди бесцельно и праздно проводят время. Я беру с собой старый стул, а повар берет фонарь...»

Однажды повар пришел с базара очень взволнованный. Его сопровождал проводник лису, который был готов тут же вести Джеймса в деревню лису Приятная Долина.

Это случилось примерно год спустя после его прибытия в Тенгвей. В майское утро Джеймс с проводником лису от-

правились в путь. Они пошли пешком в западном направлении вдоль Тенгвейского водопада и отвесных скал, где стоял храм ветров. Наконец они поднялись высоко в горы, где начиналась земля лису.

Деревня Приятная Долина состояла из двенадцати бамбуковых хижин, прилепившихся к скале. Когда Джеймс с проводником переступил через забор, окружавший деревню, он заметил, что в деревне что-то происходит. Он скоро узнал, что завтра здесь намечается помолвка, поэтому повсюду кипела работа и царила радость. Обрадованные неожиданным посещением, лису приготовили Джеймсу кровать на земле у главного костра и дали тарелку с рисом и яйцами.

При свете костра он впервые увидел жизнерадостных, гостеприимных людей племени, которых он так полюбил. До поздней ночи был слышен говор и смех. Кружок вокруг костра сокращался, что можно было видеть благодаря временами вспыхивающей сосновой ветки, которой очередной сосед зажигал свою лампу, чтобы пойти домой.

Говорящая бумага

На следующий день Джеймс увидел многое. Праздник должен был состояться только вечером, и весь день шли приготовления. Своим присутствием он дополнял всеобщую радость, так как не мог сказать ни одного слова на языке лису. Они с таким удивлением смотрели на него, когда он начал записывать произносимые ими звуки на бумаге.

«Он забирает у нас речь, — жаловался один, — и у нас ничего не останется, мы не сможем разговаривать».

В конце дня Джеймс записал четыреста предложений с помощью английского алфавита. Это волшебное искусство с их языком возбуждало бесконечные разговоры среди жителей деревни, их страшно смешила говорящая бумага. Китайцы всегда утверждали, что их разговор нельзя записать.

«Во время праздника я сильно проголодался. Настал вечер. Целый день меня не кормили, только на завтрак дали рис и капусту. Но вечером, прежде чем они сами сели кушать, они дали мне рис и мясо шанхи — это один из видов горной козы. Это было все, что они сами ели, кроме самодельного вина, которое они мне усердно предлагали...

На празднике было около пятидесяти человек. Они расположились кругом на досках, на земле, а рис и мясо стояли посередине на досках…

Еде не придавалось большого значения, это было больше похоже на семейный праздник, полный радости. Я так и не понял, у какой пары была помолвка; они сами не выделяли себя среди других. После еды (боюсь, что они пили всю ночь) был перерыв, но я не мог обнаружить никакого порядка во всем происходящем. Все это было похоже на игру крокет. Потом я зашел и сидел с дюжиной других вокруг большого костра. Один мужчина нараспев рассказывал старую легенду лису, а другие вторили в виде хора. Из всего этого я ничего не понял.

После этого они сказали мне, что сейчас начнутся танцы, которые, видимо, будут до зари. Я вообще не представлял, что это будут за танцы. Принявший меня к себе в дом сказал, что я могу в любое время пойти в его дом, но он, видно, думал, что я хочу остаться и все посмотреть.

Я тихо сидел в углу. Вино лилось рекой, пока мужчины и женщины пили, кричали, смеялись, некоторые вставали, другие садились, некоторые ходили туда-сюда. Одни выходили на улицу, другие входили в ярких цветных одеждах. В доме было грязно, все пропахло дымом, черно, здесь и там стояли большие, покрытые копотью ящики для зерна, одна или две собаки иногда пробегали по комнате, и это все происходило далеко за полночь в деревне коренных жителей на юго-западе Китая».

Можно было предвидеть результаты чрезмерного принятия алкоголя. Джеймс не находил никого с ясным мышлением, кто мог бы слушать его, для чего он собственно и пришел сюда. Но на следующее утро, к его изумлению, один мужчина нашел его среди лежащих кутил и пригласил в свою деревню у горы Тринкет (что значит «обесцененное украшение»), где-то в шести милях (примерно 10 км) от деревни Приятная Долина. «Люди там очень хотят научиться читать по-китайски», — сказал он.

На высоте 7000 метров

Обрадованный новой возможностью, Джеймс тут же отправился в маленькое село на высоте 7000 м. Здесь он жил

неделю и питался тем, что предлагал ему хозяин дома — рис и овощи два раза в день, и спал на земле у костра, как и они. Жители очень заинтересовались его вестью, произносимой на понятном им китайском языке. Как и многие горные жители, они по природе были музыкальны и полюбили китайские песни, которым он их учил.

Семья Ко, у которой он был в гостях, были анимистами, как и большинство жителей. В заднем углу дома у них стоял жертвенник демону. На нем стояла тарелка риса, курительный сосуд и связка листьев, в которой, по их представлениям, жили духи. Над ним висела красная бумага со словами «небо» и «земля». За явной приветливостью лису и их гостеприимством этот жертвенник стоял как мощный бастион вражеского гарнизона для Джеймса и его вести. Однако Джеймс едва догадывался, для чего стоит этот демонский жертвенник.

Как-то вечером он не мог понять разговор между отцом и сыновьями, говорящими на языке лису, но очень скоро ему ясно объяснили, что нужно убрать жертвенник. Они хотят обрадовать настоящего Бога, о Котором они слышали, и Его Сына Иисуса Христа. Итак, без единого слова со стороны Джеймса они бросили жертвенник со всем содержимым в огонь посреди комнаты.

Фразер знал, что они еще мало понимали. «Все происходило радостно и легко», — писал он домой. Наконец маленький луч света озарил темноту их разумения, оставив им едва уловимое понимание истины. Джеймс едва мог представить себе, какой полный несчастья переворот последует за этим происшествием.

Одинокий пост

Джеймс очень желал возвратиться в Тенгвей, чтобы рассказать свои переживания супругам Эмбери. Он нуждался в ком-то, с кем бы он мог поделиться, и очень ценил их дружбу, советы любви, ему горько было услышать, что его опытных коллег посылают в Тали. Его письма показывают, как он был расстроен, узнав об этом.

Он провожал супругов Эмбери и нес их ребенка семь миль за город, а затем вернулся один в опустевшую миссионерскую станцию.

«Если бы была возможность, — писал он, — кого-то другого послать в Тали, супруги Эмбери остались бы в Тенгвее. Но недостаток в работниках так огромен, что никак нельзя что-то сделать по-другому... По всему видно, что я оставлен здесь один и на неопределенное время. Я думаю, что мистер Маккарти придет ко мне, может быть, в следующем месяце. И все же я несу ответственность за сравнительно большое поле нераспаханной нивы, а также еще более тяжелую ответственность за проповедь Евангелия. На мои плечи легло нелегкое бремя».

Джеймс нес теперь ответственность за станцию в Тенгвее. Еще больше, чем раньше, он был зависим от полноты общения с Богом.

Большие испытания в малом

Ситуация, в которой Джеймс теперь оказался, с любой точки зрения была против его натуры. Ему не доставляло никакой радости вести домашнее хозяйство, смотреть за своим участком работы. Он видел раздражительность и обидчивость работника; между работником и поваром постоянно возникали ссоры. Бесконечные мелочи отнимали много времени, которое он хотел использовать для изучения языка, но он должен был учиться покорно смиряться с постоянными неприятностями ради проповеди Евангелия. В противном случае это отразилось бы на его духовной работе во все последующие годы. К тому же он нуждался в соработнике, с которым он мог бы всем делиться. После нескольких недель одиночества он писал:

«У меня такое предчувствие, что моя лучшая возможность для изучения китайского языка навсегда потеряна. Остановки, посещения и занятия по мелочам поглощают большую часть моего времени. Нет, я не жалуюсь, наоборот, я очень рад полностью погрузиться в миссионерскую работу. С этой целью я и приехал в Китай. Но я понял, что будет ошибкой планировать за определенное время сделать намеченный объем работы. Это заканчивается разочарованием, к тому же я думаю, что это неправильный подход к этой работе. Он приводит к нетерпению, когда тебя прерывают или задерживают. Именно в тот момент, когда ты заканчиваешь работу, кто-то приходит

и хочет с тобой поговорить! Ты, конечно, думаешь, что при такой хорошей возможности рассказать евангельскую весть нельзя потерять терпение, но именно это и случается. Может, ты только собрался сесть и спокойно пообедать, или ты быстро пишешь письмо, чтобы успеть к отправке, или ты как раз намеревался пойти подышать свежим воздухом, в котором ты так нуждаешься. Но посетителя нужно приветливо принять, и я думаю, что хорошо внутренне настроиться, чтобы быть способным во всякое время сердечно принять любого пришедшего. Объявление «Вход воспрещен, кроме деловых нужд» вряд ли говорит о миссионерском духе.

Но это еще не все. В последнее время я замечаю, что личная работа с каждым так же важна, как и проповедь. Иметь человека, который хочет видеть тебя в своем доме, и где ты открыто и прямо можешь говорить с ним о спасении его души, можно ли желать лучшего? Я думаю, что беседа при таких обстоятельствах намного эффективнее... Естественно, проповедь перед массами очень нужна, но это не единственный путь, чтобы привести людей ко Христу — об этом говорится и в Писании и это подтверждено практически. Кажется удивительным, что миссионер говорит такое, но если Бог дал мне духовный дар, то не дар проповеди. Я знаю свою неловкость и все остальное... Господь всегда помогал мне в личных беседах и именно такую работу Он дает мне здесь».

Джеймс считал, что у него нет дара проповеди ни дома, ни за океаном. Бывало, что его проповеди в Юньнане были иногда довольно беспорядочны. Он следовал привычке аномального проповедника с его родины, о котором говорили, что он часто уклоняется от темы. «На это он отвечал, — вспоминал Джеймс, — остаюсь ли я при своей теме или нет, но благодарю Бога, что остаюсь при своем деле — приводить людей ко Христу. Я надеюсь, что никогда не потеряю это из виду».

Разочарования и неудачи время от времени повергали его в уныние. Иссяк поток ищущих, интересующихся людей. Большинство людей привыкли к его вести и равнодушно проходили мимо. Некоторые протестовали и предупреждали других держаться подальше от этого чужеземца.

Но Джеймс обнаружил, что Бог Сам хочет открыть Себя

обремененным людям, и очень часто пожилым женщинам, таким, как миссис Ли. Из одиннадцати ее детей выжил только один ребенок, и этот сын — курильщик опиума, как и его отец. В своем горе миссис Ли пришла к живой вере во Христа.

«Послушай, что она говорит: ‹Я была боязливой и переживала за все, а также я сердилась на тех, кто плохо обращался со мной. Но теперь все изменилось. Если такие чувства возвращаются ко мне, то я обращаюсь к Богу, и Он наполняет мое сердце миром›. Когда я ей говорю, что надо молиться, она отвечает: ‹Да, я молюсь. Я постоянно думаю о Боге и молюсь ему во время своей работы›.

Бедная, необразованная женщина, зарабатывающая себе на жизнь стиркой белья, многими униженная и осмеянная, ставшая жертвой жестокого мужа, ежедневно доверяет все своему Господу и прославляет Его! Иногда она почти плачет, рассказывая обо всех своих заботах, но в основном она жизнерадостна».

Громовые раскаты революции

Джеймс стал известной фигурой в Тенгвее, но его авторитет еще более возрос после пожара. Он активно помогал тушить пожар, угрожавший центру города. Китайцы были удивлены, что иностранец заботится об их народе и его достоянии, хотя ему самому ничего не угрожало. Многие посетители приходили, чтобы увидеть его, некоторые спрашивали его мнение о грозящем ниспровержении династии Манчу. Большие надежды возлагали на революционное собрание совета Сун Ят Сена. Были также посетители, которые хотели поговорить о философии и спрашивали, как он смотрит на Сократа и Аристотеля. Интересуясь всеми этими темами и внимательно относясь к каждому, Джеймс нашел много друзей в те дни перед революцией 1911 года.

Сообщения от его друзей лису были нерегулярны и неутешительны. Один из сыновей Ко пришел за лекарством для глаз и рассказал, что в этом году очень плохой урожай и в деревне большая бедность. Он также сказал, что духи ужасно мучают людей. Но Джеймс не мог оставить Тенгвей, он был необходим здесь.

Ему со всей очевидностью стало ясно, что, возможно,

придется много лет хорошо и верно вести работу на миссионерской станции в Тенгвее и вместе с тем видеть, как мало работы делается для Господа. Возможно, даже будет виден медленный рост в работе и, возможно, утвердятся в Господе некоторые верные свидетели. Но он чувствовал, что существует огромный запас сил, которого он до сих пор лишь касался. Он написал домой своему бывшему классному руководителю:

«На мне лежит непосильная ответственность — быть единственным проповедником в радиусе свыше 150 миль... Я ясно чувствую свою немощь, но кажется, что Господу это приносит радость, если Его сила проявляется в немощи. Могу ли я попросить тебя особенным образом молиться за меня, чтобы Бог употребил меня для спасения многих драгоценных душ?

После всего происшедшего я все больше и больше убеждаюсь в том, что только по молитвам Божьих детей Господь благословляет эту работу, невзирая на то, участвуют они в ней лично или нет. Павел насадил, Аполлос поливал, но Бог возрастил. И этот рост может быть вызван с неба только через молитвы святых, вознесены ли они в Китае или в Англии. Мы — Божьи свидетели, используемые Им, чтобы делать Его работу, не нашу. Мы делаем свою часть и после этого можем вместе взирать на Него и Его благословение.

Если это так, то верующие могут сделать дома так же много для евангелизации в других местах, как и работники на месте. Я думаю, что только в последний день станет известно, сколько достигнуто в миссионерской работе через молитвы серьезных верующих на родине. И это основная суть проблемы. Такая работа не заключается в организации необычных выставок, в показе диафильмов, в захватывающих сообщениях и т.д. Как бы ни хороши были все эти методы, они являются только лишь оболочкой, но не корнем дела. Глубокая и плодотворная миссионерская работа совершается на наших коленях. Чего я больше всего желаю — это серьезных и исполненных верой молитв. И я пишу тебе, чтобы попросить тебя и дальше много молиться за меня и за работу в Тенгвее.

Я бы желал, чтобы ты постоянно молился за меня, не

только о спасении погибающих, но и о благословении тех, кто уже принял Христа... В этом я и сам хочу быть вполне серьезным и быть исполненным силой Духа Святого».

Глава 3

Неумолимые вершины

Все же в жизни Джеймса было много аспектов, которые остались скрытыми для его викторианской матери и друзей на родине, но с которыми был знаком его соработник Карл Кауман. Довольно быстро он привык к женщинам, ковылявшим на своих маленьких перевязанных ногах, но к крикам девочек, которым из-за этого ломали ноги, он не мог привыкнуть (у китайцев было такое понятие, что девочка никогда не выйдет замуж, если у нее большой размер ноги). Время от времени ему приходилось брать себя в руки, видя все эти жестокости.

Смерть рабыни

Однажды Карл с Джеймсом шли по главной улице и услышали крики и сердитые голоса. За какой-то проступок избивали маленькую рабыню. Молодые миссионеры остановились, чтобы узнать причину, и обнаружили, что девочка серьезно больна. Окружающие не хотели, чтобы Джеймс вмешивался, — это не его дело.

Через несколько часов Джеймс вернулся и спросил о ребенке. «Она умерла, — сказал мужчина, подметающий двор, и глазами показал: — Вон там наверху, в морге». Джеймс пошел к моргу, и хозяин разрешил ему открыть деревянный ящик, где лежало маленькое тельце. Джеймс нащупал пульс ребенка, он был очень слабым. Он вынес ящик на свежий воздух, и девочка открыла глаза.

Хозяин испугался и страшно разозлился. «Они сожгут мой дом, если узнают, что чужой к чему-то прикасался здесь», — ругался он.

Джеймс понес девочку домой. Они с Карлом положили ее на кровать и старались влить ей в ротик немного воды. В последующие дни они с большой заботливостью поддерживали угасающую жизнь. С молодым энтузиазмом они планировали, как удочерят ее, воспитают и будут платить за ее обучение. Но этого не случилось. Через неделю ребенок умер — одна из сотен маленьких нежеланных девочек в городе.

Подкуп

Как-то утром дверь была открыта, и утреннее солнце заглядывало в дом. Подняв голову, Джеймс от неожиданности вздрогнул, — он увидел на ступеньках немую фигуру, которая была ясно видна на фоне гор. Это был мужчина из племени лису. Когда Джеймс вышел, чтобы поздороваться с ним, то увидел сияние многих красок. Мужчина нес в руке серебристого фазана, пойманного в горах. Он предложил Джеймсу принять в подарок эту прекрасную птицу, и попросил дать ему в долг десять долларов на свадьбу, сразу же пригласив его на торжества.

Джеймс не знал, что делать. Он никогда не занимал денег. Но он пригласил мужчину зайти, и пока Карл разговаривал с ним, Джеймс пошел в свою комнату, чтобы помолиться об этом деле. Через некоторое время он вернулся и дал ему десять долларов.

Семья Тсай предприняла грандиозные приготовления, чтобы принять Джеймса, Карла и повара. Чтобы увеличить жилплощадь в бамбуковом доме на скале, не нужно было разрешения на строительство. Пристройка служила комнатой для гостей. Крыша была сделана из травы, посередине была ямка для огня и светом их обеспечивала куча сосновых веток. Это было очень маленькое поселение, носящее название Шестисемейная Долина. Здесь жило всего три семьи.

Карл с Джеймсом провели здесь несколько дней перед процедурой брака. Они обнаружили, что мама Тсай все держит в своих руках. Ее первый муж умер, оставив ей землю и детей. Она второй раз вышла замуж и, имея ярко выраженный деловой ум, подняла благосостояние семьи. В то же время она явно заинтересовалась евангельской вестью Джеймса и, несмотря на занятость перед свадьбой, садилась и внимательно слушала. В ней был виден настоящий голод по Богу.

Свадьба в горах

Брак был очень красивым цветным праздником, который сопровождался обильным употреблением опьяняющего рисового вина. «Жених, — писал Джеймс, — выглядел хорошо, он был похож на шотландца в своем полном наряде».

Подошел самый важный момент, когда невеста вошла в дом. «Ее свекровь и еще одна пожилая дама пошли вниз и сопровождали ее наверх по ступенькам. За ними шла подруга невесты. В тот момент, когда они зашли в дом, прозвучали четыре выстрела из мушкетов.

После этого было много поклонов и тостов за благополучие новой пары, а также состоялся круговой танец. Три девушки, один юноша и один мужчина стояли в одном ряду, при этом плечи девушек касались друг друга. Недалеко от них стоял еще один юноша, а также мать жениха с гитарой и за ней еще один мужчина. Все смотрели в одном направлении, не поворачиваясь, двигаясь в такт музыке. Если бы ты это видела! Одежда девушек не поддается никакому описанию. Да, все женщины в таких случаях надевают красивые одежды… Некоторые из них выглядят очень красиво. Они любят клетчатый узор из больших квадратов разных цветов. Они также носят большой головной убор и у них широкий выбор тесьмы, шлейфов, цепочек, браслетов и много чего другого.»

Карл с Джеймсом вежливо отказались от вина, но каждый из них получил большую порцию холодного свинного жира. «Я думаю, Кауман съел свою порцию, но я попросил лист платана, чтобы завернуть свою».

Праздновали два дня и две ночи. Больше ста гостей все больше напивались, и праздник становился все беспорядочней. С тупым видом они слушали, как Джеймс и Карл играли на маленьком переносном органе и пели при этом, стараясь объяснить им весть креста. Но только когда праздник закончился и гости разошлись, они могли начать свою работу.

Семья Тсай

На самых высоких горных вершинах падал снег, когда семья Тсай собралась вокруг костра, чтобы послушать Джеймса с Карлом. Собаки, куры и свиньи, точно дети, бродили вокруг них во время игры органа и беседы. Познать истину и верить особенно хотела мама Тсай. У нее было много вопросов, и она глубоко размышляла. Повар, друг Джеймса, без устали объяснял ей все. Они оставались там целую неделю и за это время посетили семью Ко у горы Тринкет Мунтан.

Дома был только отец. Он сильно страдал глазами, но был рад видеть Джеймса и просил его остаться. Но так как сыновей не было дома, Джеймс обещал вернуться позже.

Между тем путешествия из одного племени в другое сильно ослабили силы Карла, и ему нужно было как можно быстрее возвратиться в Тенгвей, чтобы отдохнуть. Суровые жизненные условия и нехватка питания тоже были одной из причин его возвращения.

Последнюю ночь они провели в Шестисемейной Долине. Семья Тсай уверовала и говорила, что Иисус — Сын Божий — умер за их грехи. Они хотели быть членами Его семьи, детьми Божьими. Они не знали, как молиться на языке лису, и будет ли Бог слушать, если они будут молиться на ломаном китайском? Они могли теперь петь песни, которые выучили. В дальнейшем они посетят Джеймса, чтобы научиться большему.

Ободренные, Джеймс с Карлом возвратились в Тенгвей. Миссионерский домик казался им дворцом! Какие мягкие постели, какое царское кушанье и как чисто все вокруг!

Маленькая церковь

В Тенгвее стала расти маленькая церковь. В первый раз изъявили желание принять крещение четыре человека. Миссис Ли хотела принимать крещение после возвращения мистера Эмбери. Джеймс взял троих: повара, водоноса и учителя на берег тихой речушки недалеко от Тенгвейского водопада, где слушатели могли стоять на мосту.

«После крещения я остался стоять в середине реки и проповедовал людям, стоящим на мосту. Внутри все ликовало — какое прекрасное и простое дело! Божье творение — свежий воздух и текущая вода казались мне лучше и естественней, чем всякая купель для крещения в церкви.

Маленькой группой мы пошли назад, разделили хлеб и вино, символы Тела и Крови Иисуса Христа! Это было достойное радости воспоминание. Теперь здесь есть маленькое стадо, о котором нужно было заботиться, первые верующие в этом углу юго-запада Китая...»

Теперь Джеймс был занят еще больше. Хотя он принял решение не пропускать ни одного дня без проповеди на

улице или базаре, его многое сдерживало. Его работа превратилась в борьбу с теми, кто мешал ему делать то, для чего он приехал в Китай.

«Когда мне не удавалось выходить на улицу и проповедовать невозмутимой толпе, я все равно чувствовал внутреннее влечение, которому я не мог противостоять. Внутри все было наполнено Евангелием, которому просто нужен был выход. Последнюю пятницу меня снова удержали от этого служения, и я утешал себя тем, что в следующий день наверстаю упущенное. Но в субботу случилось то же самое, и когда приблизилось время вечернего богослужения, я увидел, что у меня опять весь день прошел без возможности свидетельства. При этом я чувствовал себя скверно. Моя душа потеряла мир, и с большим нетерпением я ожидал конца собрания.

Когда собрание кончилось, я больше не выдержал и, хотя было уже поздно, пошел на главную улицу! Там я встал на платформу и рассказал людям Благую Весть. Сделав это, я был очень счастлив! Хорошее дело, когда Бог призывает тебя работать с Ним. Но я думаю, что еще лучше, если Он побуждает тебя делать это самому!»

Несмотря на все свои обязанности, Джеймс не забывал своих друзей лису. Каждый день он желал еще раз посетить их. В базарные дни лису спускались с гор, и у них вошло в привычку заходить к Джеймсу. После одного такого посещения он писал:

«Посещение семьи Тсай мне очень понравилось. Их простота, непринужденность всегда притягивают меня. Они так доверчивы, как будто я старый друг их семьи. Мужчина, у которого мы были на браке, выучил одну из песен пастора Хсис, и они очень любят ее. В их репертуаре всего три песни.

Осознанно они поют все песни перед вечерней молитвой(!) и затем всей семьей встают на молитву. Они рассказали мне, что уже могут молиться на языке лису. В воскресенье вечером (эти милые, простые души!) им снова необходимо особое собрание. Они немного больше поют и пробуют рассуждать, о чем говорится в песнях. Необразованные дальше некуда, или?..

Но я серьезно спрашиваю себя: разве Господь меньше радуется этим простым неуверенным попыткам поклонения

Ему, чем нашим хорошо организованным богослужениям дома? «Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу Себе».

Олд Сикс, так зовут жениха, остановил нас, когда мы разучивали песню. «Я скажу тебе, учитель, — прервал он, — как нам хорошо с тех пор, как мы стали христианами! Злые духи больше не преследуют нас, как они раньше делали. Люди говорят, что большинство лису из деревни Уютная Долина ждут, не случится ли что в нашей семье. Если нет, то многие из них хотят стать христианами...»

Лицо врага

Джеймс вдруг попал на арену борьбы, к которой вообще не был подготовлен. Князь этого мира не отдает так просто, без боя, свою территорию детям Божьим. Много столетий эти горы были крепостью сатаны, и теперь нелегко будет забрать их у него. Переубеждать, доказывать, какое-то время свидетельствовать не от всего сердца — все это относительно безобидные упражнения, это вполне может существовать рядом с демонским жертвенником. Но когда Дух живого Бога обновляет сердца людей и строит там Свое царство, — это совершенно другое дело, это демонстрирует победу на кресте! Враг, видя такое, тут же идет в наступление. Он подвергает своим нападкам самого свидетеля, его весть и всех, слушающих его.

Как-то вечером семья Тсай как обычно пела свои песни, и отец задал вопрос насчет жертвенника. Вся семья тут же решила сжечь его, что и исполнили. В эту ночь у отца заболела спина, и эти боли быстро распространились по всему телу. Его страдания были так сильны, что вся семья не спала, думая, как бы помочь ему. Наконец они стали просить помощи у Бога. После молитвы боли заметно отпустили и наконец совсем ушли. Это послужило им большим подкреплением в вере. Но все же остался призрачный страх перед демонами, их силой и мстительностью.

Когда Джеймс услышал об этом, то заверил их, что имя Иисуса превыше всех имен. Его победа совершена, пользуйтесь ею. Но сам он был сильно потрясен этим событием.

Маленькая Река

Вскоре у Джеймса появилось столько свободного времени, что он смог предпринять путешествие в горы. Он хотел посетить друзей лису, где раньше бывал, и выучить их язык. Везде ему встречались сердечные, приветливые, но и немного любопытные люди.

В это путешествие он взял с собой Олд Фиве из семьи Тсай. Вот что он писал домой:

«Мы очень хорошо провели время в селении Маленькая Река. В этой маленькой деревушке живут шесть семей, самые простые из всех, которые мне до сих пор встречались. Четыре дня мы были у них. У меня была комната-люкс, но не личная! Это слово здесь совсем незнакомо. Стены этого дома, сделанные из бамбука, пропускали не только свежий воздух!.. Весь день к тебе приходят люди, задают бесконечные вопросы, хотят видеть твои вещи и плюют на землю красный сок бетельных орехов. Если впервые видишь это, то думаешь, что это кровь. Но даже это не отталкивает меня от них. Я думаю, что мне почти все нравится в них, даже плевки! Они, как дети, и поэтому я люблю их».

Они щупали его одежду, рылись в его сумке, сидели на его постели и смотрели, как он пишет. Они были очень удивлены, что ему двадцать шесть лет, а он еще не женат. Они так желали увидеть женщину-англичанку: мужчина, видевший мисс Эмбери, рассказывал им легенды о ней. Может, они смогут найти ему жену лису, — конечно, самую лучшую в горах, заверяли они. Эти люди чувствовали, что по-человечески его жизнь очень одинока.

По этой причине он особенно ценил любовь, с какой они принимали его. Джеймс и Олд Фиве учили жителей Маленькой Реки основным истинам Евангелия. Олд Фиве учил их молиться на языке лису, а Джеймс — простым духовным песням. Сердца людей смягчались, они принимали весть спасения и хотели быть христианами. Все чаще они задавали вопрос: не могли бы они построить церковь для Иисуса, как строили жертвенник демонам, — там, вверху, на горе?

«Это была маленькая хижина с соломенной крышей, открытая на все четыре стороны. Здесь не было никаких идолов. В ней не было ничего, кроме грубо сколоченного жерт-

венника, на котором приносили в жертву пищу, когда демоны приходили и мучили их. Олд Фиве и я спросили их, готовы ли они убрать это?

После бурного совещания они объяснили нам, что готовы отдать все, что не согласуется с христианством. Теперь мы могли с ним делать, что хотим. Олд Фиве и я поднялись наверх... и я с радостью смотрел, как он, срывая все и выбрасывая, воскликнул: «Мы, христиане, не боимся демонов!» На узкой поперечной балке я сделал надпись по-китайски, именно на том месте, где стоял жертвенник, чтобы сделать ясно видимым их поворот к Богу».

Каждый вечер и утро все жители собирались, чтобы помолиться Богу неба и земли. Выбрали человека, чтобы руководить богослужением. Вначале они думали, что Богу нужно поклоняться только в одном месте. Что станет с ними, если они высоко в горах будут пасти скот несколько дней и не смогут быть в собрании? Джеймс объяснил им, что Богу будет приятно, если они и в горах будут молиться Ему.

В конце концов, это же Его горы. Он сотворил их.

Атака на семью Ко

С легким сердцем Джеймс и Олд Фиве оставили жителей Маленькой Реки и пообещали каждый день молиться о них и скоро снова посетить их. Они направились в сторону горы Тринкет Мунтан, чтобы посетить семью Ко. Здесь был крутой подъем, но каждое усилие награждалось захватывающим видом. С большим трудом лису добывали себе пропитание на этой скупой земле, и у них не оставалось времени любоваться красотами природы. Также и китайские кули не замечали красоты, окружающей их. Но Олд Фиве начал понимать, что значит красота гор для Джеймса. Поднимаясь, они то и дело останавливались, чтобы полюбоваться окружающим видом.

«Морщинистое лицо Олд Ко выглядит очень усталым», — подумал Джеймс, увидев его сидящим в дверях. Он встал, поздоровался с ними и пригласил зайти. Помещение казалось пустым. «Может, был плохой урожай», — подумал Джеймс.

Вскоре собралась семья и друзья, и Джеймс с Олд Фиве начали петь. Но петь им мешала начавшаяся в другом углу

комнаты дискуссия. Джеймс сразу заметил, что напряжение растет. У Ко Трее были возражения. Вскоре стало ясно, что петь больше нельзя, и последовал шквал слов на языке лису, который Джеймс пока не мог понять.

Собрание прервалось, и хотя он оставался там всю ночь, ситуацию понять не смог. Только на следующий день, когда они стали спускаться с горы, Олд Фиве сел и рассказал обо всем, что у него было на сердце.

«Он сказал, что когда я первый раз был у них, Ко верили всему, что я рассказывал им, и решились идти за Господом и молиться Ему. В то время у них было четыре сына. Вскоре после этого заболел младший сын. Они молились, как я их учил, о его исцелении, по крайней мере, некоторые из них. Но больному становилось все хуже. Все же они продолжали молиться, но я не знаю, может, они вернулись на свои старые пути. Мальчику становилось все хуже, пока они в отчаянии решили, что нужно предпринять что-то другое. Так они перестали молиться и позвали гадателя, который сообщил им, что причина болезни — одержимость каким-то духом. Он объяснил им, что им нужно пожертвовать что-то, чтобы умилостивить духа, — свинью, птицу или что-нибудь другое. Они принесли жертву, и с того момента мальчик выздоровел».

Некоторое время все было хорошо. Но потом разразился шторм. «Ко Трее — спокойный и кроткий юноша. От него нельзя было ожидать чего-то необычного или жестокого. Но в один вечер он и его младший брат сошли с ума. Он схватил большой ящик с зерном и стал дико бить по нему, как будто это был гонг, приводя всех в ужас. Наконец оба залезли на хиатанг (узкий стол, утверждающий почетное место в родословной) и неистово прыгали на нем. Ко Трее кричал на пожилого отца: «Иди сюда и молись мне, или я умру!»

Младший брат начал запихивать рис в рот, — это делают перед смертью, чтобы что-то взять с собой в другой мир. Охваченный страхом, старый человек стоял и бил поклоны своим сыновьям. Но они продолжали бушевать. Затем Ко Трее схватил глиняную чашу для курения и закричал в демонической ярости: «Я покажу вам, земным людям, имею я силу или нет!» Он с силой бросил чашу на землю, и она не разбилась.

После этого приступа младший сын снова заболел. Несмотря на все старания, ему становилось все хуже, и он умер. Вскоре после этого Ко Тво, другой брат, шел на поле и ругался со своей женой из-за какой-то мелочи. Она пошла домой и отравилась опиумом. Ко Тво тут же убежал, и больше о нем никто не слышал. Они думают, что все это случилось потому, что они оставили поклонение духам и обратились к Иисусу.

«Ты помнишь, — спросил меня Олд Фиве, — какая у нас была большая семья? От нее мало что осталось».

Когда я узнал обо всем, что у них произошло, то перестал удивляться, что они так редко посещали меня. Я был удивлен, что они вообще пришли».

Джеймс тут же узнал в этом работу сатаны.

Не было ли виной всему Евангелие от Марка, которое в первую очередь прочитал Олд Ко, в котором первые шесть глав описывают не менее десяти случаев изгнания демонов? Это было новым сражением для Джеймса, и он был глубоко обеспокоен этим.

«Когда я размышляю об этом деле, мне кажется, что объяснение этому находится в Евангелии от Луки 11,24. После длительного рабства в сетях сатаны эти люди попробовали неумело отколоться и поклоняться Богу через Иисуса Христа. Затем пришло испытание их веры. Сатана бушевал. Он воткнул свой нож в тех, кто позволил себе сомневаться в его авторитете в царстве лису.

Лукавый имел успех. Старые привычки и суеверия взяли верх над слабой верой... Его отступники возвратились к нему. Вначале в виде сладкой награды, чтобы показать, что он добрый господин, — он позволил мальчику выздороветь, но потом стал бить кнутом с силой всемеро большей».

Несмотря на зреющие в нем убеждения, Джеймсу потребовалось долгое время, чтобы поверить, что одержимость демонами еще и сегодня так же реальна, как и при жизни Иисуса на этой земле.

«Ты, может, назовешь это просто воображением, но из Писания мы знаем, что сатана является «князем мира», и сегодня он такой же, как и тогда. «Весь мир лежит во зле». Что мне особенно было больно, это то, что лису в своем незнании игнорируют все трудности в своей попытке стать

христианами, вместо того, чтобы осознанно обратиться от поклонения демонам. И последней горькой каплей для меня было видеть, как все это потрясло веру Олд Фиве».

День скорби

Евангелизация Джеймса среди лису казалась такой плодоносной и люди такими предрасположенными, что новые события шокировали его и заставили по-новому посмотреть на происходящее.

Возвратившись в Тенгвей, он снова отдался молитве. На несколько недель работа в китайском городе поглотила его, но он ежедневно выглядывал в окно, выходящее на запад, на горы, в надежде увидеть посетителей из лису. Но вот как-то утром пришел Олд Фиве, и стало ясно, почему никто из лису не посетил его.

«Я не могу все описать тебе, — писал Джеймс с печалью, — но сатана был сверхусерден. Вся семья Тсай, кроме Олд Фиве, возвратилась на старые пути, к суевериям.

Пока я не был там, заболел лихорадкой старший внук. Возможно, немного хинина помогло бы, но вместо того чтобы прийти к нам за лекарством, как я им предлагал в случае нужды, они послушались соседей и позвали колдуна. Он сказал им, что это дух гневается на то, что они выкинули пучок листьев, и пришел мстить им.

Поэтому они снова повесили большой пучок листьев и пообещали духам при первой же возможности пожертвовать свинью. Они перестали петь и молиться, убрали трактаты и христианские книги. От всей семьи только Олд Фиве остался верным Богу.

Остальные сделали полный возврат к прежнему, хотя бы временно. Они не против, что Олд Фиве остается христианином, если он так хочет, но они хотят использовать время по-другому. Быть может, позже, когда будет безопаснее... Само собой разумеется, — это аргумент сатаны. Я не могу сказать тебе, что мне думать обо всем этом, — ты сама должна это представить себе. Но я все же не перестану молиться за них, как и до сих пор. Ты тоже?»

Эти сообщения повлияли на Джеймса и физически. Все его усилия, казалось, были напрасны, все его чаяния и

воодушевление — ошибочны. Теперь он жалел, что написал мистеру Хосту в Шанхай такое пламенное письмо о начавшейся работе среди лису. Практически от нее ничего не осталось: семья Тсай, кроме Олд Фиве, отошли, да и он тоже колебался; Ко тоже отреклись от веры. И тут он получил сообщение из деревни Маленькая Река.

«Они сообщают мне, — продолжал он, — что люди из деревни Маленькая Река, с такой готовностью принявшие весть спасения, тоже возвратились назад. Они говорят, что после моего ухода некоторые из них заболели, и они вновь обратились к поклонению демонам. Все ли так на самом деле, я не знаю. Если это так, то да простит им Бог, потому что они не знают или едва ли могут знать то, что они делают».

Джеймс был угнетен этими известиями. Его все еще ждала работа на востоке провинции, и время его пребывания здесь подходило к концу. «Я очень желал видеть здесь хорошую базу для настоящей работы прежде моего ухода», — писал он в те дни. Но жатва на востоке требовала работников, а сеяние на западе казалось напрасным.

Джеймс был рад, что рядом был Карл, с которым он мог делиться. Вскоре Карл собирался жениться, и это поднимало настроение в миссионерском доме. И именно в этот момент, когда Джеймс так горько переживал о работе среди лису, Бог послал ему большое утешение в прибытии Ба Тава.

Ба Тав был двадцатитрехлетний карен из Бирмы, свободно говоривший не только по-английски, но и на языке лису. Он был не только образованным, но и глубоко духовным человеком. Его присутствие было, как вода для сухой земли. Он несколько дней ободрял верующих в Тенгвее, а также беседовал с посетителями из племени лису. Потом он проводил Олд Фиве домой и на несколько дней остался в семье Тсай. Среди прочего он учил их из Библии, что дьявол от начала лжец. Его сердечный совет был принят, и Джеймс снова ободрился.

Большая инспекция

Между тем Джеймс получил письмо от мистера Хоста из Шанхая, предлагавшего ему инспекционное путешествие в интересующий его район. Сколько там племен? Где они

расположены? С какими проблемами относительно языка и местности нужно будет считаться?

И Джеймс начал шестинедельное путешествие по исследованию северной, западной и южной горных областей. Его сопровождал Олд Фиве, незаменимый переводчик и друг. Джеймс надел свитер и под брюки — теплое трико для защиты от пиявок и шипов, на ногах у него были сандалии. Они взяли с собой литературу и два одеяла для ночлега. Это было путешествие через горные цепи в ту область, куда еще не ступала нога европейца.

Друзья шли целыми днями, пытаясь отмечать свой путь на самодельной карте. Многие деревни состояли из нескольких бамбуковых хижин, прилепившихся на отвесных скалах над ущельем стремительной реки Салуин на высоте 2700 метров.

Был как раз сезон дождей, и им приходилось при помощи канатов и на досках переправляться через потоки и реки, очень часто они прокладывали себе дорогу по липкой грязи. «Хорошо, что это чистая грязь, — писал Джеймс, — которая полностью отличается от слизистой грязной темно-зеленой массы вокруг сараев».

Крысы-слуги

Их постоянно сопровождали холод и голод. Иногда они ловили и ели горных крыс или горностаев (ласок), порой им удавалось купить в деревне рис и яйца. Безжалостный ветер сопровождал их через перевалы, и они с радостью присаживались ночью у дымящих костров в деревнях. Джеймс находил естественным: «сидеть у бедного очага среди совершенно чужих людей, в тысячах миль от дома и в нескольких днях пути от ближайшего европейца, сушить мокрую одежду и смотреть в тихий мир туманов, дождя и гор, — я более чем счастлив, одна только мысль об этом приносит мне радость».

В каждом селе Джеймс рассказывал об Иисусе Христе. В деревне Тантза его приняли особенно сердечно. Здесь жили больше ста семей, и его пригласили остаться, чтобы поговорить с жителями деревни.

«Целый день люди приходили и уходили, — писал он. — По

вечерам у нас были хорошие собрания. Дом был наполнен до отказа — мужчины и юноши, женщины в своих украшениях, шлейфах и дети, — все стремились проникнуть во внутрь, чтобы послушать.

«Да, да, — усердно говорили они, — мы все хотим быть христианами!»

После собрания везде слышались нескончаемые рассуждения. Часть людей собралась за столом и пыталась читать наши китайские Евангелия, другая группа вокруг костра разговаривала и смеялась... и ко всеобщему шуму кто-то принес гитару и начал играть, приглашая к танцу! А у меня сами закрывались глаза, я смертельно устал, вокруг меня было множество людей, рассматривающих мою москитную сетку».

В этой экспедиции перед глазами Джеймса ясно предстала сила демонизма, действующая над этими людьми. Это не было детской верой в то, чего не существовало. Демоны были реальны, их сила достоверна. Люди жили в страхе, выражавшемся в абсолютной подчиненности.

В одной деревне провинции Тантза жрецы демонов время от времени успокаивали большого духа. Для этого они искали добровольцев. После очищения эти жертвы, нагие и в трансе, поднимались по лестнице, составленной из острых лезвий меча.

«Они рассказывают мне, что ни один человек, пройдя такую подготовку, не был изранен, хотя они все перед этим страдали от страха, представляя себе все это. Они также говорят, что неподготовленный никогда не решится на это, так как лезвия порежут ему ноги на куски.

Достигнув вершины платформы, они оцепеневшими глазами смотрят на толпу и передают неземным голосом весть духа. Иногда они разжигают большой костер, в котором докрасна раскаляют железные цепи, затем в приступе ярости выхватывают их и обвивают ими плечи. И в этом случае никто не потерпел вреда. Может, ты думаешь, что зрители смотрят на все это, как на развлечение, но это далеко не так. Все говорят, что они очень желали бы освободиться от этого бремени, но их вынуждают делать это, хотят они этого или нет.

В последний год только один мужчина был признан достаточно «чистым», чтобы исполнить этот ритуал. Я видел

отца этого человека и их маленький домик в горах, где они дают себя затягивать в сатанинский водоворот».

Джеймс молчаливо наблюдал за всем этим. Недооценил ли он врага? Но «для сего-то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела дьявола» (1 Иоан. 3, 8). Были также волнующие примеры их жажды истинного Бога. Бедная согбенная женщина нашла Джеймса в маленькой мастерской, где он разговаривал с группой мужчин. Ее глаза умоляюще смотрели на него. Она слышала в его проповеди, что демоны и служение им полны лжи. «Пожалуйста, расскажи мне, где правда», — просила она. Джеймс нашел время, чтобы объяснить ей путь спасения во Христе. «Теперь я чувствую мир, — тихо сказала она, — необъятный мир».

Владелица гостиницы просила Джеймса научить ее молиться живому Богу. Казалось, что она поняла значение креста. Все снова она повторяла короткую молитву, которой он научил ее. На следующее утро, когда было еще темно, она снова нашла его. «Повтори мне еще раз, — просила она. — Я хочу молиться, а когда ты уйдешь, то никого не будет, чтобы мне помочь».

Они многое пережили в этом инспекционном путешествии. Джеймс и Олд Фиве несколько раз встречали маленькие села, где инцухт (близкородственное размножение) привел к духовной болезни.

Почти во всех деревнях была свора диких собак для отпугивания чужих: исхудавшие существа, грозно рычащие, они служили намного эффективнее городской стены. Однажды Джеймсу пришлось отражать нападение такой своры собак, и он был тяжело ранен, пока Олд Фиве окончательно не отогнал их палкой. Они перевязали кровоточащие раны на руках и ногах, и он с сильными болями под смех жителей поковылял в деревню. Он думал, что, глядя на его ноги, в данный момент нельзя было сказать, что они пришли с любовью, хотя они принесли весть мира.

Племена кахинов

Возвращаясь на юг, Джеймс с Олд Фиве осмотрели и дикую местность кахинов.

«В большинстве своем это самые грубые люди во всей

местности, — сообщал он. — Наследственные разбойники, они поднимают руку на всякого, и каждая рука поднята против них. Грязные, заброшенные, невежественные и всеми презираемые. Они дикие, но не каннибалы».

Когда они приближались к этой местности, с одного из холмов в них стреляли трое мужчин кахинов. Используя ковбойские правила, они нашли себе убежище за скалами и ждали, пока чужие исчезнут. В горах было также много воров, и не раз на миссионерском пути Джеймса оставляли только в нижнем белье.

В этом путешествии Олд Фиве очень переживал, как они будут защищаться от нападающих. Но Джеймс сказал ему, что они без сопротивления все отдадут разбойникам. Бог позаботится обо всем, что им нужно, если у них ничего не останется.

И действительно, из-за мягких попыток приблизиться к ним, дикие кахины, хотя и медленно, но открывались Джеймсу. Они разрешали ему ночевать в их маленьких хижинах, и во время путешествия у них завязалась дружба, которая впоследствии принесла много духовного плода.

Полученное сообщение

Возвратившись в Тенгвей, Джеймс послал мистеру Хосту в Шанхай отчет на четырнадцати страницах. Только в северной провинции было тристо городов и деревень с населением десять тысяч лису и еще большим количеством кахинов. Для провинции Шэн Джеймс еще не сделал карту. Он был глубоко взволнован видимыми признаками нужды.

Несколько дней Джеймс лежал в постели в Тенгвее, полностью обессиленный, к тому же его ослабляла малярийная лихорадка. На ногах у него были нарывы, причинявшие большие страдания. Душевные и духовные депрессии были естественными последствиями. Но больше всего он боялся получить письмо из главного бюро с повелением идти на восток.

Он и сам не знал, почему он этого боялся. В восточной провинции среди восприимчивых для Евангелия людей в гармонии и единодушии работала группа миссионеров. Его собственная западная область не имела никого, кроме него, и реакция людей на его проповеди была очень слабой.

Неумолимый удар не заставил себя долго ждать. В письме мистер Хост сообщил ему, что работа на востоке стоит на первом месте, и дал ему направление в город Сапушан.

Уметь принимать. Принимая, мы получаем мир.

«Меня не одолело неверие, — мог сказать Джеймс, когда вспоминал те скорбные события. — Я просто не знал, что мне думать обо всем этом, потому что Бог возложил на меня такое бремя попечения о лису и твердое убеждение, что Он ведет меня. И я продолжал молиться — так же много и с такой же радостью, как и прежде, — хотя внешне и озадаченный».

Он ни с кем не разговаривал об этом. Но это было проверкой, испытывающей его внутренние силы. Он был готов идти.

В печальные дни болезни Джеймс непрестанно молился за маленькое стадо лису. Он всем сердцем ожидал дней работы рынка, когда они приходили посетить его, и был сильно озабочен тем, чтобы молодые верующие оставались твердыми в вере.

«В этот вечер снова приходил Олд Фиве... Он принес хорошие новости из своей семьи. Кажется, что все они, кроме его старшего брата, хотят сохранить верность Господу. Они выкинули букет листьев, который несколько месяцев назад занесли в дом, и по утрам снова собираются на молитву. Он также сообщил, что двое больных из деревни Маленькая Река, за которых я молился и молюсь постоянно, выздоровели. Мы говорили о нашем последнем путешествии и о том, как лису везде внимательно слушали нас...

И наконец, сам Олд Фиве твердо стоит в истине и возрастает в благодати, так что для меня он является ангелом, освободившем мой дух от уныния. Как Павел был ободрен приходом Тимофея, принесшим хорошие новости от фессаloникийцев, так и я могу воскликнуть в эту пору уныния: «Теперь мы живы, когда вы стоите в Господе...»

В это же время приехала невеста Карла Каумана, и среди китайских друзей с большой радостью было совершено бракосочетание. После этого супруги Кауманы поехали в свадебное путешествие, а Джеймс остался ждать возвращения Эмбери. У него было много времени для молитвы.

Решение на всю жизнь

Через несколько дней Джеймс получил телеграмму от мистера Хоста из Шанхая. Чтобы понять ее, ему пришлось прочитать ее несколько раз.

«Если вы ясно понимаете, что должны вести работу среди лису, то я не буду настаивать на отъезде в Сапушан».

Хотя в восточной провинции была большая нужда в работниках, они великодушно признали нужду в них и на западе и согласились, чтобы Джеймс продолжал работу в своей области.

Это было зимней ночью, когда он поднялся на холм к заброшенному храму, любимому месту для молитвы. Ему нужно было время для молитвы. Верно ли его решение остаться в Тенгвее? Пришло ли время для работы среди западных лису? Старый священник храма слушал громкую молитву Джеймса.

«При лунном свете я ходил по площадке и громко молился. Вокруг царила тишина. Я молился до тех пор, пока просьбы не перешли в славословие. Вопросов больше не было. Я полностью доверился Богу, Его намерениям. Я решился остаться на своем поле в Тенгвее».

Глава 4

Только одно оружие

Письмо домой

Теперь Джеймс смог представить себе весь объем своих обязанностей. Он не страшился трудных подъемов или спартанского образа жизни, так как любил альпинизм. Но перспектива одному строить живую церковь, которая должна противостать такой мощной силе поклонения духам, повергала его в уныние. Он знал, что за ним стоят Господни легионы. Но он также знал, что в Божьем рабочем плане не существовал сольный работник. Естественно, его поддерживала миссия, но в данный момент не было никого, кто бы поспешил к нему на помощь. Многие работали среди китайского населения и были загружены до предела. И теперь он написал домой о новой форме совместной работы.

«Я знаю, что ты никогда не забудешь меня в ходатайственной молитве, — писал он своей матери, — но поразмышляй и помолись о том, чтобы собрать группу единомышленников, мало или много, в одном месте или в разных местах, которые молились бы об одном. Если ты сможешь собрать маленькую молитвенную группу, то я буду постоянно писать ее членам».

Это было первым предложением для такого молитвенного сотрудничества в работе, и в Лечвуте сразу принялись за дело. В одиночку и по двое люди соглашались разделять с ним это бремя. Они приняли это как деловое партнерство: всем была понятна необходимость отдачи этой работе.

«Как велико на родине число серьезных духовных христиан, и как ободряет сила молитвы церкви! Как я желаю, чтобы частичка этого богатства была здесь для меня и для лису. Конечно, я уже многое получил, но я желаю, чтобы круг молитвенников стал намного больше.

Глядя с духовной стороны, наша работа среди лису не усеяна розами. Я достаточно знаю дьявола, — он непременно держит готовым весь арсенал оружия для противостояния.

Миссионер, ожидающий в любой работе Божьей спокойного плавания, слишком наивен. По милости Божьей ничто

не удержит меня от прямого пути, которым Он ведет меня. Но я буду чрезвычайно укреплен, зная, что молитвы друзей поддерживают меня. Я уверен, что Господь рано или поздно совершит Свое дело среди лису».

Джеймс и не подозревал о том, как жестока будет битва, когда писал эти строки: «По милости Божьей ничто не удержит меня». С таким желанием он начал исследование верхнего Салуина, а затем поселился среди лису, чтобы начать свою работу.

Черные лису

В этом путешествии по Салуинскому ущелью, земле черных лису, Джеймса сопровождал Ба Тав и мистер Гейс — мужчина около пятидесяти лет, полный юмора и жизнерадостный, из американского баптистского братства, и проводники лису. Две недели они шли по дикой негостеприимной местности в северном направлении. Путешествовали зимой, чтобы не попасть в дождливое время, но бури на вершинах основательно испытывали их на стойкость. Последующие строки дают краткое описание:

«Мы ночевали на вершине горной цепи на высоте 10.000 футов (около 3.300 м). До этого мы два дня не встречали человеческого жилья. Опустились сумерки, и начал идти снег. Наши лису сделали своего рода деревянную хижину. На следующее утро на земле лежал толстый слой снега, который почти полностью скрывал дорогу. Лису, мокрые насквозь и дрожащие от холода, должны были искать дорогу через перевал.

‹Ку Те лиао-пу-те› (максимум страданий). Ба Тав сильно повредил ногу и оставлял кровавый след. Еще ни разу он не путешествовал по снегу. Только выйдя из зоны снега, уже почти под вечер, мы смогли разжечь костер и первый раз поесть. Мы увидели вооруженных бандитов, но они не тронули нас. Местность была исключительно красива. Я просто наслаждался ею».

В этот раз они имели при себе новую карту Юньнаня, сделанную майором Девисом, а также описание этой области, составленное королевским географическим обществом. В некоторых местах дорога переходила в тропинку в несколько

десятков сантиметров, а порой только узкая тропка вела через отвесную пропасть глубиной в тысячу футов.

Но повсюду, где была вода, у подножий обрывистых ущелий лепились хижины лису. Было ясно видно, что и в этой местности проживают десятки тысяч лису.

Одинокий домик

С приближением весны Джеймс решил поселиться в деревне Маленькая Река вместе со своим верным проводником Олд Фиве. «Пенящийся поток неистово бушует в двух тысячах футов под нами, а вокруг нас возвышаются горы на 11.000 футов». По его мнению, комната в гостинице лису была очень удобной.

«Эта хижина, собственно, построена из бамбука и соломы и потихоньку разваливается. Но все же она еще не завалилась над нами. Через крышу сильно сквозит, но Олд Фиве латает ветхие места платановыми листьями. Пол, как обычно, состоит из твердо утрамбованной земли, на котором стоят старые чаны, корзины и другие вещи. Но я нахожу это очень уютным и не желаю чего-то лучшего».

Джеймс имел греческий Новый Завет, несколько книг, одну тарелку, чашку и немного постельного белья. Рисом и овощами его снабжал хозяин, принявший его, а «ванная» находилась двумя тысячами футов ниже — в стремительной горной реке.

Дни проходили за днями, и Джеймс понял, что его молитва о просьбе в молитвенниках была своевременной. В ближайшее время он ощутит острую потребность в поддержке. Он чувствовал, что скоро многие лису обратятся ко Христу и последуют за Ним. Он молился, проповедовал и учил, а Бог будет готовить жатву.

Лису были гостеприимны и сердечны, но еще не были заинтересованы Иисусом Христом.

Темные тени

Странные темные тени легли на духовную жизнь Джеймса. Он был смущен и находился в глубоком унынии. Вначале он думал, что причиной этому является его изоляция: время

от времени его охватывало одиночество, но он знал, что здесь была другая причина. Затем он подумал, что, может, этому послужило однообразное питание: рис и овощи составляли очень скудную диету (однажды его высмеяли в Тенгвее, когда он, едва переступив порог, сразу выпил две банки сгущенного молока). Но и недостаточное питание не было причиной: к этому он привык. Он выглянул на улицу, на завесу из тумана и дождя и спросил себя: не в этом ли причина его депрессии. Но постепенно он понял, откуда исходит то влияние, которое для души намного страшнее, чем любое физическое недомогание.

Его атаковали глубокие и предательские сомнения. Действительно ли Бог сказал? Этот вопрос вставал перед ним все снова и снова так ясно, как вставала заря каждое утро. На твои молитвы нет ответа. Никто не хочет слушать твою весть о Христе. Те несколько, что верили вначале, снова повернули назад. Ты же видишь, что это просто не действует. Тебе не нужно было оставаться в этой местности, все твои старания напрасны. Ты уже пять лет в Китае, а результатов у тебя почти никаких. Ты думал, что ты призван быть миссионером. Это было чистой фантазией. Лучше всего — оставь все, иди назад и признайся себе, что ты ошибся.

День за днем, каждую ночь он боролся с сомнениями и мыслями о самоубийстве. Самоубийство? Не раз он пристально смотрел с обрыва на темное ущелье. Может, положить всему конец?

Силы тьмы ослабили его; и если бы в этот момент они смогли захватить его, то эта борьба пришла бы к концу.

Дождь не прекращался. Хижина медленно превращалась в болото, хотя Олд Фиве постоянно латал крышу листьями. Но все же однажды, когда тучи казались темнее обычного, пришло несколько писем из Тенгвея, принесенные через горы до ниточки промокшим усталым бегуном.

Джеймс осторожно распечатал письма, так как они были мокрые и он мог порвать их. В одном конверте из Англии был номер газеты «Побеждающий», о которой он прежде никогда не слышал. Он сел удобнее, чтобы почитать ее, а дождь капал со всех сторон на него.

«Я все снова и снова читал ее — эту газету ‹Побеждающий›. Она показала мне, что освобождение от силы зла

совершается путем решительной борьбы у подножья креста. Я верю, что это действует. Я хочу, чтобы оно действовало. Я понял, что некоторые духовные истины, о которых мы знаем, практически не работают. Во всяком случае, некоторые мои мнения об истине разрушились. С моей стороны требовалась пассивность — все возложить на Господа, доверить Ему свою жизнь — это благословенная истина, но это было не единственным, в чем я нуждался в тот момент. Решительное противостояние у подножия креста — это было именно то, в чем я нуждался. И я увидел, что это действует. Я чувствовал себя подобно человеку, умирающему от жажды, который вдруг увидел источник хорошей чистой холодной воды.

После назидательного общения с людьми, они, возможно, скажут тебе, что именно в этой истине лежит тайна победы. Нет, мы нуждаемся в разных истинах в разное время. ‹Взирай на Господа›, — скажут некоторые. ‹Противостаньте дьяволу›, — написано в Писании (Иак. 4,7). И я увидел, что это работает! Облако депрессии исчезло. Я обнаружил, что могу иметь победу в любой духовной области, если только захочу. Господь Сам противостал дьяволу, сказав: ‹Отойди от Меня, сатана!›

В смиренной зависимости от Господа я сделал то же самое. В то время я говорил сатане, используя обетования Писания как оружие. И они действовали. И именно в этот момент исчезло ужасное оцепенение. Нужно шаг за шагом учиться, как употреблять это новое оружие противодействия. Я должен еще многому научиться! Казалось, что Сам Бог говорил мне: ‹Ты просишь, чтобы Я сделал большое дело среди лису, а Я хочу совершить большое дело в тебе самом›».

Джеймс никогда не смог выразить словами все значение той газеты, которое она имела для него в то время. Эта длинная темная ночь в бедной хижине в горах закончилась утренней зарей победы. Бог ввел его в триумф — совершенный, полный триумф.

Естественно, это была духовная победа. Внешние обстоятельства не изменились. Люди деревни Маленькая Река остались безучастными.

Джеймс продолжал учить язык лису. Он записывал предложения и пытался создать письменность, используя английский алфавит. В этом деле дети были его лучшими

учителями, они любили с ним общаться и, казалось, никогда не уставали повторять для него предложения и звуки.

Странная болезнь Олд Фиве

Враг прибег к другому оружию. Серьезно заболел Олд Фиве. Несколько дней он лежал в лихорадочном бреду, а Джеймс ухаживал за ним и молился за него. Фразер старался скрыть свой страх — потеря такого соработника была бы для него очень тяжелой. Постепенно температура спала, но полностью он не выздоровел.

«Мне больно видеть его в таком состоянии, — писал Джеймс матери. — Временами на его лице особенное выражение, я никогда не видел его таким в здоровом состоянии. Иногда усталый, измученный взгляд, как у страдающего пожилого человека, и затем снова тупой взгляд, полный упрямства. Эти непонятные жуткие перемены в его состоянии просто потрясают... Ты можешь быть уверена, что он нуждается в молитве, — я тебе описал далеко не все, что тревожит меня в этом деле».

Теперь Джеймсу казалось просто невероятным, что Олд Фиве тот соработник, которого он надеялся иметь. Было очевидно, что не все в порядке в жизни Олд Фиве, и два года спустя его исключили из церкви из-за аморального поведения. Позднее он снова был восстановлен в членстве и принимал участие в работе, но уже не был соработником Джеймса.

Весть о частичном восстановлении здоровья Олд Фиве достигла молитвенной группы Лечвута, что принесло им неописуемую радость. На пути в Тали в темной холодной и сырой комнате гостиницы Джеймс писал:

«Если у меня ничего не получается, то я пытаюсь направить свои мысли к Рим. 8,28, а сердце — к Фил. 4,6 — это хорошие крылья, чтобы подняться ввысь: ‹любящим Бога... все содействует ко благу› и ‹всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом›».

Тихие воды

Несколько дней, проведенных в доме мистера Меткалфа, руководившего работой среди племен в восточной провинции, были бальзамом для Джеймса. Синее озеро Тали

длиной тридцать миль и шириной шесть миль тянется параллельно цепи гор с покрытыми снегом вершинами, возвышающимися до 14.000 футов (около 4700 м). Джеймс нашел здесь двух женщин-проводников из Минчи и достиг самой высокой вершины Тали. Это было очень трудным делом, до и после его восхождения несколько европейских экспедиций пытались покорить эту вершину, но не смогли. В ясный день с городской стены Тали можно было видеть вершину Ликианг высотой 7.000 метров. Эту вершину он не покорял! Но позже, в 1937 году, он упоминал, что часто видит группы, пытающиеся подняться, но ни одна из этих попыток не увенчалась успехом.

Супруги Меткалф были очень гостеприимны, и Джеймсу показался их дом сущим раем после пребывания среди местных жителей. Но лучше всего были занятия с мистером Меткалф. Джеймс почерпнул много познаний о миссионерских методах, изучении языка, о работе в церкви среди коренных жителей и услышал многое от опытного мудрого попечителя душ.

При возвращении в Тенгвей он был обрадован бурной деятельностью в Паушане. Это был город, который он впервые посетил пять лет назад. Он оставался здесь один месяц, люди не помещались в маленьком магазине, арендованном им. Немного погодя верующие построили небольшую церковь, первую в этом городе, часть покупки помогли оплатить друзья из Лечвута. Джеймс увидел много плодов от сделанной работы, и для него это была большая милость Божья — как оазис для жаждущего путника.

Громкий голос

В Тенгвее Джеймс начал готовиться к следующему путешествию в горы. Он укрепился и физически, и духовно. Но здесь враг предпринял новую атаку, последствия которой достойны того, чтобы описать их. Его разум был атакован злыми мыслями.

«Эти мысли были постоянно в голове, — говорил он, — даже когда я проповедовал. Я вышел из города (Тенгвей) к скрытой канаве у холма, где я часто молился, и там громким голосом решительно противостал сатане. Я основывал свою

свободу на победе моего Господа на кресте. Одержимость пала как карточный домик, чтобы больше не возвращаться.

Наш Господь громким голосом вызвал Лазаря из гроба, так написано в Писании. Он громким голосом говорил с креста. В дни атаки темных сил я нахожу освобождение в громком повторении подходящих мест Писания, напоминаемых мне Духом Святым. Это прорыв оппозиции. «Противостаньте дьяволу, и убежит от вас...»

Кули-самарянин

Именно в это время бирманец мистер Чанг из Менуина посетил Тенгвей и увидел на улице что-то необычное. Высокий мужчина в одежде кули шел по улице города, шатаясь под тяжелой ношей. Потом выяснилось, что Джеймс нашел на окраине города умирающего человека и нес его шесть миль на своей спине в город. Это было необычным в стране, где каждый человек сам борется за жизнь. И именно эта сцена была началом целой цепи событий, которые наконец привели Чанга ко Христу.

И все же большинство наблюдателей не смотрели на Джеймса как на героя. Некоторые европейцы, среди них и миссионеры, видели в нем необычного, странного человека. Франк Димонд из методистов, написавший много интересных книг о миссионерах, однажды заметил своей дочери, что там, в горах, комичный чудак один совершает миссионерскую работу. Никто конкретно о нем ничего не знает.

На самом деле только странный чудак мог отправиться осенью 1914 года в Тантзу. Нет, он не хотел идти один, потому что по природе был общительным, но он должен был принимать во внимание тот факт, что бремя, которое он нес за племена этой местности, было совершенно личным. Притом не было никого, кто бы мог ему помочь.

Поле боя в Тантзе

Пять недель шел Джеймс через деревни лису и кахинов, прежде чем решил остановиться в Тантзе.

В отдаленных местностях люди везде говорили ему, что они сначала хотят увидеть, как реагируют на его весть в

больших городах, прежде чем они сами решатся принять ее. Так после многих молитв и размышлений он выбрал город Тантзу, стратегически самое подходящее место с сорока деревнями в окрестности.

Наступила зима, когда он прибыл в Тантзу. Там уже было очень холодно, так как город расположен на высоте в 1000 футов над уровнем моря. Джеймс нашел двухкомнатную хижину, которую он отапливал дровами из леса. Он носил одежду лису, ел их пищу и мог уже хорошо разговаривать на их языке. Его дом был всегда открыт для всех.

Но чем больше он учил приходящих, тем яснее видел нужду в письменности. «Если они станут учениками Иисуса, — думал он, — как они смогут следовать за Ним, если не будут способны читать Его заповеди?» К тому же люди часто долго сидели у него, наблюдая, как он пишет, и между тем пробовали подражать ему. Они сами хотели научиться читать и писать.

Через несколько месяцев Джеймс увидел, как возрос интерес людей к Слову Божьему. Некоторые из них приходили ежедневно в его маленькую хижину, чтобы как можно больше узнать о Боге. Он видел, что уже пора пойти в Бирму и обговорить вопрос о письменности лису.

Перед тем как идти, он собрал всех друзей и спросил их, что они думают о его учении? Поняли ли они, что Иисус есть Сын Божий? Он дал им возможность порассуждать между собой об этом. После долгого обсуждения они пришли к нему и сказали, что принимают его учение и что охотно станут христианами, если он останется у них и будет учить их. Затем они вместе поели, чтобы выразить дружбу к нему и его вести.

Письменность лису

Джеймс чувствовал, что пришла пора решения вопроса письменности для лису. С большой надеждой он отправился в путь, сопровождаемый мистером Тсай, который хотел посетить базары в Бирме.

Это было одно из счастливейших путешествий. Когда они приблизились к границе Юньнаня, перед ними открылась красивая панорама Бирмы. В письмах домой Джеймс живо

описывал обширные леса и отражение светильников Иравады. Мистер Гейс и Ба Тав помогали в создании письменности лису, и эта работа принесла им много радости. Но основной причиной радости была уверенность в большом обращении ко Христу в Тантзе.

Здесь, в Бирме, у Джеймса совершился поворот в его жизни веры. В Тантзе было бы очень неверно просто проживать день за днем, поддерживать огонь, принимая посетителей и занимаясь всеми мелочами повседневной жизни. Но он большую часть своего времени ждал Бога. И в ожидании большую часть времени проводил в молитве.

С первой встречи с людьми из племени лису на базаре в Тенгвее он непрестанно молился об этом народе. Уже шесть лет он молился о грандиозном обращении лису к Богу. Он не чуждался ни трудностей, ни лишений, возвещая им Благую Весть, он был готов очищаться и укрепляться огнем испытаний. Во время своего пребывания у супругов Гейс он понял, что Дух Божий побуждает его сделать новый шаг — шаг к молитве веры. Он писал своим молитвенникам:

«В последнее время Господь учил меня многим истинам духовной жизни. В последние двенадцать месяцев в моей духовной жизни действительно произошли некоторые изменения. При этом не на последнем месте было то, что я узнал много нового о молитве веры. Мне стало ясно, что в последние годы я потерял много времени в молитве, которая вообще не была эффективной. Молитва без веры подобна попытке резать тупым ножом, — много усилий мы совершаем ради ничтожных целей. Потому что работа, которую мы достигаем через усилия в молитве, зависит от нашей веры: «По вере вашей», а не по усилиям, «да будет вам».

В последнее время одна мысль сильно занимала меня, что люди отказываются молиться молитвой веры. Они поднимаются с колен с таким чувством, что Бог скоро или попозже ответит им, но не с тем, что Он уже ответил. Это не та вера, которая приводит молитву в действие. Истинная вера прославляет в настоящее время и не заботится о будущем. Божьи обетования даны для настоящего времени и все же достаточны для того, чтобы успокоить наши сердца. Их окончательное действие находится еще в будущем, но Божье Слово так же истинно, как и Его обещания, и нам

не нужно заботиться. Иногда Он сразу дает нам то, о чем мы просим, но чаще всего Он посылает нам Свое обещание (Марк. 11,24). Быть может, в последнем случае Он еще больше прославляется, так как испытывается и укрепляется наша вера. На самом деле, я желаю очень большого участия в молитве о моей работе среди лису, но и такого же большого участия в вере. Вы готовы к этому?»

Крепость его веры сильно возросла, и он заметил, что и для него пришло время молитвы веры.

Это было в 1915 году в Бирме, в доме мистера Гейса, когда Джеймс заключил договор с Богом. Он ясно и решительно помолился о том, чтобы Бог привел к спасительной вере несколько сот лису. Это осталось записанным в его дневнике и в анналах неба. Это была молитва, которой он до этого никогда не молился и никогда не молился позже. Это не было сделано легкомысленно. Многие годы подготовки предшествовали этой молитве, и Джеймс знал, что это был решительный шаг веры.

«Я знал, что пришло время для молитвы веры, — писал он после этого. — Я вполне сознавал, что делал и чего это мне будет стоить. Я решительно взял на себя ответственность за эту молитву веры (сотни семей лису для Христа).

Договор был заключен. Я поднялся с колен с глубоким и полным убеждением, что я уже получил ответ».

Почему семьи?

«Может, ты не знаешь, почему я говорю именно о семьях? Причина в том, что если взрослые члены семьи обращаются к Богу и удаляют из дома все, что служит поклонению идолам, только в этом случае происходит полная отдача Богу. Решительная отдача имеет важное значение среди этих людей. Если человек обращается к Богу, но боится выбросить всех своих идолов, то есть сжечь за собой все мосты, он, наверняка, не устоит на пути истины, но возвратится к старой жизни. Но если он очистит свой дом от всего, то можно быть уверенным, что он устоит. Очень редко бывает, чтобы человек, сделавший такой шаг, возвратился к поклонению идолам. Даже если власть поклонения демонам очень сильно довлела над этими людьми, такой удар разрушает

эту власть навсегда. Если целые семьи из этого народа обращаются к Богу, то это не обязательно значит, что каждый член семьи всем сердцем поддерживает это дело, — это бывает редко, но это значит, что ответственные члены семьи решительно обращаются от сатаны к Богу. Поэтому когда я говорю о многих христианских семьях, тогда я имею в виду семьи, где ответственные удалили из своего дома всякий след демонических вещей. Конечно, и после этого еще много работы, но ты уже точно знаешь, что ты вытащил рыбу на берег и благодаришь Господа за успех. В некоторых случаях молодой член семьи обращается ко Христу, а другие — нет, тогда он не имеет права убрать домашних идолов. Он может при этом быть очень серьезным, но такие обращенные очень склонны к непостоянству».

Оппозиция

С миром в сердце Джеймс оставил Бирму. До Тантзы ему нужно было добираться шесть дней. Когда он еще недалеко ушел от Бирмы, ему встретились люди, которые рассказали ему о трудностях в Тантзе. Продолжая путь, он слышал все больше и больше тревожных вестей, пока один из вестников не предостерег его, чтобы он вообще не возвращался туда.

Вот как он описывает события в Тантзе:

«Именно в тот день, когда я отправился в Бирму, китайцы в Тантзе, которые были многочисленнее лису, начали распространять про меня ужасные слухи... Они рассказывали, что я приехал сюда, чтобы за деньги купить эту область для британского правительства, и что мистер Тсай соучастник в этом деле. То, что он пошел со мной в Миткину для покупки соли — это лишь только хитрость. Его целью было взять деньги, которые ему платило британское правительство! Некоторые тут же предложили конфисковать его дом и собственность. Более мягкие не советовали делать это и наконец все согласились подождать его возвращения.

Когда он вернулся, китайцы провели бурное собрание. Они собрали всех лису, обедавших в тот день со мной у мистера Тсай... После резких дискуссий они заставили их подписать объяснение, что они ни под каким предлогом не станут христианами и не разрешат мне приходить к ним и

жить у них, иначе их дома и собственность будут конфискованы. Тсая, как руководителя, заставили заплатить за ужин для всех присутствующих. Запуганные лису полностью сдались и послали за мной, как гадаринцы во время Христа послали к Нему сказать, чтобы Он удалился из их местности (Марк. 5,17)».

Джеймс на всякий случай собрал все свои вещи в маленькой хижине. Он заметил, что лису, как и раньше, были приветливы, но их страх был слишком велик, чтобы ослушаться китайского большинства. Только если он сможет получить разрешение от правительства на право жительства, они с радостью примут его. Казалось, что это конец работы в Тантзе.

Именно в эти дни ясно открылась истинная природа его молитвы веры.

«Если бы такое случилось год назад, — писал он своей молитвенной группе, — то это повергло бы меня в глубину депрессии. В прошлом я давал унынию слишком много места. Сегодня я стал умнее и полностью согласен с мнением, что всякое уныние исходит от лукавого. Унынию нужно так же противостоять, как и греху. Давать ему место так же плохо, как и поддаваться другому. Уныние к тому же лишает нас силы. Бог чудным образом провел меня через эти испытания, Ему да будет слава. Они ни на мгновение не поколебали мой мир и веру в воскресшего и вознесшегося Господа. Бог сделал меня способным еще больше, чем раньше, доверять Ему, радоваться в Нем и верить Ему, что Он совершит дело благодати среди лису».

Джеймс решил, что лучше всего перебраться в горы югозападнее Тенгвея, которые он посещал пять лет назад. Он поговорил с супругами Эмбери, и они согласились с ним, что этот район может быть плодоносным.

Шестинедельное путешествие

Шесть недель Джеймс путешествовал от города к городу, от села к селу и каждый день описывал в дневнике все приключения, неудачи и радости. Дух поиска влек его вперед. Может, где-то Слово Божье принесет плод. Так он продолжал проповедовать на улицах, на базарах, под палящим солнцем

или ночью у костров лису. В его дневнике и письмах на родину излучаются радость и жизнь: «Проповедовал при луне, — сообщает он, — стоял на большом высоком столе на улице, в руках держал дымящийся фонарь. Необычайное внимание».

На пути к новому месту жительства находился маленький городок Хсянта. Джеймс достиг его с началом сумерек сильно уставший и заметил, что новогодние праздники в полном разгаре. Он нашел себе место для ночлега на природе, как он часто это делал, и на следующее утро у него появился особый голод по духовной пище. Он вышел из села.

«Провел день в чтении Слова Божьего и в молитве один в горах. Чувствую, что нуждаюсь в этом. Просил Бога благословить предстоящий вечер — мое первое посещение в этом месте. Чужой в чужой стране, я здесь никого не знал».

Кондитер

Возвратившись в город, Джеймс увидел театральную группу, которая как раз сооружала сцену на базаре. Они еще не начинали представление, поэтому он взял маленький аккордеон и начал петь. Уже скоро вокруг него собралась толпа, и он рассказал им ту весть, ради которой пришел сюда. Прозвучало несколько насмешек и протестов из задних рядов, но около ста человек остались стоять, чтобы послушать, пока луна не показалась в небе. В заключение Джеймс спросил: «Есть ли желающие больше узнать об Иисусе Христе, Спасителе мира?»

Тут же один молодой человек вышел вперед. Он хочет следовать за Иисусом Христом, утверждал он. Он верил, что Он Сын Божий.

Его звали Мо Тинг-Чанг, кондитер. Он взял Фразера с собой домой и, к его удивлению, Мо достал маленькую, видно, хорошо читаемую книжечку Евангелия от Марка. Мо объяснил, что его сын принес ее пять лет назад после посещения базара, где один иностранец раздавал брошюры. Мо все снова и снова читал эту маленькую книжечку, которая особенно коснулась его. И все эти годы он очень хотел больше узнать, был ли Иисус действительно Богом, Который пришел в этот мир.

Джеймс и Мо все еще разговаривали, когда утро медленно появилось из-за гор. У Мо было столько вопросов, которых хватило бы на неделю, но Джеймса ждали днем в долине, и он не мог больше задерживаться. Он пообещал вернуться через несколько дней.

Закончив обещанную встречу в долине, Фразер поспешил к Мо. Ему устроили царский прием. Его ждала постель в комнате над магазином, для него приготовили лучшее кушанье. Мо спал на полу рядом с его кроватью, оказывая ему честь и уважение. Магазин не работал, чтобы Мо мог использовать все свободное время для своего нового друга.

После двух дней общения и тщательного исследования вероисповедания Мо, Джеймс удостоверился в реальности его покаяния. Единственное, что удивило его, что в комнате над магазином находился большой золотой идол с горящим перед ним курением. Через несколько дней он набрался смелости и спросил Мо о нем.

«Ах, — ответил Мо, — я боюсь за свою семью, если я коснусь его». Джеймс мягко предложил просить у Бога совета по этому вопросу. Его глубоко тронула молитва Мо, когда он просил у Бога силы порвать с этими вещами.

«Когда мы поднялись с колен, он прямиком пошел к рукомойнику, взял полотенце и приблизился к семейному алтарю, но снова заколебался. «Иди сюда, и давай еще раз вместе помолимся», — сказал я, заметив его смущение.

Мы снова помолились, и вопрос был решен. Без слов он убрал красные полоски бумаги со знаками букв для неба, земли и т.д., а также курение, бумажные деньги и идола. Он молча сжег все. Я никогда прежде не видел, чтобы это делалось таким образом. Позднее Мо не раз говорил: «Если я сделал правильно, то сегодня ночью у меня будут хорошие сны!» И конечно, мой первый вопрос на следующее утро был, как он поспал. «У меня были хорошие сны! Хорошие сны!» — с радостным сердцем ответил он. Я видел, что он свободен».

Новость о том, что Мо уничтожил своего идола и символы поклонения, распространилась очень быстро. Люди с любопытством подходили, чтобы увидеть его, когда он стоял рядом с проповедующим Джеймсом.

«Я никогда не встречал более смелого человека, свиде-

тельствующего о Христе, — говорил Джеймс позднее. — На Мо воздвигли гонения со всех сторон... У него на пути были высоты и глубины, но он никогда не отрекался от своего Господа».

Долины Салвея и Меконга

Но были и другие селения в юго-западном районе, где люди по-разному реагировали на проповедь Джеймса. В некоторых селениях лису его принимали с радостью и были готовы слушать. Сельские жители любили собираться вечером у костра и петь песни, которым он их учил. Он также учил их простым молитвам. Жители рассказывали о многих лису, живущих дальше на юге.

Несколько недель он путешествовал по районам, простиравшимся до Бирмы, Таиланда и Вьетнама, а также обошел долины Салвея и Меконга.

По плодоносным склонам было рассеяно большое количество разных племен, которые не посещал еще ни один миссионер, и у Джеймса было только небольшое предчувствие той жатвы, которую принесет его ранний посев. Он стремительно шел вперед, поднимаясь по каменистым горным тропам и вдоль дорог по долинам от села к селу. Все это время он наблюдал за запросами людей, которые говорили, что Божье время подошло.

Чердачная комната в Тантзе

Возвратившись из долгого путешествия, Джеймс услышал, что оппозиция в Тантзе распалась, и для него вновь открылись двери. Весна вступала в свои права. На этот раз ему приготовили в доме заготовителя комнату на чердаке, полном крыс.

Пол был шаткий, неровный и пропускал дым и запахи снизу, но это имело несомненное преимущество: он мог слышать все разговоры внизу. Это помещение стало учебной комнатой. Во время принятия пищи он разделял общение с семьей хозяина, что способствовало их сближению. Из окна открывался красивый вид на лес, и были видны ясные контуры вершины Клеар Тоо, устремившейся в небо.

«Подари мне возрожденных среди лису, — просил он Бога,

когда наступило лето, — и, я честно говорю, буду счастлив тогда и в сарае со свиньями». Но все больше и больше Джеймс осознавал грозную природу темных сил в этой местности. Чтобы противостоять им, необходима была вся полнота духовного всеоружия, а также огромная сила, «дабы вы могли... все преодолевши, устоять» (Еф. 6,13).

Путешествие по южным горам ободрило Джеймса, и он был очень благодарен своим молитвенникам в Лечвуте, которых было всего девять. Он писал каждому отдельно и, хотя проходили месяцы, пока приходило письмо, каждый отвечал лично. У них были очень близкие отношения.

Между тем он предпринял длинное путешествие пешком в Тенгвей, чтобы немного отдохнуть. Супруги Эмбери с детьми считали его членом своей семьи и с радостью принимали живое участие во всем, что он им рассказывал.

Позднее они вспоминали, как Джеймс приходил к ним. Запыленный с дороги, он приветствовал их, затем прямиком шел к пианино и погружался в мир музыки. Бах, Бетховен, Шуман и Шопен, он играл их, не имея ни одной ноты перед собой. И это на несколько часов! Его нельзя было оторвать ни чашкой чая, ни вкусным обедом, вначале нужно было утолить другой голод.

Они также вспоминали, как дом наполнялся смехом, когда он был у них. Он был полон юмора и имел богатую сокровищницу приключений. Для Джеймса Тенгвей был очень необходимым местом отдыха после одинокой жизни в горах. В кругу семьи Эмбери он чувствовал себя, как дома.

Оружие молитвы

Возвратившись в Тантзу, Джеймс еще больше утвердился в том, что только молитва — единственное оружие, могущее вытеснить темные силы. Он проповедовал, он учил, он дискутировал, но плод был почти не виден. Он писал своим молитвенникам:

«Около двенадцати человек решились идти за Христом. И из них немногие, а порой никто не приходит регулярно на богослужения. Я также не знаю, чтобы кто-нибудь из них окончательно отказался от поклонения демонам, — я говорю об ответственных членах семьи. Если можно так

сказать — «сильный еще не связан». Большинство людей еще слишком боятся демонов, чтобы обратиться к Богу. И все же Бог идет впереди меня, и я полон надежды. Я не стараюсь торопить события и все же вопию к Богу о благословенном труде благодати среди лису, пока Он дает мне жизнь».

Его продвижение вперед в понимании молитвы было в эти дни огромно. Собственные упражнения в молитве прибавляли ему опыта в познании Бога и дружбы с Ним. Его исследования Библии о молитве дали ему понимание общей жизненно важной темы относительно дела Божьего. Дух Святой показал ему, как в общении с Богом он может иметь победу в жизни.

«Если двое из вас согласятся... — писал он. — Даже если я молюсь один, у меня такое чувство, что двое принимают участие в молитве, Бог и я... Я не думаю, чтобы просьба, не имеющая в виду цель Божью, будет когда-то услышана» (1 Иоан. 5,14).

Лично я испытываю нужду, чтобы Он руководил мной в молитвах так же, как и в других областях. Я думаю, что хорошо начинать молитву не только размышлением, но и ясной, конкретной просьбой, чтобы я попал на путь молитвы, указанный Духом Святым. Также я нахожу очень полезным для каждой молитвы составлять короткий список, как при подготовке к проповеди. Как важно привести к гармонии дух, так же необходимо направлять разум. Этим я могу навести порядок в своих мыслях. Приготовив молитву, я кладу эти заметки перед собой на стол или стул, склоняю колени и начинаю работу».

9 октября 1915 года Джеймс написал из Тантзы следующее письмо друзьям-молитвенникам. У него была своя комната, пустая и темная, с земляным полом и грубым столом, на котором он мог писать. Письмо было доставлено лису-бегуном в Тенгвей (многодневное путешествие через горы), оттуда его переправили в Бирму, а затем по морю — в Англию, где оно было получено его молитвенной группой.

О молитве

«9 октября 1915 года. Мои дорогие друзья!

Писание сообщает нам о некоторых видах молитвы. Есть

ходатайство и мольба, молитвенная борьба и молитва веры, фактически, может быть, речь идет об одном и том же, но они выявляют различные точки зрения этой большой и удивительной темы. Я думаю, что исследование этих различных выражений Писания принесет большую пользу...

Есть различие, которое мы все хорошо знаем, — это различие между общей и конкретной молитвой. Под конкретной молитвой я понимаю молитву по образцу: Матф. 21,21–22; Иоан. 15,7 и т.д., где выражается конкретная, ясная просьба и где должна быть конкретная вера к ее исполнению. Конечно, вера нужна и в других видах молитвы, если мы молимся о различных вещах, не зная в каждом отдельном случае волю Божью. Я могу о многом молиться в общем, например, о войне в Европе, но я не могу здесь высказать конкретную просьбу, так как плохо знаю в данном случае намерения Божьи.

В общей молитве я ограничен своим незнанием. Но этот вид молитвы — обязанность для каждого из нас (1 Тим. 2,1–2), какой бы неточной она ни была. По существу я могу очень мало знать о предмете моей молитвы, но все же могу в любом случае доверить его Богу и оставить в Его руках.

Хорошо и правильно молиться, даже не зная, за всех людей, за все страны, обо всех вещах во всякое время. Но конкретная молитва — совершенно другое дело. В особом смысле это молитва веры. Конкретная просьба приносится с твердой верой и с ожиданием ясного ответа. Разрешите мне поделиться некоторыми мыслями, которые особенно занимали меня по этой теме последние дни: о молитве веры.

Для иллюстрации просто возьмем случай с канадским эмигрантом. Прельщенный ‹золотым зерном›, он оставляет Англию, чтобы переехать на запад Канады. Он имеет ясную цель перед глазами. Он хорошо знает, что он хочет, и это — пшеница. Он думает о хорошем урожае, который получит, и о деньгах, которые при этом появятся.

Точно так и дитя Божье, которое решается высказать молитву веры. Оно также имеет ясную цель. Это может быть покаяние сына или дочери или сила в христианском служении, или водительство в запутанной ситуации, или множество других вещей, но цель везде ясна. Чтобы сравнить подобие этих двух случаев, будущего канадского фермера и верующего христианина, рассмотрим следующие аспекты:

Бескрайние просторы

Представьте себе бескрайние просторы для фермера в Канаде. Там буквально миллион стран Ближнего Востока, которые ждут обработки. Там не надо наступать на ноги другим людям! Места достаточно для всех — огромные площади неиспользованной земли и хорошей земли, которая остается пустой. Так точно бывает и у нас. Где-то есть просторное широкое поле для нас, куда мы можем пойти и занять его. Там достаточно греха, страданий, достаточно вредного влияния сатаны в мире, чтобы высказать все наши молитвы веры, и в тысячу раз больше. ‹Там остается еще столько незанятой земли›.

Правительство поощряет к эмиграции

Подумайте только о всех стараниях канадского правительства, которое поощряет к эмиграции. Вся неиспользованная земля принадлежит эмигрантам, которые так сильно нужны, что им предлагаются любые льготы — специально созданные бюро эмиграции, дешевые билеты на пароходы и поезда, а земля предоставляется бесплатно! И Бог приглашает Своих людей не менее усиленно молиться молитвой веры: ‹Просите, просите, просите›, — непрестанно говорит Он нам. Он также предлагает Свои льготы: ‹Просите и получите, чтобы радость ваша была совершенна›.

В моем случае здесь, в Тантзе, я конкретно просил Господа о нескольких сотнях верующих семей среди лису. В общей сложности в этой области проживает более двух тысяч семей лису.

Напрашивается вопрос: ‹Почему ты не просил тысячу?› На это я открыто отвечаю: ‹Потому что у меня нет веры на тысячу›. У меня есть вера, или лучше сказать, я верю, что Господь дал мне веры для нескольких сотен семей, но не для тысячи. Значит, я акцентирую границы, которые Господь указал мне, — так я думаю. Может быть, Господь даст мне тысячу, а может, Он поведет так, чтобы мне позднее еще раз повторить эту молитву веры. Кто-то сказал, что Господь пообещал нам хлеб, но Он дарит нам хлеб и масло. Это находится в гармонии с Еф. 3,20: ‹...Несравненно больше всего, чего мы просим, или о чем помышляем›...

Всегда ли мы поступаем так в своих молитвах и просьбах? Советуемся ли мы вначале с небесным правительством или говорим в молитве первое, что придет нам в голову? Даем ли мы время для ожидания ответа от Бога, чтобы узнать Его волю, прежде чем мы приступаем к делу, беря во внимание Его обетования? Это принцип, по которому работает Бог. Я не могу не заметить, что это причина (хотя не единственная) для многих неотвеченных молитв.

Иакова 4,3 имеет широкое применение, и мы должны в этом свете исследовать свои сердца. Я совсем недавно читал свидетельство доктора Стюарта Холдена, где он говорит, что самое большое благословение в своей жизни он получил в неуслышанной молитве. И в моем понимании я могу сказать то же самое. Неотвеченные молитвы научили меня искать воли Божьей, а не своей. Я думаю, что большинство из нас получили этот опыт в своей жизни. Мы молились и молились, а ответа не было. Небо казалось над нами пустым. Это было бы благословенным обучением, если оно хотя бы немного больше научило нас погружать наш повседневный эгоизм в крест Христов. Иногда наша просьба кажется нам очень хорошей, но это не означает, что она автоматически соответствует воле Божьей. Некоторые ‹добрые желания› исходят от нашего не отвергнутого ‹я›. Писание и опыт говорят об одном: кто ближе живет с Господом, тот быстрее узнает волю Его. Мы призваны исполняться ‹познанием воли Его› (Кол. 1,9). ‹Тайна Господня — боящимся Его, и завет Свой Он открывает им› (Пс. 24,14).

Мы должны все больше погружаться в смерть Христа. Мы должны больше питаться Словом Божьим, чем мы это делаем. Мы нуждаемся в большей святости, нам нужно больше пребывать в молитве. Тогда мы не подвергнемся такой большой опасности — неправильно понять волю Божью.

Чудесное обетование в Иоан. 15,7 сразу ограничивается поставленным обширным словом ‹если›. Я спрашиваю себя — нельзя ли свободно перевести этот стих так: ‹Если вы не пребудете во Мне и Мои слова в вас, то вы не будете просить, что вы хотите, и не получите просимого›. Может быть, если бы мы основательно испытывали себя перед Богом, то в некоторых случаях мы увидели бы, что общий курс нашей жизни не гармонирует с Его волей. В таком случае имеет

ли человек право ожидать, что он получит ответ на свои молитвы? В этом не приходится сомневаться, наблюдая множество ‹добрых христианских дел.› ‹Возьми свою работу от Бога› — прямое повеление. Как часто христианские руководители создают собственные планы, тяжело трудятся над ними и затем серьезно просят Бога благословить их. Насколько лучше, как сказал Хадсон Тейлор, ожидать Бога, чтобы узнать Его планы, перед тем как начинать!

Некоторые христианские дела несут на себе отпечаток плоти. Они могут быть ‹хорошими›, и, видимо, они могут иметь успех, но здесь недостает славы Божьей.

Итак, все это применимо к молитве веры. Мы должны иметь гарантию, что мы на правильном месте и делаем правильную работу. Мы должны иметь уверенность, что Бог ведет нас, если мы произносим конкретную молитву. Это не происходит автоматически, так как твое дело соответствует воле Божьей. И Он будет вести тебя к тому, чтобы ты молился об этом. Мы должны брать наши молитвы у Бога и молиться о том, чтобы узнать Его волю. Это может занять определенное время. Бог пятнадцать лет работал над Хадсоном Тейлором, прежде чем Он возложил на него бремя конкретной молитвы за создание Китайской Внутренней Миссии.

Бог не спешит. Он ничего не может сделать через нас, пока не научит и не приготовит нас. Будем стремиться вперед (Фил. 3,12). Мы можем быть уверены, что Он уже приготовил для нас предстоящее служение, предстоящие бремена веры и молитвы, если мы готовы к этому. А Он поведет. Авраам никогда не стал бы образцом веры, если бы остался в Уре Халдейском. Также и мы никогда не будем иметь веры, которая была бы достойна называться верой, пока мы не будем стремиться вперед по следам Того, Кто сказал: ‹Следуй за Мной›.

Утверждение права

Обратимся опять к поселенцу. Он заключил с канадским правительством соглашение. Он согласен на их предложения и условия, он готов взять землю, которую ему обещают. Он заявляет свое право на положенный ему участок, и оно тут

же утверждается. Может ли что-то быть еще проще? Так же просто обстоит дело и с нашим правом в присутствии Божьем. Если мы уже имеем глубокую, спокойную гарантию Его воли в этом деле, тогда мы предъявляем Ему наше право, как дитя своему отцу. Простая просьба — и больше ничего. Не нужно никакой лести, не нужно умолять, не нужно слез, борьбы. Также никакой повторной просьбы. Притча о неправедном судье никогда не должна учить нас тому, что мы только путем усиленной борьбы завоевываем ответ от недовольного Бога. Одной честной просьбы хватает на всю жизнь.

Вначале я четыре года непрестанно молился за лису в Тенгвее и просил, чтобы многие сотни семей обратились к Богу. Как бы то ни было, это была только общая молитва. Бог между тем работал надо мной. (Конечно, я не говорю о том, что кто-то другой должен идти точно таким путем. Действует ли Бог одинаковым образом на двух различных людей?) А затем, примерно в конце ноября 1914 года, когда я жил в Бирме у супругов Гейс, та же самая просьба легла на меня, как явное бремя. Родители иногда наставляют ребенка, когда он неправильно попросил о чем-то, — может, его просьба прозвучала бесстыдно. Родители говорят: ‹Пожалуйста, попроси вежливо›. Именно это Бог сказал мне там: ‹Пожалуйста, попроси вежливо›. Как будто Он хотел сказать: ‹В течение четырех лет ты постоянно просил Меня об этом, вообще не веря тому, что Я это сделаю, а теперь проси с верой›.

Я очень ясно ощутил это бремя. И это было действительно бременем, оно тяготило меня. Однажды после обеда я пошел в свою комнату и склонился для молитвы веры. И в полном сознании, что я делаю и чего это мне может стоить, принес Богу конкретную просьбу с верой. Я сбросил свое бремя на Господа и поднялся с колен с глубокой, спокойной убежденностью, что уже получил ответ. Соглашение было заключено. И после этого (прошел где-то один год) у меня на сердце мир и радость (когда я имею общение с Богом), и я крепко держусь земли, которую занял.

Я больше никогда не повторял этой просьбы и никогда больше не сделаю этого: в этом нет необходимости. Просьба, взятие и сохранение занимают несколько мгновений (Марк. 11,24). Просьба обязательно исполнится, и ее никогда не

нужно обновлять. Это серьезное дело — заключить с Богом завет веры. Он связывает обе стороны. Ты поднимаешь свою руку к Богу, может, даже словесно; ты спрашиваешь конкретно и получаешь конкретно предложенный Им подарок. В этом случае ты в своей вере не пойдешь назад, даже если доживешь до ста лет.

Принимайся за работу

Мы еще раз возвратимся к канадскому фермеру. Он сделал свое право действительным, ему дали согласие на землю; сделка состоялась и скреплена официальной печатью. Это конец? — Нет! Только начало!

Он еще не достиг своей цели. Его цель — урожай пшеницы, а не клочок невозделанной земли; и между этими двумя вещами — огромное различие. Правительство никогда не обещало ему мешки с мукой, готовые на экспорт, — только землю для обработки, чтобы достичь этой цели. Теперь для него пришло время закатать рукава и приняться за работу. Он должен построить себе дом, купить скотину, нанять рабочих, подготовить почву, распахать ее и засеять. Правительство говорит ему следующее: «Мы заключили с вами договор, а теперь идите и приступайте к работе».

Это различие не менее ясно в духовном мире. Как ответ на нашу молитву веры Бог дает нам почву, но не жатву. Ее нужно обработать совместно с Ним. За верой должны последовать дела, дела молитвы.

Спасение мы получаем по милости, но «со страхом и трепетом совершайте свое спасение» (Фил. 2,12), если оно принадлежит нам. С молитвой веры дело обстоит так же. Она дается нам по милости, но она никогда не будет нашей, пока мы не будем жить ею. Снова «вера и дела». Их нельзя разъединить, так как леность не принесет урожая в духовном мире. Я думаю, этот принцип применим в любом случае, где приносится молитва веры. Нет сомнения, что везде, где штурмом берутся крепости сатаны, совершается что-то доброе, и у врага должна быть отнята добыча.

Вспомним израильтян под предводительством Иисуса Навина: Бог дал им ханаанскую землю — подарил (заметьте) из чистой милости, — но, как им пришлось сражаться, когда

они действительно начали занимать ее! Еще подумайте о Данииле (10,12–13): его молитва была услышана в первый же день, когда он помолился; и все же это было лишь началом для войны в небесных сферах, которая длилась двадцать один день!

Тактика дьявола не меняется. Всей полнотой своей силы он будет в первую очередь противодействовать тому, чтобы мы не прорвались к месту реальной живой веры. Он презирает молитву веры, так как это властное указание — сдаться. Он мало обращает внимания на скороговоркой сказанные плотские молитвы, потому что они едва задевают его. Поэтому так трудно достичь конкретной веры в Бога, не имея перед собой ясной цели.

В молитве мы часто должны сражаться и бороться (Еф. 6,10), пока достигнем глубокой, спокойной веры. И пока мы напрямую не пробьемся и не соединим наши руки с Богом, мы не достигли истинной веры. Вера — это дар Божий (Рим. 12,3); если мы здесь раньше времени остановимся, мы используем чисто плотскую энергию или силу воли — орудия, которые в этой борьбе не имеют значения. Как бы то ни было, если мы однажды достигли истинной веры, то все силы ада не возмогут уничтожить ее. Что потом? Они отступают и формируют свои силы на клочке земли, которую Бог обещал дать нам, и они будут бороться за каждый сантиметр. Борьба, собственно, начинается после того, как высказана молитва веры.

Но слава нашему Господу! Мы находимся на стороне победителя.

Почаще будем читать десятую главу книги Иисуса Навина и никогда не будем говорить о поражении. Какое поражение? Нет, победа! победа! победа!

2 Царств 23,8–23 говорит именно о том, что в последние дни было для меня пищей и питьем. Стихи 11 и 12, как в ореховой скорлупе, содержат все то, что я говорил до сих пор.

Пожалуйста, прочитайте это место. Шамма представляет собой христианского воина. Образ Давида может служить прообразом вознесенного на крест и воскресшего Господа, — и заметьте, что Шамма — один из «храбрых людей Давида». Поле, которое он защищал, представляет молитву

веры. Чечевицу, росшую на поле, можно принять за бедные, погибающие души людей, а филистимляне — духи зла в поднебесной. Может, эти люди должны представлять христиан (или добрых людей), находящихся в состоянии духовной бедности. Я могу себе представить, что сказали бы эти люди, когда увидели приближающихся филистимлян и убежали от них. «Может, Бог не хотел дать нам это поле. Мы должны подчиниться воле Божьей».

Да, действительно, мы должны покориться воле Божьей, но нам также нужно противостоять дьяволу (Иак. 4,7). Тот факт, что приближается враг, не является основанием, что мы находимся вне воли Божьей. Постоянная подставка «если это Твоя воля» в наших молитвах является часто отговоркой для неверия. Истинное подчинение Богу совместимо с силой и искренностью. Посмотрите, что делал Шамма, — он совсем просто защитил это поле. В это мгновение он не стремился к тому, чтобы завоевывать еще другие земли! Он просто остановился, где он был, и бил направо и налево вокруг себя. Заметьте и результат его действий, и кто получил славу и честь от этого!

Молитвенная борьба до победы

Я хочу еще раз подчеркнуть, что это необязательно применять ко всякому роду молитвы. Молодой верующий из лису гордится тем, что может рассказать случай, происшедший с ним несколько месяцев назад. Как-то вечером он гулял по своим полям, как вдруг ему стало очень плохо. Он упал на колени и, склонив голову, просил Иисуса исцелить его. И тут же сильные боли в желудке прекратились. Слава Господу! И нет сомнения, что случается множество таких случаев — простая вера и простой ответ. Но мы не должны довольствоваться только такими молитвами. Мы должны справляться с болями в желудке и другими болями, все более и более глубоко познавая Божьи цели. «Дабы мы не были более младенцами» (Еф. 4,14). Мы должны стремиться к зрелости. Мы должны достичь «меры полного возраста Христова» и не оставаться бесконечно в Божьем детском саду. Если мы будем возрастать в духовной жизни, мы не избежим конфликтов. Пока Еф. 6,10–18 будет стоять в Библии, мы

должны настроиться на серьезную борьбу. Мы должны сражаться и затем победно оставаться стоять на поле боя.

Не здесь ли находится тайна неотвеченных молитв — именно в том, что они не до конца сражались? Если результат к ожидаемому времени остается невидимым, некоторые христиане склонны к тому, чтобы потерять смелость, и когда ответ еще дольше задерживается, они совсем опускают руки. Вы знаете, какое имя дают в Англии незаконченному зданию или чему-либо другому? — глупость. Я спрашиваю себя, а не заслуживают ли некоторые наши молитвы этого постыдного имени? Подумаем о башне в Уэмбли: я никогда близко не рассматривал ее, но на расстоянии она выглядит так, как будто там было положено хорошее начало. Лук. 14,28–30 распространяется как на молитвы, так и на башни.

Мы должны всё подсчитать, прежде чем молиться молитвой веры. Мы должны быть готовы платить цену и серьезно отнестись к этому. Мы должны прийти к тому, чтобы все переносить (Еф. 6,18). Наша собственная сила не выдержит, но здесь видна необходимость в данной Богом вере. Тогда мы можем покоиться под вечными крылами Божьими и постоянно черпать силы у Него. Тогда мы можем как покоиться, так и сражаться. В этой молитве борьбы, после непосредственного исполнения верой, нет необходимости снова и снова повторять то же самое. Мне кажется, что действовать так нецелесообразно. Я бы сказал, что в этих обстоятельствах молитва должна иметь следующие формы:

Решимость твердо стоять на данной Богом почве, неустанное проявление веры и принятие победы. Я нахожу, что очень помогает снова и снова читать места Писания, говорящие об этом. Постоянно укрепляйся верой и питайся из хороших источников — из Слова Божьего.

Конкретная борьба и сопротивление сатанинским силам именем Христа. Я охотно читаю места Писания — 1 Иоан. 3,8 или Откр. 12,11 — в молитве, как наступательное оружие против сатаны. Часто я воспринимаю их как большую вспомогательную силу и свободу сражаться в молитве таким образом. Ничего так хорошо не помогает, как Слово живого Бога (Еф. 6,17; Евр. 4,12).

Усердная молитва о каждом аспекте настоящей просьбы. В моей работе с лису я постоянно молюсь Богу об истинном

познании Его воли, о мудрости для работы с людьми, о руководстве в молитве, как мне сохранить победу, как объяснять людям Евангелие, о помощи в обучении языку, о помощи в повседневных разговорах, о помощи в проповеди, об указании, где создать центр, о руководстве в строительстве дома (если нужно), о руководстве в личных делах (слуги, деньги, пища, одежда, и т.д.), о помощи и благословении в моей корреспонденции, об откровении Слова Божьего и о благословении в других селениях, за руководителей и помощников, работающих со мной, за каждого верующего по имени, как и за каждого молитвенника поименно. Такая детальная молитва очень утомительна, но я думаю, очень действенна в определении воли Божьей и достижении Его высших благословений.

Я никого не хочу принуждать молиться вместе со мной конкретной молитвой за обращение к Богу нескольких сот семей лису, так как Бог дает мне к этому личное водительство. Лучше помолиться общей молитвой, чем принести конкретную просьбу без Его руководства. И все же я бы очень ценил совместную молитвенную работу с каждым, которому Бог это открыл. То, что я желаю, — это не упоминание моей работы и нужд перед Господом от случая к случаю или во время утреннего и вечернего общения с Господом, но твердо установленное время, которое специально уделяется для этой цели, или в течение дня или вечером. Можете ли вы подарить это время мне, или лучше — Господу?

Примерно четырнадцать дней назад я крестил двух женщин лису в маленькой деревне Шесть Семей Холлей — жен молодых лису, которых я крестил в прошлом январе. В общем я крестил шесть лису, все они из одной семьи. И все же через день после крещения мне пришлось с болью в сердце отлучить из церкви на неопределенное время мужчину по имени Адо. Это тот человек, который в первый раз познакомил меня с лису в своем доме и также в других деревнях. И до конца прошлого года он был у меня как проповедник и помощник, когда жил у меня.

Открылось, что постоянно в течение прошлого года, он не только в своей деревне, но и в других местах нарушал седьмую заповедь. Вообще лису очень безнравственный народ, но как христианин он был намного грешнее большинства из них. В

январе я крестил его с младшим братом и родителями, но после этого он уже не был со мной. И все же я рад, что ему действительно жаль, и он никогда не пытался скрывать свои преступления. Мы должны молиться за его возвращение. В данный момент у меня нет других особых новостей в работе. Я думаю, в ближайшие дни посетить эту деревню (Шесть Семей Холлей), как и другие деревни.

Я надеюсь написать вам в следующем месяце и остаюсь в серьезной молитве за каждого из вас.

В служении Господу ваш Д. О. Фразер».

Глава 5

Горный дождь

Отверстие в облаках

Старый человек был сердит на духов. Ходя на ощупь в темной комнате, он проклял священника демонов и дорогу к его дому. Боль в глазах была едва выносима, его жена и дети держались подальше от него и разбивали желуди под дубом. Сильные боли сделали Олда Фиша непредсказуемым, и такого же мнения была их соседка, миссис Тсай, которая уже несколько лет назад порвала с демонами.

В конце концов он спустился к ним, защищая ладонью свои глаза от солнца. Они долго еще разговаривали о Боге с миссис Тсай. Эти духи бесполезно тратили время. Может, миссис Тсай все же нашла истину?

«Он взял настоящий меч, — писал Джеймс, — разрубил семейный алтарь и отказался сжечь курение или бумажные деньги, хотя был как раз китайский новый год. Я слышал о таком впервые, чтобы человек по собственной инициативе окончательно отклонил идолопоклонство, хотя он совсем недавно услышал о Евангелии. После этого случая прошло еще три месяца, пока я посетил его. За это время он пошел к моему сотруднику мистеру Эмбери и получил от него глазную мазь, и боли быстро прекратились. Я три дня оставался в их доме и увидел: как он, так и его жена, дети, а также и старые родители чрезвычайно единодушно и серьезно решили поклоняться Богу.

Эта весть быстро распространилась по всему региону, производя на слышавших ее хорошее впечатление. Единственный вопрос, ответ на который ждут люди, виден очень ясно: действительно ли безопасно выбросить злых духов из своей жизни и обратиться ко Христу. Это очень важно — молиться за тех, кто стал христианином, чтобы росла их вера и устойчивость в искушениях, и чтобы они имели силу духа к исцелению от болезни. Потому что, когда кто-то становится христианином и после этого заболевает, лису начинают сомневаться в Евангелии».

Мама Тсай была духовной скалой семьи, незыблемая при

всех противодействиях и семейных проблемах. Ее вера была простой, как у ребенка, и сильной. Три раза, уверяла она Джеймса: ее свинья убегала, и каждый раз она находила ее после молитвы.

Детская вера для детской молитвы, и с этим было связано появившееся понятие о таком Боге, Который верен в Своем Слове.

В духовной тьме этой местности там и тут вдруг засветились маленькие светильники. Но окружающие облака, как всегда, были черными. Джеймсу нужно было быть бдительным, чтобы помешать унынию снова наполнить его душу. Самым тяжелым испытанием были совершенно банальные отпадения. Казалось, семьи с полной готовностью принимали весть о спасении, они даже признавали Иисуса Господом, но затем снова впадали в прошлые грехи. Это была сатанинская тактика войны.

Следующие месяцы показали движение души вперед. Ожидая неделю за неделей обращения к Богу, о котором он молился, и ничего не видя, Джеймс обнаружил, что война идет не только против принцев гор. Проблема была в нем самом.

«Что больше всего удивило вас, когда вы приехали в Китай?» — спросил один студент, с интересом глядя на миссионера-ветерана. Он ответил: «Я сам».

Лестница из мечей

Были времена, когда испытывалась вера Джеймса в силу креста, когда он видел, как глубоко запутались люди в демонском культе. Вначале он очень надеялся на тех в Тантзе, кто имел живой интерес к Благой Вести.

Они жили недалеко от деревни Холодная Лошадь, и идольский жрец ничего не имел против того, что Джеймс учил людей. Этот жрец говорил о себе, что он одержим бесами и принадлежит им. Он пригласил Джеймса на праздник лестницы из лезвий меча, на котором будут присутствовать сотни людей. Джеймс согласился, надеясь иметь там много слушателей.

Случилось так, что именно в это время его посетил миссионер Гоби, они пошли вместе, прогуливаясь между людьми. Он писал об этом в письме домой:

«Лестница из лезвий меча имела где-то тридцать ступенек и стояла вертикально. Она стояла на открытой площади и возвышалась на сорок футов вверх. Вечером перед началом праздника дьявольский танцор, мужчина лет шестидесяти, должен был ‹умыть› руки и ноги в горящем шлаке.

Гоби и я пошли к храму и были свидетелями происходящему. Собралось много людей. Некоторым отвратительно выглядевшим идолам были принесены жертвы, включавшие в себя двух кур, которым дьявольский танцор перекусил зубами шею. Звуками барабанов и гонга они пытались создать какой-то вид экстаза, но это им мало удавалось. Через время из храма появился дьявольский танцор и голыми руками отбросил горящие угли... На следующий день мы оба заметили, что на его руках были следы от ожогов.

Старый дьявольский танцор появился из храма на следующий день после обеда и, сказав еще больше заклинаний, медленно поднялся по лестнице. Сказав наверху еще несколько заклинаний, он медленно спустился вниз.

Затем по ней поднялись и спустились двое молодых людей. Также попыталась и одна женщина. Нам сказали, что дома у нее бывают припадки одержимости, и что она исцелится силой своего ‹бога›, если поднимется по этой лестнице. Но оказалось, что она не смогла получить нужного вдохновения и после некоторых попыток сдалась».

На лицах людей был написан страх. Джеймс вновь убедился, что эти люди — дети тьмы. Они должны были выполнять эти ритуалы и быть послушны духам. Во всем было видно, что они выполняли не свою волю. Даже те, которые прежде были заинтересованы, разочаровались. Абсолютная тьма покрывала людей.

«Я был глубоко разочарован отношением лису к Евангелию в этом регионе, — писал Джеймс. Вначале они с радостью принимали Слово, как часто они это делают. Некоторые говорили, что они хотят стать христианами; один старый человек с сыном серьезно приняли Слово спасения. Но потом оказалось, что страх охватил их, и один за другим они отступали от истины, пока не осталось никого. Нам пришлось оставить их язычниками, как я нашел их вначале. Это было очень тяжелое переживание, и мне казалось, что я на долгое время разбит».

Оглушенный и раненый, Джеймс снова взялся за оружие... (Мих. 7,8).

«Какое-то время я был очень отягчен заботами. Из этого состояния мне помогла выбраться свободная сердечная молитва, чтобы Господь защитил от сатаны, и вновь мир воцарился внутри и укрепилась вера. Для этой цели я вышел из деревни, чтобы наедине излить свое сердце Господу. Его победа должна полностью изгнать дух уныния».

Страдания в молитве

После этих происшествий Джеймс несколько дней занимался вопросом связи между желанием и молитвой. Гоби пошел дальше, и он остался один. Он буквально изнемогал от желания — видеть дело Божье в среде лису. Болезненная, почти отчаянная тоска наполняла его, когда он пребывал в молитве. Казалось, как будто Бог хотел ему немного показать безграничную тоску Своего Духа. И так же, как он разделял болезненную тоску в общении с Духом, он желал видеть своих молитвенников в подобном состоянии. Он писал им об Анне в 1 Цар. 1 гл.:

«Сколько наших молитв имеют то же качество, как у этой женщины, которая молилась с великой печалью в сердце? Как часто мы плачем перед Господом до кровавых ран? Может быть, мы много молились, но наша скорбь не была такой глубокой, как у нее. Может быть, мы много времени проводим на коленях, а наше сердце не было наполнено мучительной тоской. Но истинная мольба — это дитя сердечного желания, и устоит то желание, которое исходит не от этого мира или из нашего греховного сердца, но которое Сам Бог производит в нас. Ах, какие скорби! Пошли, Господи, усердие Анны не только мне, но и всем тем, кто подвизается со мной в молитве за бедных коренных жителей-язычников!

Разве нет достаточного основания для такого усердия?

Мы имеем точно такие же скорби, как и Анна, и какие имели святые Божьи во все века. Из глаз Давида текли потоки вод, так как безбожники не хранили закона Божьего (Пс. 118,136). Иеремия плакал, громко жалуясь о разрушении святого города. Неемия постился, жаловался и пла-

кал, когда услышал о новом бедствии, постигшем Иерусалим. Наш Господь плакал об ожесточении сердец их. У Апостола Павла была великая печаль и непрестанное мучение ради своих братьев по плоти (Рим. 9,2).

Да, и мы имеем наши скорбные просьбы, или должны, по крайней мере, иметь их. Как мы должны себя чувствовать, окруженные повсюду безбожием и неверием?

Была бы нам на пользу легкая беспечность в таких обстоятельствах? Уверен, что нет! И я прошу вас, — работайте вместе со мной, или еще более — разделите со мной скорбь, которую я ежедневно испытываю в работе с лису. Пусть ужасная сила этих злых духов среди них будет и для вас скорбью. Пусть их греховность, их страхи, их слабость и непостоянство будут скорбью для вас.

Просите Бога, чтобы Он возложил на вас это бремя и с такой силой, чтобы оно повергло вас на колени. Я молюсь о вас, чтобы Бог произвел в вас такую печаль, чтобы у вас не было другого выхода, как молиться. Я желаю, чтобы эта скорбь оставила следы в вашем сердце, как и в моем.

Как бы то ни было, такое состояние разума и сердца только тогда будет на пользу, если оно превратится в молитву. Тоска, как бы велика она ни была, производит сама по себе так же мало, как давление пара в паровом котле, если у него нет возможности привести в движение машину. Таков и духовный закон. Большая духовная тоска быстрее повредит, чем принесет пользу, если к ней неправильно отнестись. Серьезная тоска в духовных вопросах — это колокол, призывающий к молитве. Мы не должны ожидать такой тоски.

Мы должны во всякое время молиться, испытываем ли мы голод к молитве или нет. Если у нас есть здоровый аппетит к молитве, тем лучше. Но если этот аппетит остается незамеченным и не утоляется, нас постигнет беспечность, и мы ослабеем в духе так же, как нехватка пищи ослабляет организм. Посмотри, как Анна в 1 Цар. 1,15 справляется с данной ей тоской от Бога. Ее душа скорбела, и она излила ее перед Господом. Благословенная печаль! Но ее нужно излить».

Можно ли выразить словами, сколько значила для Джеймса молитвенная группа в следующие пять месяцев в Тантзе? Там буквально не было ничего, что говорило бы о его работе, — ни покаяний, ни интереса. Его бесконечные путешествия

по горам казались почти бесплодными. В его молитвенном кружке было восемь-десять человек.

Нужна была выдержка, чтобы молиться за одинокого, находящегося вдали миссионера, делающего такие ничтожные успехи. К тому же письма, пока они со своими новостями достигали цели, едва ли оставались актуальными. Они шли самое малое шесть недель. Но Джеймс все же писал и просил о подкреплении.

«Я уверен в том, что Англия полна благочестивых, спокойных, молящихся людей. Пусть их будет немного, но они богаты верой, хотя сами бедны. Их молитв я желаю больше, чем офирского золота. Эти добрые пожилые мужчины и женщины (и не обязательно пожилые), знают, что это значит — иметь силу Божью и быть верными до конца...

Вы будете помогать мне в молитве и, хорошо обдумав, побудите еще некоторых вступить в этот кружок. Прошу молиться о том, чтобы я мог ясно и просто проповедовать и поучать из Слова Божьего. Я не надеюсь ни на что другое — только на весть о Голгофе, чтобы вырвать этих людей из беды».

Он сам нуждался в молитве. Он знал свои слабости: уныние, безучастие и нетерпение. В своем дневнике он записал многие этапы долгой борьбы этих дней. Это история о духовных родовых муках, без которых не рождается ни одно дело Божье.

В то же время это также чисто человеческая история не только о неудаче, но и о созревшей вере.

Ежедневное испытание

Искушения в повседневной жизни были испытаниями. Холодные зимние ветры сменялись частыми серыми дождями весны. Пустая квартира Джеймса постоянно была сырой. Иногда он просто уставал от грязи. Это была не только липкая грязь и плевки лису. Его постель кишела вшами и клопами, что сердило его. И после нескольких месяцев принятия почти исключительно рисовой пищи его организм жаждал чего-то сладкого или немного масла и сыра.

Его ноги были все еще опухшими от прошлых путешествий, и утром он перевязывал их, прежде чем встать с матраца, чтобы успокоить воспаленные судорогой сосуды.

После нескольких пеших путешествий через горные дерев-

ни казалось, что болит каждая косточка, и каждый мускул казался онемевшим.

1 января 1916 года. Я должен быть внимательным, чтобы не встать поздно в это ужасно холодное утро. Живущий в сердце Христос является самым сильным оружием против всякого греха в эти дни — слава Ему!

Воскресенье, 2 января... Серьезная тоска — приобрести души — лежит на мне, но молитва, бывает, непостоянна. Я должен снова найти равновесие в моей молитвенной жизни. А также я должен сохранить мое пребывание во Христе посредством непрестанной молитвы (беззвучной), которое теперь возможно, слава Ему. Рим. 6 теперь уже не мое оружие, больше Иоан. 15.

Суббота, 8 января. Молитва на горе, с обеда до 15.30. Много молился о работе среди лису.

Воскресенье, 9 января. Беседа с семьей Ку об удалении их семейного алтаря и о завтрашней помолвке их сына.

Понедельник, 10 января. Почти все христиане ушли на помолвку (где много пьют и танцуют). Я почти весь вечер провел в молитве. Ничто другое на этой земле не принесет мне непреходящей радости, как только спасение большого числа лису. Когда я слышу, что где-то лису обращаются или только хотят обратиться, это радует меня, как ничто другое.

Воскресенье, 16 января. Сегодня на богослужении не было ни одного человека. Стены Иерихона разрушились через веру. Из всех примеров веры в послании Евреям этот больше всего соответствует моей ситуации. Но не только одна вера была необходима, стены обрушились после того, как они семь дней обходили город. Семь дней нужно было иметь терпение и делать ежедневно тщательный обход города, — это значило заниматься постоянной молитвой. В этом виден Божий путь успеха в нашем деле — триединство молитвы, веры и терпения.

Вторник, 18 января. Сегодня молитва больше в общем, чем в определенных направлениях, терпение — главная мысль. Авраам был вызван Богом и пошел со слепой верой. Когда он достиг обетованной земли, он не нашел ничего, кроме голода, — почти как у меня с лису в последние два года. Но Авраам или его потомки позже владели молоком и медом этой земли.

Божье время пришло для Авраама, но не для аморреев.

Божье время пришло для меня, но для лису, возможно, еще не пришло ни в этом месяце ни в этом году.

Я также сильно удручен, что не знаю канавок, которые пробьет благодать Божья среди этих людей. Поэтому должна быть общая молитва до тех пор, пока Божий план не станет более ясным».

Тайная обязанность

Один из помощников Джеймса в те дни был в плохом настроении и часто вел себя бесстыдно. Он бесполезно растрачивал деньги и время Джеймса и, казалось, не способен был хорошо сделать какую-то работу. В это время Джеймс встретил свое «Ватерлоо». Это было «сильное нетерпение», которое бурлило в нем, и его нужно было победить. Он был глубоко обеспокоен своим состоянием. Вокруг никто не мог заметить эту борьбу, но возмущение внутри было поражением. Он определенно знал, что Иисус обещал освобождение от этого, потому что, как сказано, «ваш дух и душа, и тело во всей целости да сохранится без порока» (1 Фес. 5,23).

Только Бог мог видеть тайные усилия человека, желанием которого было — быть совершенным в Нем. Никто другой не мог этого видеть.

Заметки Джеймса в дневнике показывают, как его взгляд поднимается от нижних склонов к вершинам. Его дневник честно отразил все этапы этой борьбы.

«Вторник, 1 февраля. Где-то три часа молитвы после обеда, но никакого достаточного понимания или разумных методов, — как будто мне нужно было возместить молитвенные долги.

Четверг, 3 февраля. Подавленность после неудачи утром, целый день не было настоящего восстановления (последний день китайского года).

Пятница, 4 февраля. Был в посте до двух часов дня. Сильная печаль о положении дел в Тантзе. Нет никого, на кого бы можно было положиться в деле, где требуется серьезность... Кажется, что лукавый сегодня одержал во мне победу. Вечером борьба между Гу и Ку, а также между О. С. и Аду. Ку ушел на танцы. Несколько посетителей в течение дня... Небольшая молитва в большом страдании души на вершине холма. Чувствую влечение ‹оставить Ефрем›... Но именно здесь

меня разрывают на части две возможности: я не вижу воли Божьей в том, чтобы оставить Тантзу; я не молюсь: ‹Господь, поведи меня в другое место›, а говорю: ‹Господь, подари мне крепкую церковь здесь, в Тантзе›.

Суббота, 5 февраля. Вчерашняя атака уныния и неудачи почти прошла, но еще не совсем. Нелегко подняться после такой борьбы. Как всегда, в большей мере этому способствует взаимодействие здорового человеческого разума и мирной веры. Вечером пришли супруги О. С. с добрым разговором, а также и Ку. И все же меня беспокоит положение вещей... Большинство христиан начали пить виски... Положение в Тантзе в данное время дает меньше надежды на лучшее, чем тогда, когда я первый раз попал в это место.

Но все же у меня нет больше темного унылого взгляда, как вчера... Оппозиция не будет побеждена аргументированием или мольбою, но (главным образом) путем постоянной, упорной молитвы. С людьми мы не должны спорить (очень трудно выяснять отношения с лису, который одержим духом страха), но силы тьмы должны быть побеждены. Я остаюсь теперь полностью хладнокровным: если работа кажется напрасной, — молись; если служение остается бездейственным, — тогда молись еще больше; если месяцы проходят с очень малым результатом или вообще бесполезно, — тогда еще больше молись и проси других помочь тебе молиться.

Воскресенье, 6 февраля. Б. и Ва сказали, что хотят стать христианами, если родители разрешат... Четверо молодых людей говорят, что хотят следовать за Христом, что бы ни случилось... Впервые я занимаю полностью новую позицию по отношению к ним. Я прикрываю сердечную тоску спокойным, почти беспечным видом. Я думаю, что в данных обстоятельствах это самый лучший путь, он поможет им больше доверять мне.

Вторник, 8 февраля. Утром Мо Ла П. решается идти за Христом. Гу, Ва и Т., все находятся в его доме... полные радости и хвалы».

Семейный огонь радости

В те дни были и мгновения радости: маленькое ободрение, чтобы Джеймс не был испытан сверх сил.

Путешествуя в южное селение, Джеймс остался в том месте, которое он называл «Черная яма от дома Калькутты», и когда он утром готовился идти дальше, собрались жители вокруг него и просили остаться: они хотели стать христианами.

После многих объяснений и поучений Джеймс помолился с ними, и затем стоял и наблюдал, как они разрушали предметы своего идолослужения. «У нас был добрый старый огонь, — писал он.— Радость при виде происходящего подобна радости при крещении».

Одна семья в близлежащем селении поступила так же. После радостного костра они вместе с Джеймсом осмотрели дом внутри и снаружи, «чтобы посмотреть, все ли хорошо», — сообщал он.

Различные духи витают внутри и снаружи дома, так верили они и хотели полностью избавиться от них.

Огненная проба

Но порой Джеймс все же унывал. Не было местной церкви, которая могла бы укрепить его веру, и не было рядом того, с кем бы он мог помолиться. В своей одинокой комнате Джеймсу стало ясно, что эта работа останется безрезультатной, если он сейчас духовно сдастся. В марте он писал:

«Вопрос остается открытым, — действительно ли я хочу посвятить себя Господу, или пойду на компромисс.

Компромисс последней ночи длился до утра и в результате — угнетающее беспокойство. Не был способен занимать решающую позицию до обеда. Потерянное утро было естественным результатом... О, я сам нуждаюсь во многих, очень многих молитвах в эти дни!»

Два дня позже он писал об одном человеке, причинявшем ему беспокойство:

«О Ло Зи был вечером здесь... После того как он ушел, я мог бороться за него в молитве, услышав, что он вновь решился быть христианином. Его нужно поддерживать в вере. Я очень укрепился статьей миссис Пени-Левис, рассуждающей над словами: ‹Скажи этой горе...› Был способен говорить в этот вечер. Пошел спать сильный духом».

Кто-то из друзей продолжал посылать ему газету «Побеж-

дающий», и ее статьями он сильно укрепился, особенно статьями Джесси Пени-Левис. Впоследствии одна знакомая очень удивилась, когда Джеймс сказал ей об этом.

«Я вообще не нахожу, чтобы ее статьи послужили кому-нибудь в помощь, — критически заметила она.— Мне кажется, она слишком много внимания уделяет дьяволу».

Джеймс повернулся к ней. «Нужда является ключом», — ответил он.

Никто не продвинется на своем духовном поприще без единой встречи с врагом, а враг знает стратегически важную цель. После борьбы тех дней Джеймс пишет свои лучшие статьи. Он обнаружил новый свет в природе духовной борьбы.

«20 марта. Каждый раз, когда твой дух тонет и слабеет в испытаниях и искушениях, ты теряешь победу над силами тьмы. Это значит, что ты подчиняешься им, вместо того чтобы побеждать их, оставаясь в Господе. Каждый раз, когда ты занимаешь плотское положение, — думаешь, как все люди; говоришь, как говорят люди; смотришь с точки зрения людей, — ты занимаешь место среди сил тьмы. Господство над ними зависит от твоего духа, возвышающегося над ними. А место над ними называется Божьим установлением, Божьей точкой зрения, Божьими мыслями, Божьим планом — знать Божьи пути, оставаясь со Христом в Боге. Может, ты слишком сильно связан с этим миром, так что твой дух не может подняться над ним. Дьявол знает об этом и окружает тебя всем земным, чтобы удержать тебя внизу, чтобы ты был побежден, когда начнется сражение.

Рим. 8,11. Ты должен иметь большие познания в оживлении тела, если ты хочешь быть способным выдержать данную борьбу. Исчезнет твоя естественная сила, значит ‹Бог оживит твое смертное тело›, чтобы сделать тебя способным выдержать то, чего не могут пережить плоть и кровь.

Одно из искушений в духовных трениях, — когда тело начинает уставать и ты говоришь: ‹Я должен сдаться›, вместо того чтобы отдаться Богу, Который воскрешает мертвых и может всевозможными способами оживить смертные тела, чтобы они выдержали и торжествовали.

Еф. 6,10. Ах, как мы нуждаемся в силе, так как часто мы едва можем удержаться на нашей позиции!

В каждой борьбе есть решающие критические места. При-

близься и будь рядом с твоим Божественным Господином, пока Он не разрешит их. В этом случае смело вступай в сражение и побеждай. И хотя битва становится ожесточенней и поражение кажется неотвратимым, и даже если бой длится часы, дни, месяцы, даже годы, все же стой твердо, потому что таковым написано в Иер. 1,19: ‹Они будут ратовать против тебя; но не превозмогут тебя; ибо Я с тобою, говорит Господь, чтобы избавлять тебя›.

Цель сатанинских сил — отрезать связь человека с Богом.

Чтобы достичь этой цели, враг видимостью поражения вводит душу в заблуждение, покрывает большим облаком тьмы, лишает мужества, подавляет дух, который в свою очередь препятствует молитве и ведет к неверию, — и тем самым разрушает всю силу (вместо того чтобы брать во внимание Евр. 11,1).

На любую позицию, которую ты действительно занял с Божьей помощью, можно тут же с верой вернуться после временного неправильного шага.

Это самая коварная уловка врага — загрузить нас видимыми, поверхностными занятиями (к примеру: продажа книг, изучение языка, содержание миссионерской станции, писать сообщения, заниматься корреспонденцией и библиотекой, стройкой, ремонтом, закупать, читать и т.д.). Враг очень рад видеть нас непрестанно занятыми менее важной работой, чтобы удержать нас от истинной духовной борьбы и победы. Порассуждай над этими словами. Д. О. Ф.»

Несколько дней Джеймс чувствовал себя духовно сильным и способным защищаться от странных чувств. Но бывало так, что он чувствовал себя вялым и слабым, как будто ноги его находились на скользкой поверхности.

В один из дней он стал небрежнее в молитве, разрешил путешествовать своим мыслям. Это был день поражения. Когда трое многообещающих посетителей пришли на вечерние занятия, Джеймс рассказал им, что случилось.

«Очень ясная атака духовной слабости, без сомнения, усилилась через добавочные поражения вечером с Ку, Ва и О. С.

Последний, казалось, был одержим смеющимися демонами, он вел себя совсем иначе, чем обычно! Бессмысленный вид во время занятий, сопровождаемый приступами смеха

(такое в моей практике было впервые). Как только я начинал молиться, Ва следовал его примеру. Я перестал молиться и с гневом отругал их, что, естественно, было ошибкой с любой точки зрения.

Но я был не способен справиться с этой ситуацией. Я не мог остановить ни себя, ни других. Чувствую себя слабым, вялым и большей частью беспечным; потерял способность воспринимать. Необычно наглое поведение О. С. кажется только отражением моего собственного состояния. Чувствую себя почти так, как будто демон через него высмеял меня из-за моей беспомощности, поражения и духовной лености.

Но все же сопротивляюсь унынию и с Богом привожу это дело в порядок. У меня уже и раньше не раз бывали поражения, но до сих пор я совершал ошибку — давал место унынию, вместо того чтобы спокойно исследовать причину его. Но на этот раз вор не уйдет...

Прежде мне нужны были дни, чтобы подняться после таких поражений. Затем, когда я стал более опытным, — всего лишь несколько часов. Но теперь я знаю, что и это слишком долго, и я отпускаю себе всего лишь несколько минут для полного восстановления мира в сердце. Чем раньше, тем лучше (1 Иоан. 1,9).»

Здравый разум

Здравое понимание и уравновешенность хорошо видны на страницах дневника Джеймса. Он четко контролировал свое время. Иногда делал прогулки. Часто брал книгу, садился на солнышке и занимался изучением языка.

«Иногда, — писал он, — общее состояние неудач и слабости чудесно изменяется, если начинаешь заниматься каким-нибудь серьезным делом и настоящей работой».

Когда маленькая темная хижина слишком давила на его психику, он вставал и выходил на улицу, чтобы воспеть Богу хвалу за победу, которую он одерживал с помощью небесных сил.

«Да, пассивность, или назови ее другим некрасивым словом ‹леность›, является причиной половины моих неудач. Я очень хорошо знаю, что всегда могу иметь победу, — весь

день. Это подтверждает, что я чему-то научился... Если ты слаб и чувствуешь себя неспособным освободиться от власти греха, встань и спой псалом или решительным словом противостань врагу. Можно закатить рукава и позаниматься изучением языка лису. Нехватка этого духа приносит поражение. Мораль: попытайся найти Божье равновесие между молитвой и работой.

Нам, христианам, никогда нельзя быть побежденными! Хотя бы одно оружие должно быть всегда действенным, если даже все другие откажут...

Если мы терпим поражение, этому всегда есть причина. Нам нужно только постараться уяснить ее. С помощью Духа Святого ищи истинную причину. И затем сбереги ее, чтобы не искать в будущем...

Утром большее время провел в молитве, очень спокойно. Особенно молился за О Ло Зи, больше всего против властей тьмы, которые удерживают его. Затем молился дальше, пока, как казалось, не довел борьбу до конца. Остаток дня провел в изучении языка лису. Чувствую себя духовно здоровым. Урок с пятницы продолжает выжигаться во мне.

Да, действительно, Бог учит».

Он простирался в молитве за О Ло Зи и боролся за него, осознавая силу, действующую через него. Спустя две или три недели он писал:

«Видел сегодня самую большую победу с тех пор, как я ступил на землю Тантзы. Разрушилось служение идолам О Ло Зи. Ку С. охотно помогал... Ах, как мне хочется научиться совместной работе с Богом во всех областях! Сегодня это мне стало намного яснее, чем раньше».

Письма Джеймса показывали, что он все еще обладал большой способностью наслаждаться жизнью. Его энергичный дух и острая впечатлительность делали его письма друзьям в Лечвуте очень живыми.

Выбор

После пятимесячного пребывания в Тантзе Джеймс не видел больших изменений — не было большого обращения лису ко Христу. Божье время еще не пришло. Джеймс хотел написать мистеру Хосту, с предложением заняться другой

работой, а через несколько месяцев возвратиться к лису, — может, даже через несколько лет.

Это был самый тяжелый выбор, который ему когда-либо приходилось делать. Когда он запаковал свои сумки и надевал сандалии в это последнее утро в Тантзе, то чувствовал себя как бы оглушенным. Все же, прежде чем попасть в Тенгвей, чтобы написать мистеру Хосту, он должен был пойти в горы Тапу Пум. Здесь, на горной тропе, было достаточно времени для размышления.

Тропинка уходила круто вниз в ущелья, окруженные скалами, и дальше — снова каменистые дороги и скользкие серпантины подъема, пока не достигнешь деревень.

Отдаленные и бедные селения кахинов находились под расщелинами горной цепи. Ослабленному путешествием Джеймсу недостаточно было питаться одним только красным рисом — здесь не было ни мяса, ни овощей.

Лихорадка

Через несколько дней он решил полечиться частичным голоданием, чтобы нормализовалось пищеварение. Но скоро заметил, что слишком слаб, чтобы проповедовать и петь. В конце концов, у Джеймса началась лихорадка, и он медленно направился в Тенгвей.

Эмбери сильно испугались, когда увидели исхудавшего Джеймса. Бледный и нездоровый, он сидел, измученный лихорадкой, на плетеном стуле в передней комнате. Тропическая болезнь могла быстро закончиться смертельным исходом. Они не теряли времени и усердно лечили его теми лекарствами, что имели, и старались купить для него на базаре нужные продукты. Это была, скорее всего, малярийная лихорадка, осложненная истощением и всеобщей слабостью.

Но Джеймс был молод и силен. Прошло немного дней, и он сел за маленький орган в зале и стал играть. Он нуждался не только в медицине, питании и покое. Он нуждался в друзьях, чтобы молиться с ними и разделять тяжкое бремя своего сердца. Для него было бы неплохо остаться теперь здесь и ждать давно ожидаемого обращения народа лису к Богу.

Посещение здоровой, хоть еще и молодой церкви в Пау-

шане укрепило его веру. Здесь было ясное доказательство Божьих действий среди китайцев, которым он проповедовал шесть лет назад. Самым утешительным было то, что церковь находилась под руководством молодого китайского пастора, человека, как писал Джеймс, с «сердцем пастыря».

Дружба с Мо

На своем пути из Паушана в Тенгвей Джеймс свернул в сторону, чтобы посетить Мо, кондитера из Хсянта. С этим человеком он имел близкое общение.

«Мо замечательный, серьезный христианин, — писал он об этом посещении.— Просто удовольствие быть у него и видеть, как он свидетельствует. Все агрессивные нападки он всегда принимает радостно и спокойно... и с такой ловкостью и умом приводит доказательства.

Я сейчас пишу за столом в большой комнате на втором этаже, наполненной всевозможными вещами, так как порядок и чистота не относятся к его лучшим качествам! Здесь стоят три кровати, с обыкновенными рейками на подставках и с соломенным матрацем наверху. Здесь также стоят высокие глиняные горшки, штабель дров, клубки шерсти из Бирмы, запасы фруктов и разные другие вещи. Мо смотрит, как я пишу, и спрашивает меня о тебе:

— Твоя мать тоже верующая? Сколько ей лет? И она может также читать, как и мистер Эмбери? и т.д.»

Мать Мо была наркоманкой, враждебно настроенной против его веры, и это было тяжелым испытанием для него. Она часто угрожала ему, что кончит жизнь самоубийством, так как ей стыдно, что он стал верующим. Ее самоубийство было бы пожизненным знаком позора для их семьи.

Мо попросил Джеймса остаться на неделю, чтобы посоветоваться с ним. Они несколько дней после обеда прогуливались по холмам и вместе просили Бога о мудрости и водительстве, а вечером вместе читали и молились в маленькой комнате над магазином. В течение этих дней Джеймс утвердился в том, что ему нужно сделать еще одну, последнюю, обработку своих бесплодных полей. Он теперь соглашался на несколько лет предложить себя для работы в другом месте, если Божье время еще не подошло.

Последнее путешествие

Двое лису из Тантзы сопровождали его, когда он еще раз пошел по горам. На сердце у него был необъяснимый мир.

Он не будет предпринимать никаких уговоров и никаких усиленных упрашиваний. Он верил, что однажды лису во множестве обратятся к Богу. Но теперь он будет иметь терпение земледельца. Теперь, после того, как он старательно вспахивал, сеял и поливал, он должен ждать урожая.

Во вторую ночь путешествия по западу Джеймс и проводники остановились в деревне, которую он раньше посещал. За утесами возвышалась впечатляющая вершина Тапу Пум. Деревенские жители, как всегда, окружили его, смеясь, пели песни, которым он научил их, и в ритм хлопали в ладоши.

Когда наступила ночь, все стали расходиться по домам, а хозяин, принявший Джеймса, освободил ему место для отдыха на земляном полу.

Уже на рассвете он был на ногах. Глянув на горную цепь на западе, он решил, что им надо выйти пораньше. Пришлось ждать, пока сварится рис на завтрак. И вдруг он услышал топот ног.

— Мы должны остаться еще на день, — сказали подбежавшие проводники. — Одна семья очень желает стать христианами.

Джеймс поставил свои сумки и последовал за ними. Он терпеливо объяснял им, чего будет стоить этот шаг, и ожидал, что же они будут делать. Раньше, посещая их, он уже объяснял им весть спасения. Он понял, что ему ничего не надо делать, а только ждать Божьих действий.

Эта семья была готова. Они тут же встали и сорвали все вещи, употребляемые при поклонении идолам, и разрушили алтарь демонам. Потом попросили Джеймса помолиться с ними. Они хотели, чтобы истинный Бог принял их. Неужели они действительно могут стать Его сыновьями и дочерями?

Он остался там на несколько дней, чтобы наставить их и научить. И пока он им помогал, подошли другие ищущие: еще одна семья хотела последовать за Христом и еще одна из близлежащей деревни. В конце концов, не менее семи семей разрушили алтари демонам и пожелали стать детьми Божьими.

Это действовало ободряюще. От Джеймса не требовалось никаких усилий, только лишь спокойное, близкое общение с Богом во время этих событий. Он действовал, как акушерка и медсестра, и все же малыши рождались без всяких усилий с его стороны. Он стоял рядом и смотрел, как Господь спасал.

Плавильщик

Путешествующим нужно было двигаться дальше к бирманской границе, где находилась область диких кахинов, хижины которых были примитивны и запущены. В деревне Плавильная Джеймса встретили с необычной теплотой. Он едва имел время разговаривать с людьми на маленьком собрании, люди подходили к нему и спрашивали, не сможет ли он им помочь стать христианами. Не менее десяти семей разрушили свои алтари демонам. В конце было даже разрушено святилище деревни — большая часть местных жителей хотела служить живому Богу.

В эти дни Джеймс написал письмо домой.

«Пожалуйста, простите меня снова за карандаш... Обстановка, в которой я сейчас живу: единственная подставка в этой семье лису возвышается над полом едва ли на пятнадцать см. У них никогда не было стульев, — это такой люкс! В этой семье нет и стола. У них вообще ничего нет, что возвышается над полом, кроме ‹кухонной печки›, и я сплю всего лишь на пять или семь с половиной сантиметров над земляным полом. Все вокруг меня, или, лучше сказать, вокруг костра, — это лису, лису, лису! Хозяйка сидит рядом со мной и с таким множеством украшений, что на ее месте у тебя бы заболела шея.

Несколько девочек сидят поблизости и смотрят, как я пишу, а полдюжины мальчиков сидят на матрацах вокруг огня и учатся читать на языке лису. Они все заинтересованы в моей писанине, но я говорю им, чтобы они занимались своими книгами.

Но я больше не буду вдаваться в детали об уюте дома лису, там, далеко вверху, между горами и лесом, происходит самое важное, — мой хозяин и хозяйка в это утро стали христианами. Они удалили все, что служило им для поклонения идолам, — маленькие палочки, кусочки бумаги и много другого старого хлама, — и все это они сожгли. Они покаялись единодушно и рассказали мне, что они уже долго

молились духам о ребенке, — и безуспешно, и спрашивали: могут ли они сейчас просить истинного Бога о сыне. Я вспомнил о подобном опыте Сарры, Ревекки, Анны и Елизаветы и велел подражать им. Но они все же настояли на том, чтобы и я молился за них.

Они были уверены, что мои молитвы будут действеннее, чем их!

Две другие семьи в этой деревне покаялись в одно время.

Всего за время этого путешествия (еще нет четырнадцати дней) пятнадцать семей из четырех деревень сожгли весь идольский хлам и обратились к Богу... Теперь я совсем не пытаюсь уговаривать лису стать христианами... Я понял, что они очень непостоянны и недовольны, пока не покаются от всего сердца. Когда они действительно делают это, я иду в каждый дом и собираю семью для хорошей долгой беседы и объясняю им сделанный ими шаг. Потом я молюсь с ними, затем они сокрушают и сжигают все принадлежащее поклонению идолам... Они радуются, делая это. Мальчики, естественно, больше радуются тому, что можно что-то разбить (ты знаешь природу мальчиков), и усердно помогают в этом. Когда в одном доме все чисто, они ведут меня к другому дому, где люди намереваются идти путем Божьим, как они говорят».

Кипарисовый Холм

Пробыв в деревне Плавильная несколько дней, Джеймс с проводниками отправился под ливневым дождем в деревню Кипарисовый Холм. В первую же неделю 15 семей уничтожили всякие следы прежнего рабства под господством духов.

Джеймс заметил, что это восьмая годовщина его приезда в Китай: приличный праздник. Его окружали пятьдесят или более новообращенных, с их младенческим голодом — больше узнать о Боге.

Деревня Черепахи

Затем он направился в деревню Черепахи. Прибыв туда, они нашли двадцать четыре семьи, которые были готовы стать христианами. Тринадцать из них покаялись в один день, и казалось, что они имеют ясное понимание о возрождении. Здесь

он оставался две недели и учил молодых христиан. Ему не хотелось оставлять эту большую группу, но настоятельный зов пришел из некоторых деревень дальше на юге.

Цветной Холм

Когда он пересек вздувшиеся от обилия воды реки, текущие вниз к Иравадо, и достиг склонов Цветного Холма, то встретил сорок девять семей, которые желали обратиться к Богу.

Он заметил, что люди здесь не просто следовали примеру других, но у них было серьезное искание Бога, — это был плод. Они были готовы даже быть отвергнутыми семьей, их сердца изголодались по покою после многих лет беспокойства в поклонении идолам.

Здесь также не обошлось без оппозиции.

В одной деревне к Джеймсу прибежал мужчина в паническом страхе. Его семья и еще четыре соседние семьи перестали служить идолам, выбросили все связанное с ними и обратились к Иисусу Христу. Теперь духи через его сына обратились против него.

Джеймс понял, что ситуация истории в Лук. 9 удивительно схожа с этой. Мальчик кричал, испускал пену и извивался от болей на земле. Он хотел прыгнуть в огонь, люди пытались удержать его, но видели, что у него сверхчеловеческая сила.

Одержимость злыми духами уже не была чем-то новым для Джеймса. Он посмотрел на круг испуганных лиц. Босые, оборванные, они не могли ни читать, ни писать, они были младенцами во Христе, всего лишь несколько часов верующими. Но они верили.

Джеймс громко начал молиться, чтобы имя Иисуса победило. Они все громко молились с ним.

Это был ясный знак для их веры — видеть, как мальчик был освобожден. Они получили доказательство, что Божьи обещания истинны. Им не нужно бояться злых духов: Бог будет сражаться за них.

Сеть прорвалась

Джеймс был очень честным и сообщал точные сведения о числе покаявшихся семей лису. Он подсчитал, что сто двад-

цать девять семей пришло к вере во Христа, вышли из тьмы демонизма. Это составляло шестьсот человек.

Это было большое стадо, рассеянное по отвесным горным скалам от Цветного Холма до Тантзы, на протяжении восьмидесяти миль. Теперь у него была новая проблема: кто будет заботиться обо всех этих людях?

Без тревоги он помолился об этом. Было настолько очевидно, что здесь действовал Бог! Он будет продолжать то, что Он начал. Это было самое лучшее путешествие в его жизни — последнее путешествие, в котором он искал хоть какого-то признака Божьих действий, прежде чем избрать для себя новое направление. Божье время наступило. И, как всегда, оно было «несравненно больше всего, чего мы просим, или о чем помышляем»: и он увидел, что это только начало.

Он был в дороге уже не один месяц, часто без сна и покоя. Ему нужен был помощник.

И тогда он встретил на улице человека.

Джеймс остановился на ночь в селе, находящемся в миле от проезжей дороги. День склонялся к вечеру, когда он разговаривал у дверей с некоторыми лису. И тут он увидел проходящих по улице мужчин. Он встал и посмотрел им вслед. Один из них был не кто иной, как Ба Тав.

Это был именно тот человек, кого бы он хотел встретить в данное время. Встреча с Ба Тав в таком незначительном месте в горах — не было случайностью.

Ба Тав как раз посещал немногих христиан лису, которых знал. Он только что пришел и был очень удивлен, когда услышал обо всем, что случилось. Естественно, Ба Тав знал каждую деревню и понимал людей. Он был пастырем, которого Бог усмотрел для этой маленькой церкви.

Джеймс позже писал о нем: «Люди здесь сразу же с радостью приняли Ба Тав и он их, так что он оставался здесь более четырех месяцев. В результате не только была оказана помощь новообращенным, но их еще и добавилось. Когда я пришел назад в эту область, то вместо сорока девяти нашел пятьдесят одну семью. Все стоят твердо в вере. И еще плюс тридцать шесть семей лису, которые покаялись в местах, которые я в последнее время не посещал. Ба Тав одевается, как лису, живет среди них, как один из них, и куда бы он ни пошел, его везде любят. Он лучше говорит на языке

лису, чем я, и он более способен заботиться о молодых верующих. Он очень духовен, и у меня нет лучшего друга среди верующих, как он, ни среди жителей, ни у китайцев».

На Рождество Ба Тав пошел с Джеймсом в Тенгвей, чтобы отдохнуть и составить план дальнейшей работы.

Теперь уже не нужно было писать письмо мистеру Хосту. Не было нужды менять планы. Осталось только написать его молитвенной группе много писем о Боге, Который отвечает на молитвы. Больше, чем раньше, новообращенные нуждались в молитвенной поддержке и защите. Его письмо к молитвенникам было жизнерадостным.

«В последние ночи я пытался выспаться. Когда я был в Хузе (южная область), я десять ночей подряд не ложился раньше двух ночи...Теперь мы радуемся обычной зимней погоде: ясное небо, сухие улицы и повсюду коричневая увядшая трава. Это время для путешествий, значит, я снова принадлежу улице, после того как получил необходимый отдых за линией фронта. Я должен по возможности без промедления посетить все эти новые места».

А что же с Тантзой? Вскоре после Рождества Джеймс пошел туда, а Ба Тав остался, чтобы посетить область на юге. Многие семьи в Тантзе и особенно в деревне Холодная Лошадь, где был праздник лестницы из мечей, в последние месяцы урожая наконец обратились ко Христу. Люди в этой местности были особенно конкретны и решительны. Весть спасения открылась многим, и одна семья за другой захотели идти путем Иисуса. Они порвали свои связи со жрецом демонов.

Потоки Божьи

Пять больших рек текут с самого высокого в мире плато и вокруг горных отрогов Тибета. Их шумные потоки приносят жизнь на равнины и даже до Центрального Китая, Вьетнама, Бирмы и Индии.

Внезапный подъем мощности и силы, стремительный прорыв больших потоков на истощенные лощины означает, что тает снег на вершинах. А может, прошел дождь в горах.

Несомненно, Джеймс обладал хорошим даром чувствовать, что люди на родине молятся за него. Удаленные на тысячи

миль, они участвовали в деле Божьем среди лису, они также заботились о том, чтобы Джеймс и впредь оставался исполненным силой Духа Святого. Он непоколебимо верил, что молитвы детей Божьих привели к урожаю. Он также увидел, что его вопль к Богу об освобождении в его собственной жизни и за спасение лису были услышаны на небе. Ему не было дано знать, что он услышан, но он был услышан сразу.

«С первого дня, как ты расположил сердце твое, чтобы достигнуть разумения и смирить себя пред Богом твоим, слова твои услышаны» (Дан. 10,12). Долгие, темные месяцы испытаний не были Божьей ошибкой, они были совершенным Божьим планом.

Шанхай

Серьезное заболевание (аппендицит) задержало Джеймса после его посещения Тантзы в Тенгвее, и потому у него теперь не было возможности посетить все новые группы верующих. Индийский врач советовал ему как можно скорее сделать операцию.

Между тем мистер Хост в письме предложил ему провести несколько дней на побережье. Джеймс был уже почти десять лет в юго-западном Китае, и его очень просили посетить Шанхай и дать сообщение о работе.

Это было последнее, чего он действительно хотел. Он считал, что его работа среди племен необходима как никогда раньше. И все же он продвигался на юг к побережью, чтобы поехать на пароходе в Шанхай. Он еще недалеко ушел от Тенгвея, как снова начались мучительные боли. С ним не было проводника, и после одной мучительной ночи в китайской гостинице он почти не мог идти дальше.

Наконец боли немного стихли, и он мог дойти до лодки, идущей в Шанхай. Операция была неизбежна.

Она была сделана в Шанхае, и Джеймс после больницы находился на главной квартире миссии. Жизнь здесь била ключом: со всех регионов страны приходили и уходили люди. Но сердце Джеймса было полностью занято действительной нуждой его маленького стада в горах Юньнаня. Он успокаивал свою веру обетованиями Божьими.

«Если смотреть со стороны человеческой мудрости, —

писал он своему молитвенному кружку, — то я должен переживать за верующих лису, переживать, что они снова возвратятся в идолопоклонство. Но Бог дает мне способность — все заботы возлагать на Него. Я не забочусь и не боюсь. Если бы я все заботы держал при себе, вместо того чтобы возложить на Него, я бы долго не смог выполнять эту работу, — может быть, я ее даже никогда бы не начал. Но если она начата с Ним, то должна и продолжаться с Ним. Давайте все, у кого в сердце лису из Тенгвея, приносить их спокойно с верой в Его руки. Он все совершит, что касается нас, а также верующих лису. И затем будем благодарить за Его милость к нам и к ним».

Глава 6

Глубокие уроки Божьи

Шанхай

Европейцы после длительного труда в отдаленных областях Китая были часто удивлены тем, как сильно они пострадали от недостатка культурного влияния.

Когда Джеймс жил в Шанхае, он был одним из тех, кто должен был принимать активное участие в музыкальных вечерах. Он давал несколько концертов на пианино, которые притягивали голодных слушателей в центральную квартиру КВМ. Он планировал каждый вечер, сохраняя программы, чтобы не повторяться.

Перед тем как Джеймс начинал играть, он убирал верхнюю часть пианино, так как он говорил, что от этого улучшается тонкость и точность звука. Во всяком случае, эти концерты запомнились надолго. Многие европейцы — миссионеры и деловые люди — позднее скажут: «Ты спрашиваешь, помню ли я Джеймса Фразера? Да, я был там, когда он давал свои концерты».

Для Джеймса стало привычкой при посещении большого китайского города, в котором был магазин музыкальных инструментов, арендовать себе пианино на 4-5 часов, чтобы насладиться музыкой. Это никоим образом не держало его в форме, но это был необходимый выход для музыки, жившей в нем.

В эти дни между Джеймсом и Д. Е. Хостом, генеральным директором, возникла крепкая дружба. Многие считали Хоста замкнутым и хладнокровным. У него была спортивная фигура: высокий, статный и безупречный. С ним говорили с почтением, чуть ли не с благоговением.

Во многом Джеймс был ему совершенной противоположностью, но было у них и много общего. Интерес Хоста к молодому работнику появился через его письма. И когда он встретился с ним, то увидел, что это человек необычной духовной силы и разумения.

Задача Хоста — следить в Китае за работой почти тысячи миссионеров в это беспокойное время, в начале XX столетия, — была многогранной и тяжелой. На Джеймса произвело сильное

впечатление, когда он понял, что Хост имел духовную силу только благодаря молитве, это было поистине жизненной необходимостью для общего дела Божьего в Китае. Пожилой брат оказал сильное влияние на Джеймса, и он каждый день участвовал в молитвенном общении за все виды служения, часто по нескольку часов. (Не раз во время молитвы Джеймс видел, как Хост наливал себе чашку чая и при этом громко молился).

Возвращение к племенам

Но Джеймс считал дни, когда он снова сможет возвратиться в горы, чтобы увидеть духовный рост новообращенных. Его должен был сопровождать молодой американец из Бостона. Его звали Флегг, ему было 27 лет, он окончил Гарвардский университет и Библейский институт Муди.

Вместе они совершили длинное путешествие через реки и горы на лошадях по направлению к Юньнаню. Флегг сильно уставал, для него непривычно было день за днем ехать верхом. Вначале он хотел посетить восточные церкви и затем западные, где работал Джеймс.

«То поднимаясь в гору, то спускаясь в долину, — писал Джеймс, — ты никогда не устанешь в прекрасном Юньнане... Все мои путешествия я совершаю теперь на лошади... и так привык к этому, что мне все равно, где я еду, лишь бы лошадь смогла пройти. Во многих местах дорога такая крутая, как твоя лестница и такая же хрупкая. Флегг говорит, что я смогу верхом на лошади съехать по ступенькам памятника Вашингтону в Бостоне! Как раз сегодня мой пони кувыркнулся. В этом месте дорога проходила между земляными волнами, расположенными так близко друг к другу, что ему не хватило места для бега. С необычной рассудительностью он дал мне знак перед тем, как кувыркнуться. Я упал через его голову, а пони упал и развернулся так, что лежал на спине головой туда, где только что был его хвост! Его шея была перекручена таким необычным образом, что я спрашивал себя, сможет ли он вообще встать. Побарахтавшись, он встал и начал спокойно пастись, как будто ничего не случилось. (Ты заметила, как непринужденно могут вести себя лошади?) Ни он, ни я, ни китайское седло не пострадали. Я надел свою правую сандалию, которая упала при этом

маневре, сел опять на лошадь и поехал дальше, продолжая читать китайскую газету».

Флегг заметил, что куда бы Джеймс ни приезжал, он везде проповедовал. По пути они встречали других путешественников и завязывали с ними разговор. Иногда они вместе с группой людей ели в китайской гостинице и беседовали. И затем снова шли со своей вестью на улицы города. Возможность проповедовать появлялась везде, потому что Джеймс всегда находил ее.

В это время Джеймс писал домой, что он чувствует новую силу в своих проповедях и большую силу в своей жизни.

«Если я могу быть в чем-то уверен, то это ваши молитвы, которые произвели реальное изменение в моей жизни и служении. В своих проповедях я испытал силу и благословение, которые в прежние годы были незнакомы мне. Мое главное занятие — молитва за лису, и через нее моя жизнь обогатилась многими благословениями и помощью... Сколько я знаю, — продолжал он в том же письме, — моя работа среди лису гарантирована Его повелением, и это дает мне уверенность просить вас и дальше молиться. Вся наша работа должна быть:

– в созвучии с библейскими принципами,
– в согласовании с внутренним свидетельством духа,
– в гармонии с Божьей работой в нашей ситуации.

Затем мы должны иметь в себе уверенность в Его водительстве и видеть перед собой открытые двери, не имея нужды пробивать их. Внутреннее и внешнее водительство будут соответствовать точно так же, как замок с ключом, и вследствие этого мы будем освобождены от дел, которые как для Него, так и для нас второстепенны».

Когда он снова достиг западного Юньнаня, то увидел, что верующие возросли в познании и количественно при пастырском служении Ба Тава.

Джеймс оставил Флегга в Тенгвее и пошел вдоль по реке в направлении Бамо, посетил лису и деревни кахинов и был очень ободрен, увидев рост.

Церковь в Цветном Холме

В деревне Цветной Холм царило оживление. Строились высокие стены из бамбука, и заготавливалась солома для

крыши. Земляной пол трамбовали и застилали камышом. Толстые сосновые ветки для ламп были уже готовы и лежали на большом низком камне.

Это была первая церковь, построенная в западных горах.

Джеймс несколько недель оставался в деревне Цветной Холм, но строительство церкви было начато задолго до его прихода. Все делали и приносили добровольно, и Джеймс заметил, что церковь выделялась среди всех зданий в деревне высотой и архитектурой, хотя и была построена очень скромно.

Освящение дома, по словам Джеймса, было похоже на праздничное торжество. Только сто человек могли поместиться внутри дома, поэтому несколько сот из соседних деревень стояли на улице и смотрели через щели в стене и в проем двери.

Богослужение проходило, если мягко выразиться, в свободной форме. Христиане лису еще мало знали. Самой употребляемой в этом случае была молитва: «Бог, наш Отец, Творец неба и земли, Творец человечества, мы — Твои дети. Мы последователи Иисуса. Сохрани нас сегодня. Пусть нас не беспокоят злые духи. Мы надеемся на Иисуса. Аминь».

Было просто невозможно долгое время сохранять спокойствие в собрании. Но они любили петь и были по природе очень музыкальны, поэтому Джеймс старался многое объяснять им через песни.

«Если бы ты слушала с улицы, — писал он, — ты бы подумала, что внутри происходит театральное представление. Нужно совсем немного, чтобы рассмешить их!»

Виски и опиум

Не было ничего удивительного в том, что Джеймс был вскоре атакован проблемами, касающимися морали христиан в молодой церкви. Обращенные в деревне Цветной Холм рассказывали ему об успешной торговле опиумом. Китайское правительство выслало войска для уничтожения урожая опиума.

«Мы имели молитвенное собрание, — говорили они Джеймсу, — и просили Бога защитить наш опиум. Мы приготовили ножи и отравленные стрелы, чтобы воевать против солдат,

когда они придут. Но они не пришли, и мы в этом году много денег выручили за опиум, слава Богу!»

«Они знают мою позицию, — писал он своей молитвенной группе, — и я открыто говорю им, что я никого не могу крестить, кто сеет, продает и пользуется опиумом. И все же, я думаю, мы должны иметь достаточно сочувствия, чтобы увидеть настоящую веру, даже если она сопровождается совершенно непонимающей совестью.

За несколько месяцев до этого он писал из Шанхая: «Там существует действующая вера. Если верующие слабы и мы не можем лично быть с ними, то, может быть, Бог призывает нас с ними и за них подвизаться в молитве. Богу возможно оживить даже самую слабую искорку стремления к Нему или использовать для их благословения самую малую истину, которую они смогут понять. Я это фактически видел в среде лису. Часто они вообще ничего не знают, — так бы мы во всяком случае сказали, — но если они имеют только самое малое участие в благодати Божьей, они вспоминают то малое, что знают, и кажется, что это удерживает их в истине... Исполнимся же все духом апостола: хотя он никогда не видел верующих Рима, он весьма желал увидеть их, ‹чтобы преподать... некое дарование духовное›. И хотя он до тех пор был свободен от всякой ответственности, он все же чувствовал себя должником ‹и еллинам и варварам, мудрецам и невеждам›».

Другой вопрос касался рисового виски. Его в большом количестве пили на браках и подобных торжествах, в результате — всеобщее пьянство, разврат. Виски — это огненная вода для лису. Китайцы говорили: «Если лису видит виски, это подобно тому, как пиявка чувствует запах крови».

Новообращенные охотно соглашались, что без виски им живется лучше, но когда вопрос касался брака, они колебались. Отказ от ценимых ими традиций казался им тяжелым, хотя они сознавали, что последствия пьянки становятся все ужаснее. Несколько раз Джеймс уговорил их вылить виски свиньям, которые потом бегали безнадежно пьяные.

Он писал: «Молодые люди, как правило, поддерживают меня от всего сердца в моей кампании трезвости. Они являются радикалами, а старые люди — консерваторы! Я с

трудом убедил их в том, чтобы они смешали корм свиней с горшком виски.

В другом селе мне рассказали о горшке виски, который хранила одна семья для предстоящей помолвки. Они умоляли меня остаться на этот праздник, но я сказал, что уйду, если они не согласятся вылить это огненное зелье. Наконец владелец горшка согласился и дал мне корм для свиней, чтобы смешать с ним виски.

Знаешь, их виски образуется из массы бродящего риса, жидкость отсасывается шлангом. Я не уничтожаю всю массу, так как это расточительно, и это действительно хороший жирный корм для свиней. Но я не выливаю его просто на землю, так как свиньи еще большие пьяницы, чем лису, и если допустить, то они напьются до смерти. Бродящий рис разбавляют с отрубями и дают свиньям, но люди сами его уже не употребляют. Новый вид кампании трезвости!»

Полный дом

В 1917 году в Тенгвее праздновали первый христианский праздник. Многие приходили с гор в маленький миссионерский домик, где Джеймс и Флегг мужественно обслуживали пятнадцать постоянных гостей и приходящих днем. Немногие из горных жителей видели до этого такой город, как Тенгвей.

«Ты бы восхищалась, если бы видела, как они приходили, — писал он в своих письмах.— Немногие были когда-либо в городе. Когда они пришли в наш дом (мы разрешили им все посмотреть), девочки группой шли из комнаты в комнату, при этом они все время невольно шептались в восхищении и радости. Это было для них как в небе! Мужчины относились более хладнокровно. Мужчины с большими мечами, красивыми карманами, в трубчатых чулках и с босыми ногами; девочки с цветными тюрбанами, кисточками, бусами, цепочками, кольцами, браслетами и другими украшениями, — я желал бы, чтобы ты их хоть раз увидела!..

Каждый день после утренней молитвы они все собираются в церкви, и я учу их читать Писание... Вечером у нас спевка. Они уже знают ‹Иисус любит меня› и ‹Я далеко ушел от Бога›, я учу их петь ‹Бог с тобой, доколе свидимся› и еще

одну или две песни. Они так хорошо пели, что с улицы заходили китайцы, садились и слушали.

В эти дни нас посетил новый консул с ушедшим на пенсию мэром Истес. Лису тесным кругом окружили их, делая многочисленные замечания, и даже щупали их одежду! Мы объяснили консулу, чтобы он не обращал на это внимания, так как наши гости лису не знают еще, как себя вести.

‹Я так и понял, — ответил Истес, который на все смотрел улыбаясь, — стоящий за мной сейчас как раз гладит меня по спине!›

Больше всего новых лису привлекли спортивные игры после обеда и главным событием были прыжки в высоту и бег наперегонки Джеймса и Флегга. Этого они никогда не забудут.

Больше восьмидесяти людей из племени сидели в последний день Рождества вокруг стола с шедеврами кулинарного искусства двух юношей, которые хотели хотя бы этим отплатить за гостеприимство, оказанное лису. Особое чувство единства царило в семье Божьей на этом празднике. Он был первым из многих, которые праздновали в последующие годы, — обычай, который существует и сегодня, когда собираются христиане из племен.

Терпение

Когда Джеймс в последующие месяцы путешествовал из деревни в деревню, посещая новые группы верующих, он был поражен огромным объемом работы, которую ему предстояло провести. Не только из-за того, что молодые христиане жили высоко в горах и были очень рассеяны, но и потому, что их понимание веры было таким мизерным. Он обнаружил, что некоторые из них думали, будто свободны от злых духов и имеют теперь через Христа мир с Богом, и этого, наверное, достаточно. Зачем проводить собрание? Зачем иметь день покоя и богослужение? Они не умели читать, зачем же допускать, что книга будет господствовать над ними? Джеймс написал своим соработникам домой молитвенную нужду, чтобы Бог дал лису «духа премудрости и откровения к познанию Его» (Еф. 1,17).

Работа едва началась!

«Я не рисую мрачную картину, а хочу рассказать об истинном состоянии вещей, как можно более непредвзято. Во многих отношениях они (верующие лису) опередили средних посетителей церкви. Они очень гостеприимны, искренне радуются мне, когда я посещаю их деревни.

Они честны, чтобы они ни делали. Мы очень мало видим того плохого, которое часто приписывают ‹рисовым христианам›. Они переносят мои вещи из деревни в деревню, не ожидая за это платы... и дарят мне гостеприимство. Среди них мало интеллигентных, честных молодых людей, которые как-то хотят продвинуться вперед, или действительно духовно живых. Большинство из них нельзя оторвать вечерами от костра (в этих горных селах зимой очень холодно), чтобы собраться и немного больше поучиться, даже если я нахожусь недалеко от них, где тоже горит костер!

В прошедшее время я часто давал место унынию, — это всегда означает духовный паралич, и даже в моем последнем путешествии, я признаю это, я часто был огорчен состоянием людей. Месяц назад я был в одном селе, недалеко от Цветного Холма, и меня беспокоило происходящее там, но мир снова наполнил мое сердце, когда я подумал о том, что работа хоть и медленно, но все-таки продвигается вперед и несмотря ни на что идет дальше. Моя ошибка была уже в том, что я сильно торопился.

Спешка не в характере этих людей, тем более что это не Божий путь. Спешка означает заботу, а забота изгоняет мир Божий из нашего сердца.

Рим не был построен в один день, также и работа по созданию общин из христиан лису в районе Тенгвея — не дело одного дня. Когда придет время, надо организовать школы. Необходимо сделать много посещений, дать много поучений и много молиться. Это нельзя сделать все сразу. Воспоминание об этом вновь вернуло меня к Богу. Я направил свое сердце на дело благодати среди лису Тенгвея, но Бог дал мне понять, что это произойдет, когда и как Он усмотрит. Я даже готов (если это Его воля) не увидеть полноту благословений за время моей жизни».

Во всех сообщениях Джеймса была необходима абсолют-

ная честность, если он ожидал духовной поддержки от друзей на родине. Его заметки о поражениях ясны и точны. Несколько групп верующих возвратились к идолопоклонству. Некоторые верили слухам, что Джеймс британский агент, который высматривает рекрутов.

Он также сообщал точные сведения о районах, где росло число христиан. Казалось, что в некоторых местах были готовы принимать Евангелие. Здесь была хорошая почва, обещающая принести урожай. Новообращенные, казалось, быстро росли и твердо стояли на ногах.

Для себя Джеймс заметил, что работа требовала другого направления. Хотя он немного говорил об этом, требовались огромные физические силы, так как большинство путешествий ему приходилось делать пешком. В письмах он пытался объяснить причины медленного передвижения.

«Сейчас я уже четырнадцать дней в дороге, — писал он во время путешествия, — и нахожусь в деревне Водяное Блюдо, где у меня пятнадцать христианских семей... Я думаю еще два месяца быть в дороге перед возвращением... Если уже находишься в районе лису, то в день нужно пробегать не менее пятнадцати миль, так как деревни расположены далеко друг от друга. Горы высокие: один день путешествия часто состоит из спуска в три тысячи футов на равнину и такого же подъема в другом направлении. Но эти перекрестные дороги часто как лестницы, и ты должен переходить реки или совершать рискованные прыжки со скалы на скалу, переходить ужасные мосты. Иногда нет никакой возможности узнать дорогу и я должен идти верой. В такой местности даже лошадь нельзя использовать. Здесь такие высоты, что ни один человек, даже самый глупый, не поедет туда верхом».

Джеймс так привык переходить переполненные реки, что если его кули не соглашались на это, то он шел один с вещами на голове и возвращался, чтобы помочь кули.

Джеймс не придавал большого значения тому, что часто одежда на нем была мокрая и он недоедал. «Я не беру это во внимание, как другие люди», — сказал он как-то. Он радовался горной жизни и любил взбираться на высоту. На этих дорогах у него было достаточно времени размышлять о принципах работы Божьей.

«Подготовка, замедление и рост, — характерные черты Божьих действий как в истории, так и в природе», — писал он.

Джеймс призывает нас к терпению, говоря, что Писание соответствует делам природы: «‹Земледелец ждет драгоценного плода от земли и для того терпит долго›. Этот же принцип мы можем применить к нашей духовной жизни и в нашей работе для Господа. Зрелый христианин — это результат не одного дня, не одного месяца или даже года. “Нужно время, — говорит доктор Андрей Миррау, — расти во Христе›. Мы должны пустить наши корни глубоко в почву Слова Божьего и укореняться путем долгого жизненного опыта. Это медленный процесс, но он и должен быть таким: Бог не хочет, чтобы мы были духовными грибами.

Понятно, что в деле Господнем есть место и спешке: дело Царя требует этого (есть правильная и неправильная спешка), и наверняка здесь есть место прилежности и усердию. Джеймс Гилмор говорит, что он не верит, что мы можем быть достаточно ревностными в деле, за которое Христос отдал Свою жизнь. Пока еще день, мы не можем поступать иначе, как встать и работать до предела сил, которые дает нам Бог. Но, если мы допустим, и в наше христианское дело войдет элемент гложущей заботы, она будет скорее мешать, чем помогать. Мы не сможем ни одну душу привести своей заботой в Царство Небесное, они должны сами решиться. Мы также не можем, заботясь, стать более зрелыми или сделать других зрелыми. Растения, которые насадил Небесный Отец, будут лучше расти под открытым небом, чем в теплице наших лихорадочных стараний. Наша задача — поливать их очень заботливо, но мы не можем вызвать рост, как бы мы ни старались. Неестественно быстрый рост часто бывает нездоровым. Быстрый рост, о котором идет речь в Матф. 13, 5, — признак кратковременности.

В биографии нашего Господа ничто так не достойно внимания, как спокойное и равномерное течение Его жизни. Он никогда не нервничает, чтобы ни случилось, Он всегда бдителен, как бы ни атаковали его люди и демоны. Среди колеблющихся людей, враждебных начальников, неверных учеников Он всегда спокоен и уравновешен. Христос поистине тяжело работал, но Он не делал ни больше, ни меньше, чем было Ему предписано Богом, и делал это без

беспокойства, без спешки, без забот. Жил ли еще кто такой спокойной мирной жизнью среди таких беспокойных обстоятельств?

Но мы работаем, как и Он, для вечности и в вечности (вечность для нас уже началась) — значит, мы можем позволить себе работать в атмосфере вечности. Спешка и горячка плотских стараний дышат духом беспокойства, а Святой Дух дышит глубоким покоем. Это атмосфера, в которой мы ожидаем роста прочного дела Божьего. Будем в первую очередь заботиться о Божьем деле, — начатом и продолженном Богом, — и затем пустим наши заботы, страхи и нетерпение на ветер. Стряхнем глупую леность с одной стороны и лихорадочную спешку — с другой. За ночь может вырасти тыква величиной с бутылку, но не дуб. Течение может быть глубоким и сильным, несмотря на маленькие волны и встречное течение на поверхности. И даже если дело временами получает удар через вторгающиеся течения лукавого, научимся все же говорить, как говорил Иеремия в ужасных обстоятельствах: «Хорошо, если человек надеется и спокойно ожидает спасение от Господа».

Уроки чтения

Занимаясь попечением о душах среди двухсот семей, Джеймс понял, что пришло время создать шрифт лису и перевести первое Евангелие.

Когда сезон жатвы достиг наивысшей точки и не было возможности учить, он пошел в город Миткину в Бирму, чтобы поработать с Ба Тав над этим проектом. Американские миссионеры в городе помогали им совершенствовать шрифт, и Джеймс работал все лето, в самую жару, чтобы подготовить Евангелие от Марка и букварь для лису. Когда Джеймс снова пошел в горы, манускрипты уже лежали в Рангоне, готовые к печати.

Шрифт лису, созданный Джеймсом и его друзьями, который стал известен как шрифт Фразера, был очень похож на прописные буквы английского алфавита, некоторые буквы были даны в зеркальном отображении, чтобы выразить особенные звуки языка.

Было очень трудно научить людей читать прежде, чем

были получены книги. Им приходилось довольствоваться рукописными копиями.

Учитель лису сам только недавно научился читать. Джеймс обнаружил, что некоторые научились читать снизу вверх, когда много людей толпилось вокруг одной копии, а другие читали правильно — по порядку, и поэтому им нужно было каждый раз быть уверенными, чтобы читать всегда в одном порядке!

Деревня Черепахи

Джеймс был очень ободрен ростом церквей в западной области. При возвращении с Бирмы деревня Черепахи была первой на его пути.

«Когда я оставил деревню Черепахи, — писал он молитвенному кружку, — здесь было четырнадцать христианских семей, а теперь двадцать одна. Когда я оставил деревню Водяное Блюдо, там было двенадцать семей, теперь девятнадцать. Когда я оставил Красную Лесную Шпору, там было девять семей, теперь — двадцать... И это в то время, когда они практически месяцами не имели никакой помощи. Я слышал, что Плавильная и Кипарисовый Холм остались точно такими, как прежде. Мне рассказывали, что там построили церковь (я ее не видел), где каждое воскресенье проводят богослужение.

В деревне Черепахи самый старый и добрый человек был несколько недель серьезно болен. Но он и все остальные твердо держались веры и молитвы, и старец выздоровел. Эти люди обладают большой верой в Божественное исцеление, и такие случаи, видимо, укрепляют их веру. С тех пор как я был у них в последний раз, они возросли числом и духовно окрепли».

Когда лошадь Джеймса заболела в воскресенье, которое он проводил там, люди советовали ему молиться об ее исцелении.

«Я вначале медлил, для меня было необычно делать такое. Но люди, казалось, были удивлены этим.

‹Ты будешь молиться за свою лошадь?› — спрашивали они.

Итак, я пошел с ними. Мы стояли вокруг животного, когда я отдал его в руки Божьи на жизнь или на смерть. На следующее утро я был рад, что послушал их, так как лошадь была жива».

Во время пребывания Джеймса в этом селе двадцать пять человек приняли крещение. В свои молодые годы он считал жизненно важным дать новым верующим правильное направление в их поведении. Некоторые считали, что здесь он совершает ошибку и склоняет их к закону. Но когда позднее лису предложили ему издать книгу правил, Джеймс и слышать не хотел об этом.

Заметки о крещении наглядно поясняют его позицию:

«Каждый серьезно обещал не только от всего сердца доверить Господу Иисусу всю свою жизнь, но и удаляться от всякой связи с языческим поклонением, от употребления виски, от безнравственности, от курения опиума и его выращивания и соблюдать день Господень. Мое сердце ликовало на этом празднике! Утром мы пошли к реке, мужчины стояли на одном берегу, а женщины — на другом, и я всех их передал в руки Божьи. Под открытым небом я одного за другим погружал в стремительное течение, как раз под мостом, сделанным из толстых планок.

Вы будете молиться, чтобы они сдержали свое обещание?»

Перебранка со смертью

Хотя Джеймс, насколько по-человечески это было возможно, подстраивался к людям и в одежде, и в еде, и в стиле жизни, он все же мог ошибаться, недооценивая силу их традиций.

Когда однажды он остался на ночь в одном селе лису, то, вставши рано утром, вышел, чтобы помолиться. Он сидел под деревом и отдыхал, прислонившись к нему, как вдруг услышал сердитые крики.

Деревенские жители теснились вокруг него и показывали на дерево. Это было, оказывается, дерево, посвященное демону. Духи разгневаются и пошлют гибель деревне, говорили они. Надо принести жертву, чтобы умилостивить их. Джеймса схватили и привязали к дереву. Связали руки и ноги, так что он не мог двигаться. Казалось, что смерть очень близка.

С болью и страхом он ждал, пока шли приготовления к ритуальному жертвоприношению. В мыслях проносились бесчисленные обетования Божьи. «Чистое сердце... твердая позиция... сокровенная жизнь. В смерти иль в жизни, — вспоминал он, — да прославится Бог».

Через несколько часов ожидания Джеймс услышал, как между деревенскими жителями началась дискуссия: может, они смогут получить от него деньги. Наконец они окружили его и стали торговаться с ним о его жизни.

Он должен купить корову, утверждали они, и ее вместо него принесут в жертву. Против своей воли он согласился. Его освободили, он дал им деньги. Корову купили и принесли в жертву.

Джеймс на всю жизнь запомнил этот мучительный урок.

С территорией дьявола нельзя обходиться легкомысленно. Он находился на вражеской территории. После этого он путешествовал смиреннее, но в радости, что Бог в этом испытании каждое мгновение охранял его и освободил его из пасти смерти.

Школа Божья

Еще несколько важных уроков пришлось выучить Джеймсу в эти годы.

То и дело у него были сильные приступы одиночества, несмотря на набитые людьми хижины, где он жил месяцами. Одно дело быть одиноким, когда работа движется вперед, но другое дело быть одиноким в глубоком унынии.

С большой силой и надеждой он молился за тринадцать семей в селе недалеко от бирманской границы. Часами молился в горах за это село. Он многого ожидал от встречи с главами семей, которые пришли, чтобы поговорить с ним о Христе. Это было стратегически важное село. Джеймс знал, что группа селений в этой местности примет Благую Весть, если сначала это ведущее село примет ее.

Его разочарование было очень болезненным, когда они отклонили ее.

По обыкновению он ушел, чтобы найти пустое помещение, где он обо всем мог помолиться. И в маленькой комнатке соседнего села ему встретился Господь. Он читал 2 Пар. 20,17, когда наткнулся на слова Иозиила: «Не вам сражаться на сей раз; вы станьте, стойте и смотрите на спасение Господне, посылаемое вам. Иуда и Иерусалим! не бойтесь и не ужасайтесь. Завтра выступите навстречу им, и Господь будет с вами».

Эта глава сильно тронула Джеймса, и он провел осталь-

ные часы в молитвенной борьбе. В полночь он почувствовал победу, о чем говорит его дневник:

«Явно чувствую водительство, — писал он, — бороться против ‹начальств и властей› и за деревню Центральная. Верю в покаяние жителей и молюсь, чтобы сошли небесные силы и сразились против сил тьмы, которые держат в узах двух стариков и, может, еще троих, мешающих своему селу обратиться ко Христу».

На следующий день рано утром Джеймс пошел той же дорогой назад в деревню Центральная. Казалось, люди стали более открытыми. Одиннадцать или тринадцать семей пожелали стать учениками Иисуса.

«Победа, — сообщал он, — точно как и ожидал!»

На другой день пришли еще двенадцать семей, желавших принять весть спасения и стать детьми Божьими. Казалось, все перевернулось.

Большую часть следующей ночи Джеймс провел в горах и молился за близлежащее село, которое, казалось, враждебно относилось к вести. Он верил, что Бог усмотрел в этом районе сильную группу верующих и в каждом селе есть ее представители.

Если борешься в молитве, победа бывает на всех направлениях.

На следующее утро он пошел в это село с одним из новых верующих из деревни Центральная.

Люди встретили их холодно и враждебно. Они не хотели, чтобы он был у них, и не верили его вести. Их реакция была такой отрицательной, что даже его проводник стал отрицать свою веру и называть Джеймса обманщиком.

Оглушенный и сокрушенный, Джеймс тихо возвратился в свою маленькую пустую комнату. Казалось, что все его дело провалилось, и его постигнет новая депрессия. Но здесь Бог показал Свою любящую руку. Большое чувство мира охватило Джеймса, когда он смирился в молитве.

Появилось предчувствие победы. Одна деревня за другой будут обращаться ко Христу, если он будет молиться молитвой борьбы. Вновь он увидел, что в деле Божьем нет места самонадеянной вере.

«Нахожу огромный мир, — писал он, — возложив все дело этих деревень в руки Божьи. Но посещение Духа было

очень серьезным, и теперь я буду смиреннее ходить перед Господом, а после этого — и перед сатаной».

Цена силы

Однажды Джеймс ночью писал дневник при свете масляной горелки в Цветном Холме:

«Часто думаю о высказывании Стюарта Холдена: “Я не верю, чтобы какой-то человек стал победителем, не пролив своей крови‹, — ‹вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха› (Евр. 12,4).

Так часто до сегодняшнего дня я не был готов, образно говоря, проливать мою собственную кровь и только уповал на Господа... Это называется ‹упование в кресле›».

Джеймс понял, что очень просто впасть в духовное безучастие. После долгого подъема при достижении горного села и долгих часов проповеди и занятий сразу же по прибытии туда он заснул в хижине, переполненной вшами, и спал до утра. Туман и дождь задержали его в горах, в этой массе людей, где у него даже не было места почитать и помолиться. Незаметно пришла духовная слабость: медленный спуск в леность.

Заметка в дневнике говорит об этом: «Вся причина поражений в эти дни — духовная слабость. В этих обстоятельствах не работает ни один текст, который я вспоминаю. Дух должен беспрестанно поддерживаться постоянной молитвой силы, особенно против сил тьмы. Все то, чему я научился до сих пор, без такой молитвы бесполезно».

Хадсон Тейлор наблюдал, что нет никакой возможности иметь силу в жизни, которая приятна и чуждается креста. Эта истина открылась в эти месяцы и Джеймсу. Очень дорого стоит сохранить путь с Богом, глубока и постоянна цена каждого дня нашей жизни.

Одно дело — нести крест, а другое — умереть на нем. Джеймс достиг нового понимания пшеничного зерна, которое должно упасть в землю и умереть, чтобы оно могло принести плод. Это привело его к истине.

«Каждый, — говорит А. В. Тозер, — настолько свят, насколько хочет».

Дневник Джеймса показывает в это время жажду к святости в жизни. Летом 1918 года он должен был несколько

недель провести в Тенгвее, потому что у него ужасно болела нога. Немного о его духовных переживаниях мы узнаем из следующих заметок в дневнике.

«23 августа. Значительное духовное выздоровление... Способен практически обхватить ноги на кресте.

26 августа. Сегодня мне исполнилось 32 года. Сильно чувствую молитвы матери. Я уверен, что она молится за меня. Славное время молитвы наедине в моей комнате. Способен идти к кресту и остаться там. В духе имею мир и покой. Проповедь вечером на улице.

27 августа. Крест причиняет страдания, — пусть болит! Я буду тяжело работать, а также молиться благодаря милости Божьей.

28 августа. Читал Томаса Коокса ‹Новозаветное освящение›.

1 сентября. Вчера вечером молился на улице в канаве.

И неделей позже, когда он готовился к долгому путешествию:

«9 сентября. Очень ясно и решительно занял позицию 1 Иоан. 1,7 — Иисус Христос очищает от всех грехов. Остаток дня — полный мира и благословения. Вечером один лису изъявил готовность принять Христа и пришел ко мне побеседовать и помолиться.

11 сентября. Переживаю в эти дни 1 Иоан. 1,7. Вера стала такой естественной, как дыхание. В первые годы моего пребывания здесь я старался исполнить собственными усилиями Иак. 4,7, которое, может, и не имеет никакой связи с наследственным грехом. Но это связано с борьбой против сатанинского царства в мире. В любом случае книга Томаса Коокса была мне большой помощью.

12 сентября. В эти дни мое оружие против греха и сатаны — или, вернее, одного греха — любовь Божья. Мы не можем по-другому действовать, как в духе милости. ‹Любовь Христова влечет нас›.

16 сентября. Выдержки из Джоветта ‹Страдания за души›:

‹Добрая весть сокрушенного сердца — есть начало служения кровоточащего сердца.

Как только мы перестаем кровоточить, — мы перестаем благословлять.

Мы должны кровоточить, если мы хотим быть служителями искупительной крови›.

20 сентября. Мы должны облечься во всеоружие Божье до прихода ‹злого дня›, чтобы быть способными остановиться. Мы должны укреплять оборону во время каждого перерыва в сражении».

Обратный удар

Снова и снова Джеймс видел бесполезность собственных стараний. Он мог бы надорваться, работая, но это не имело бы никакого воздействия на человека.

Он написал друзьям в Лечвут по этому поводу после большого отпадения в Цветном Холме. Некоторые из верующих возвратились к идолопоклонству.

Маленькой церковью в Цветном Холме руководил интеллигентный и духовный молодой человек. Джеймс возлагал на него большие надежды, думая, что он станет вторым Ба Тав. Когда Джеймс переводил в Бирме первое Евангелие на язык лису, в Цветном Холме прошла серьезная эпидемия гриппа, и этот молодой человек умер. Это ужасно потрясло веру детей Божьих.

Жрец был тут как тут, чтобы использовать ситуацию.

«Он утверждал, — писал Джеймс, — что видел душу молодого человека — ни в небе, ни в другом месте умерших предков — в руке у него был песенник, что я ему дал, и он плакал. Следовательно, христиане не попадают на небо, — это всего лишь злая шутка.

Вскоре после смерти отца заболел его ребенок, и они сказали, что вернулся дух отца, чтобы забрать ребенка. Только не думай, что верующие говорят об этом, улыбаясь, как мы бы это сделали. Нет, они воспринимают это очень серьезно».

«Многие верующие вернулись на старый путь, — продолжал он в другом письме, — и даже те, которые не сделали это, боятся и сомневаются больше, чем они мне об этом говорят».

По-человечески все это было очень понятно. Цветной Холм был не единственным местом, где произошло отпадение. Истина, которую он в прежние годы особенно подчеркивал, — что возрождение является делом Божьим, — была ясно видна в новой ситуации.

Никакие требования, упреки, уговоры или утешения со стороны Джеймса никого не убедили. Только прямое Божье действие может произвести постоянный плод.

Он писал молитвенному кружку: «Если смотреть в общем, то кажется, что Бог остановил руку лукавого. А мой коллега, мистер Флегг, думает, что это чудо, что в некоторых случаях после 2-3 дней обучения многие верующие стоят твердо, несмотря на все искушения, которые встречаются им.

У меня не хватает слов, чтобы выразить свою беспомощность среди этих людей, если бы не благодать Божья. Хотя я уже десять лет в Китае и имею значительный опыт работы с китайцами и лису, я все больше обнаруживаю, что слишком мало или вообще ни на что не способен, если бы Бог не шел впереди меня и не работал среди них. Кроме того, я чувствую себя как человек, лодка которого оказалась на мели. Он может тянуть или толкать, но все же сможет продвинуть свою лодку только на несколько сантиметров. Но если поток поднимет лодку, — тогда она может двигаться очень просто и беспрепятственно.

Конечно, мне необходимо идти к лису, проповедовать им, учить их, увещевать и направлять, но их духовный рост почти полностью зависит от состояния духа (отлива или прилива) деревни — состояние, которое вы можете так же, как и я, контролировать на коленях. Иногда я думаю, что деревня ‹села на мель›, — я имею в виду лодку, которая села на мель! В таком случае людей нельзя больше собрать, — то есть сохранить в единстве, они не могут поддерживать и укреплять друг друга, — точно так же, как сделать из сухого песка мячик. Они будут холодными, и не будут реагировать, и недели или даже месяцы учебы едва ли изменят их. Их молитвы не будут услышаны так, как если бы Дух Святой жил в них. Я повторяю: чувствуешь себя бессильным помочь в таких случаях, делаешь все возможное для них и затем отдаешь их Богу.

Можно представить себе это и по-другому. Проповедь Слова Божьего в таких деревнях лису больше подобна прививке. Ты вводишь сыворотку, и люди по-настоящему привиты. Но результат различен у разных людей. У некоторых «прививка» успешна: число людей прибавляется, и они растут в вере.

В других случаях прививка не срабатывает! И люди возвращаются в язычество или в беспечность. Можно ли это применить в наших широтах и в нашем окружении? Разве мы не привиты Божьей вседостаточной благодатью через воскресшего Христа против греха (Рим. 6,1-14), этой смертельной оспы души? И каков был результат? Произвела ли она действие в твоей жизни? В моей?»

Для зрелости

Джеймсу была необходима большая духовная выдержка, когда он проводил первые, казалось, бесплодные годы в горах, чтобы обратить племена к Богу. Без видимого успеха прошли годы. Затем по милости и любви Божьей одна семья за другой и одна деревня за другой начали взывать к Нему о спасении.

Теперь необходим был другой вид стойкости.

Павел желал увидеть ефесян как «мужа совершенного, в меру полного возраста Христова» (Еф. 4,13). Джеймс желал больше всего, чтобы церковь была постоянной, мудрой и зрелой. Ему предстояли еще годы работы.

Хотя были отпадения, но было и ободрение.

«Я не хочу, чтобы вы думали, что я разочарован своей работой с лису — это не так! Я только хочу, чтобы вы знали правду, и это все. Многое, о чем я говорю, можно применить ко многим местам и полям благовестия, о которых поступают розовые и оптимистические сообщения, — очень правильно, так как это дело устоит! Так же у меня! И я полон надежды и уверенности в этом. У меня много лису, которые верны и честны в жизни, и есть некоторые, особенно любящие и усердные. Они очень гостеприимны, великодушны и сравнительно доверчивы. Тем более правильно, если скажу, что и мы, миссионеры, временами ошибаемся. Мы не всегда мудры в том, что говорим и делаем. И я также уверен, что, какие бы трудности мы ни встречали в работе с лису, эти трудности есть в каждом христианском служении. Я почти уверен, что они есть даже у вас дома...

Доктор Дале сказал, что, хотя мы можем изменить наши трудности в христианской работе, мы не можем избежать

их. Я лично за себя благодарю Бога от всего сердца, что нахожусь там, где я есть, и делаю ту работу, в которой нахожусь.

Некоторые верующие лису, главным образом молодые люди, просто замечательны. Это те, которые всегда и во всем готовы помочь, которые везде в деле Божьем радуют нас. Восемнадцатилетний юноша зимой жил у меня один месяц, он всегда радостный и готовый помочь. Он каждый вечер громко молился, прежде чем идти спать, и так сильно любил песни, что один миссионер, посетивший нас в это время, назвал его поющим мальчиком. Он хорошо работает и может отлично читать и писать. Двое юношей из его села недавно сопровождали меня две недели, они несли мой багаж и помогали, где только могли. Когда они пошли домой, то ничего не взяли за работу.

Один мужчина в южной области твердо стоял в вере, когда все другие в его деревне отпали. Я посетил эту деревню при первой возможности только потому, что он меня так усиленно приглашал. Каждый там мог засвидетельствовать, что он был абсолютным трезвенником, как и вся его семья. Лучшее свидетельство, что он и свою семью воспитывает в том же духе: свою старшую дочь, радостную, любящую девушку, он мог отдать замуж в богатую семью, но выбрал бедного молодого человека, христианина. Большая радость быть в этой семье, все здесь обладают этими качествами: честностью и абсолютной серьезностью».

Китайский Муди

Тинг Ли Мей был известен как китайский Муди. Он был кротким, любящим проповедником, через которого многие китайцы стали учениками Христа.

Когда Тинг попросил разрешения посетить новые церкви на западе, Джеймс был больше чем обрадован. Во-первых, Тинг может дать полезные советы, и, во-вторых, у Джеймса на несколько месяцев был теперь помощник. К тому же проповеди Тинга были именно тем, в чем они нуждались.

Тинга шокировала грязь в деревнях.

Джеймс улыбнулся, когда вспомнил свое первое впечатление, — теперь он уже просто привык. В деревне Черепахи

Тинг спросил Джеймса, не огорчит ли он людей, если будет говорить им о личной гигиене.

«Спокойно говори», — сказал Джеймс с энтузиазмом.

С большим тактом и вежливостью Тинг предложил, что, так как они стали верующими, им нужно постоянно мыться, и это будет приятно для всех. А также сказал, чтобы они не плевали в церкви.

На всех лицах в собрании было написано величайшее удивление. Некоторые еще никогда в своей жизни не мылись, а что касается плевков, то некоторые из них плевали каждую пару минут. Чистота не сразу стала потребностью для тех, кто начинал освящаться.

Тинг был воодушевлен тем, что он видел в духовно юных церквах.

Как-то ночью, когда они пошли на холм, покрытый густым лесом, их поразила темнота. Они, сильно уставшие, спотыкаясь, шли по темной таинственной тропинке. Неожиданно из темноты донеслись звуки пения. Они остановились послушать и поняли, что где-то в лесу поют верующие лису.

Они направились в сторону музыки и пришли к новой церкви в деревне Водяное Блюдо, которую Джеймс еще не видел. Собрание проходило в абсолютной темноте, потому что верующие не могли себе позволить купить масла для своих маленьких ламп.

Тинг тут же расположил эту маленькую группу к себе.

Для Джеймса такое сотрудничество было праздником после столь долгого одиночества. Один или два раза он брал Тинга с собой, чтобы посмотреть красивые места, которые он особенно любил, например, недалеко от деревни Черепахи.

«Мы были в нескольких милях от границы с Бирмой, — писал он, — и могли увидеть долину Иравадо и Миткинскую равнину.

Тинг никогда не путешествовал за пределами своей страны. Но он был одним из тех людей, которым я пытаюсь подражать, они просто везде находят то, что радует их, — будь то одежда людей, новое растение, дерево или животное, которое они еще не видели, или интересный местный обычай, или какое-то сказание.

На вершине этой цепи гор росло диковинное дерево, кото-

рое ни он, ни я до сих пор не видели. На нем было шесть различных видов листьев! Одно или два из них были паразиты, другие, очевидно, нет, как мы могли определить. Было просто удивительно, как он почти с детской радостью нарвал по одному листочку с каждого вида и добавил их к ягодам, которые собрал. Он так радовался новым вещам и прекрасным видам, что предложил помолиться и за все поблагодарить Бога. Так мы втроем провели молитвенное общение, сидя на скале высокой холодной горы, с которой можно было видеть всю Бирму».

Джеймсу понравился и помощник Тинга, которого звали Ри.

«Ри просто изумителен... не великий проповедник, но тихий, скромный мужчина, хорошо воспитан, готовый делать все.

Он всегда там, где нужно сделать грязную или тяжелую работу, кажется, он из любой трудности найдет выход, он всем делает приятное. Ты едва заметишь его, но, как люди говорят о соли, что она ‹вещество, что делает кашу отвратительной, если ее там нет›, так и он из такого сорта мужчин, что тебе тяжело, если его нет рядом».

Американский партнер

Когда Джеймс расстался в Тали с Тингом, он встретил юношу-американца, который стал одним из любимейших мужей Божьих среди племен лису, — Аллина Кука. Он сразу понравился Джеймсу. Аллин так описывает свои первые впечатления о Джеймсе, когда они вместе путешествовали в Тенгвей:

«Фразер физически казался молодым и сильным. Для англичанина он был очень общителен. Он свободно говорил по-китайски, почти как местные, хорошо владел литературным китайским языком. В одежде путешественника, сшитой вручную и предусмотренной для улицы, его часто принимали за одного из кули или даже за иностранного попрошайку. Но у него при себе всегда была одежда учителя, и, достигнув места назначения, он вскоре появлялся, к удивлению чужих, как превосходный джентльмен.

А каким спутником он был в дороге! Я очень хорошо

помню, что он в первую очередь заботился о других. Он никогда не спешил и останавливался, чтобы поговорить с людьми на улице и всегда был готов помочь другому. Он добродушно относился к животным, к кули и к хозяевам гостиниц. Он был очень практичным человеком. Если седло было тяжелым, он тут же доставал где-то другое. Новичку, не привыкшему ездить верхом на вещах, Фразер давал свое единственное импортное седло. В таком случае он обычно говорил, что привык к местным условиям и для него это вообще не имеет значения».

Воюющие кахины

Когда Джеймс и Аллин достигли Тенгвея, пришел зов от группы кахинов на границе Бирмы. Вожди племен начали преследовать христиан, и с обеих сторон уже пролилась кровь. Не мог бы Джеймс прийти и отрегулировать этот вопрос?

Эти кахины, собственно, имели связь не с Джеймсом, а с американскими миссионерами в Бирме. Но им нужен был кто-то, кто мог говорить по-китайски, и они предприняли далекий путь, чтобы найти его.

Кахины согласились на очень непрочное перемирие, и в какой-то степени снова стало спокойно. У Джеймса появилась новая возможность принести Благую Весть кахинам в области западнее Тенгвея, которые вообще не слышали об Иисусе Христе. Джеймс не знал их языка (атси-кахин), но он обратился к тем людям, которым пришел помочь издалека, чтобы они послали своих вестников, рассказать кахинам на юго-западе Китая о Христе.

Они пообещали подумать об этом.

Горный праздник

Модные фестивали музыки не имеют ничего общего с волнением и радостью, которые царили на первом большом празднике в деревне Черепахи. Сотни людей устремились из отдаленных деревень, с гор и низменностей Салвинского ущелья. Они принесли с собой еду и спали где придется. Их пение можно было слышать, как эхо за каньоном — оно

разносилось на несколько миль вокруг, так как горы — хорошие усилители звуков.

В разгар праздника Джеймс получил особенное ободрение. Двадцать человек из рода кахинов из его области робко пришли, чтобы принять участие в торжестве. Они были в изорванной одежде, босиком, не могли ни читать, ни писать. Но все же они поняли, что их приняли с радостью и приглашали присоединиться к детям Божьим.

Бог пригласил их стать Его сыновьями и дочерьми.

Глава 7

Сеть прорвалась

Царь лису

Огненные блики пробегали по коричневым лицам лису из Холодной Страны, которые сидели в задней комнате Мо. В темных глазах видны были тени сомнения, их лица были непреклонны.

Мо наклонился вперед. «Вы говорите, что ваша легенда рассказывает о том, что однажды вы получите царя. Я говорю вам: Он уже пришел! Его имя Иисус. Поэтому вы получили имя лису. Вы люди Иисуса».

Люди племени покачали головой.

«Как же так — иметь царя, которого никто не может видеть? — спросили они с ноткой презрения.— Наши легенды говорят, что придет человек, как мы, и он принесет нам наши книги».

Наступила тишина, все смотрели на огонь.

Вдруг Мо что-то вспомнил. Он повернулся к стопке бумаг в темном углу около двери. Там лежала пыльная фотография. Он вытер ее рукавом одежды.

«Вот ваш царь», — сообщил он решительным тоном.

Люди посмотрели на фотографию. На ней стояли Джеймс с Флеггом в одежде лису.

Тут у них проснулся интерес. Легенда, которая передавалась с незапамятных времен, рассказывала о царе, который придет к лису: большой белый человек принесет им книги.

Мо показал пальцем на фотографию Джеймса. Он повторил свой сомнительный аргумент:

«Смотрите, наконец, вы имеете царя! Он белый и принес вам книги».

«Все это для доброго дела, — думал он про себя.— Может, они сейчас пригласят Джеймса в свою область».

Так и произошло: через несколько недель они возвратились в дом Мо. Их народ в Холодной Стране заинтересовался историей царя. Они бы хотели больше узнать о нем.

Мо послал к Джеймсу бегуна с почтовой открыткой.

Чудо в Холодной Стране

Почтовая открытка достигла Джеймса, когда он был на празднике, окруженный людьми. Холодная Страна находилась в четырех днях пути, а он уже пообещал атси-кахинам пойти с ними, чтобы поучить их после праздника.

Он вспомнил, как люди из Холодной Страны еще пять лет назад противились принять весть спасения. А теперь они даже послали за ним!

Наконец, он повернулся к Аллину Куку, который оставил свои занятия в Тенгвее, чтобы участвовать в торжестве. Аллин только немного знал китайский и вообще не говорил на языке лису. «Будет ли он готов пойти?», — думал Джеймс.

С удивительной смелостью Аллин согласился и с головой окунулся в работу с племенем.

Он не знал языка, едва знал людей, к тому же оказалось, что никто не знал дороги. Даже сам Мо не мог объяснить дорогу, поэтому Аллин с двумя проводниками лису пошел в дом Мо, и там они ждали до следующего базарного дня проводников из Холодной Страны. Чтобы точно указать дорогу, с гор спустился сам вождь, Большой Тигр, с некоторыми другими, чтобы, во-первых, закупить виски и, во-вторых, проводить посетителей. Приближались праздники Нового года, и поэтому понадобились большие запасы, и все же Аллин был смущен таким объемом закупленного виски.

Гостей сердечно приняли в четырех деревнях, и во время приготовлений к праздникам Аллин мог на плохом китайском объяснить им весть спасения. Аллин взял с собой пару китайских книг, в случае, если люди будут обращаться к Господу. Обычно же книги не использовались, пока не было решительного поворота ко Христу.

Старшие из деревни Большого Тигра провели короткую дискуссию после прибытия Аллина.

«Мы не можем в данный момент стать христианами, — сказали они.— Это было бы расточительством хорошего виски. Когда мы используем виски, то вновь будем говорить об этом. Оставайся, пока пройдут праздники, и потом посмотрим, что скажут люди».

Началась пьянка.

За пьянкой и танцами вскоре последовали ужасные сцены

безнравственности. Казалось, пришли в движение все злые влияния, даже сама атмосфера была жуткой. При свете огня лица людей выглядели мрачными и разгоряченными, сами их действия были зверски унизительны.

Аллин возмутился в глубине своей души, когда он все это видел. Он и его проводники лису сидели одни и не могли сказать людям, что Бог есть свет и нет в Нем никакой тьмы.

Наконец пришел главный день праздника. Аллину предложили особый стул в комнате вождя. Один за другим входили жители, еще более пьяные, чем раньше, чтобы поклониться духам предков. Они несколько раз бились головой об пол перед картинами на стене, поклоняясь сатане. Аллину пришлось смотреть на все это.

Вдруг словно ком подкатил к его горлу. Он с минуту боролся с ним, стремясь сдержаться, но не смог и залился слезами, всем телом вздрагивая от рыданий.

Большой Тигр был изумлен.

«Что случилось? Что-то не в порядке?» — спросил он по-китайски.

«Я плачу, потому что вы погибли. Вы на пути тьмы, вы остаетесь без Христа на всю вечность, и я ничего не могу сделать, чтобы вас спасти», — ответил Аллин на плохом китайском.

Сильное чувство присутствия Божьего объяло их. «Если ты думаешь, что это так плохо, — дрожа всем телом, сказал вождь, — мы сейчас же перестанем. Мы выльем виски. Расскажи нам о Боге и молись Ему, чтобы Он спас нас».

Аллин и его проводники, как могли, объяснили вождю и его семье, что значит стать дитем Божьим. Было непросто в немногих словах полностью открыть значение креста, искупление от греха и истину о вечной жизни. Но Дух Святой открыл разум этого человека и его семьи.

«Затем Большой Тигр повел нас к дереву духов, — вспоминает Аллин.— Это был всего лишь старый пень, слишком большой, чтобы вырубить его. Около него на полке стояли чаши для пищи и курение. Большой Тигр разбил чаши и вырвал полку, он сжег все, что могло сгореть. Рядом стояла маленькая хижина, где хранились вещества для курения духам. Они разрушили ее и понесли все на костер».

Деревенские жители, слышавшие и видевшие все это,

пришли к тому же убеждению. Оставшийся виски вылили свиньям. Аллина звали в один дом за другим, чтобы он пришел и помог убрать все, относящееся к поклонению духам, и рассказал людям, как можно спастись.

«Перед наступлением ночи, — пишет Аллин, — все село открыто приняло веру во Христа. В течение нескольких дней их примеру последовали люди из Скальной Пещеры-Реки, это было близлежащее село, затем — Большая Солончаковая Река, хотя здесь это произошло не так быстро.

Когда я должен был возвратиться в Тенгвей для изучения языка, оба проводника лису остались там, чтобы направлять людей и продолжать работу».

Последствия

Через несколько месяцев в Тенгвее появился один из проводников лису с длинным списком книг на заказ на языке лису. Он объяснил, что началось такое большое движение среди племен Холодной Страны, что двое учителей лису не успевали посещать все места, куда их приглашали.

Пробуждение здесь совершалось самостоятельно, без силы извне: обращенные несколько дней назад помогали другим. Куда бы ни приходили оба учителя лису, казалось, что Бог уже прежде них был там. Некоторые люди уже начали читать на языке лису, собрали деньги, чтобы купить книги, и были готовы нести их шесть дней через горы. Без сомнения, это было делом Божьим, а не человеческим. Аллин Кук увидел начало, а Джеймс вообще еще не был в этих местах.

Спрос на книги был таким огромным, что Джеймс и Аллин должны были спуститься в Рангун, чтобы ускорить печать. Им пришлось проделать шестнадцать дней пути через высокую цепь гор границы. Это было очаровательное путешествие, которое принесло им еще больше радости вследствие распространения спасительной вести о Христе.

Они расстались на обратном пути: Аллин — чтобы продолжить свою учебу в Тенгвее, а Джеймс — чтобы в первый раз посетить деревни в Холодной Стране.

«Я желал бы, чтобы ты был рядом со мной, — писал он, — когда я шел из деревни в деревню, и увидел царский

прием, который они оказывали мне! Ты также имел бы часть в нем. Играют на своей волынке, стреляют из ружей, выстраивают всех жителей, мужчин и женщин, старых и молодых, чтобы пожать мне руки (они используют при этом две руки, так как думают, что это более почтительно), и у меня такое чувство потрясения — избыток радости».

Джеймс оставался в этой местности несколько недель. Он работал до изнеможения. Люди были ненасытны к знаниям, стремились узнать все больше и больше. «В своем усердии они превосходили самих себя», — сообщал он.

«Почти вся деревня собиралась вокруг меня и битком заполняла помещение так, что нечем было дышать».

Было время дождей, и Джеймс был почти постоянно мокрым, путешествуя из деревни в деревню под проливным дождем. Он ел то, что ему давали, и спал на бамбуковых матах на переполненном людьми полу.

«Если это не услышанная молитва, — писал он, — то что же это?.. Некоторые вещи особенно радуют меня в этой новой восточной области.

Лису практически первыми начали работу и почти полностью вели ее дальше одни, как бы неопытны и необучены они ни были. Они не только отдавали то малое, что знали, но учили других, чтобы те передавали дальше. Так много молодых людей и детей научились читать и писать, что засыпали меня маленькими записками, а я до сих пор не нашел времени прочитать их.

Еще одна причина благодарности состоит в том, что число христиан превысило число язычников. В некоторых деревнях едва ли остается одна языческая семья. Это большое преимущество, так как значительно меньше стало искушений и трудностей. Также хорошо, что все верующие единодушны в том, чтобы вообще не заниматься опиумом. Это откроет в свое время путь к крещению и созданию церквей... Они желают иметь на Рождество большое собрание. Молись о том, чтобы это стало временем больших благословений. Мы надеемся снова праздновать Рождество в деревне Черепахи.

На сегодняшний день я вижу, что только в этой новой области более двухсот сорока семей стали христианами. Общее число покаявшихся в местах, где мы работали в

последнее время, составляет сто восемьдесят семей лису и двадцать семей кахин. Итак, в общем четыреста пятьдесят семей, за которых мы несем ответственность. Это составляет где-то две тысячи молодых и стариков, так как в среднем семья состоит из пяти человек.

Джеймс так ослаб от перенапряжения, что заболел лихорадкой, и ему пришлось возвратиться в Тенгвей.

Письма

Джеймс охотно писал письма, они выходили у него очень живыми. Одна дама из Лечвута убеждала Джеймса, что она через его письма так хорошо познакомилась с лису, будто они жили на соседней улице.

Это было именно то, чего он хотел. Он так сильно зависел от своих молитвенников, что рисовал карты деревень и присылал детальные сообщения о людях. Он писал каждому лично и отвечал на все вопросы.

Когда Джеймс несколько недель провел у атси-кахин (где он нашел сорок семей, желавших стать христианами), он заметил, что однообразные вершины гор и недостаточное питание были утомительнее, чем он мог перенести. Он решил сделать паузу и пошел в китайскую гостиницу на равнине. После хижин кахинов она показалась ему лучше, чем гостиница «Ривьера» в Англии.

«Только за ночлег, включая дрова для огня и воду (также одеяло, если ты нуждаешься в нем), каждый платит два пенни в день. Мы также берем у хозяина гостиницы горшки и сковородку, — это тоже входит в два пенни оплаты. Лису, которые со мной, ходят каждое утро за покупками...

Иногда я иду сам, — и ты, может быть, улыбнешься, если представишь меня с корзиной овощей в одной руке и кошельком в другой, или если передо мной на бамбуковой веревке болтается кусок жирной свинины, когда я иду по булыжной улице базара между столами продавцов.

Но я испытываю при этом настоящую радость, если делаю то, что делают китайцы. Вначале они варят рис (знаешь, мне нужно учиться, как они это делают). Когда рис сварится, они закрывают его крышкой и поджаривают его на малом огне. В это время они готовят овощи. Они шинкуют их огромными

ножами, потом жарят, затем заливают водой и варят. Такой метод жарки и варения делает все очень вкусным.

Когда все сварено, они ставят бамбуковый стол и расставляют на нем чашки, тарелки и горшок с рисом, кладут палочки.

Если хозяйка гостиницы огорчается по поводу того, что стол становится черным от копоти, которая собирается на рисовом горшке, то мы покупаем кусок серой китайской бумаги и кладем его под горшок. Я молюсь на языке лису, и мы начинаем есть.

Тебе не нужно переживать, что я живу на китайской пище, — она так же вкусна, как и калорийна. Флегг, который как раз проходил здесь из Бамо в Тенгвей, говорит, что я хорошо выгляжу, хотя я уже более трех месяцев живу на местной пище. Возможно, что я так буду жить еще несколько месяцев.

Все это время я не пробовал импортной пищи: ни хлеба, ни масла, ни овсяной каши, молока, чая, кофе, какао или сладостей, и у меня нет особого желания к ним. В деревнях лису и кахинов мне недостает фруктов, но здесь внизу можно иногда купить различные сорта груш, слив, бананов, ананасов. Я ел здесь такие хорошие бананы (7 штук за 1 пенни), как редко бывало дома...

Сегодня базарный день, и улицы начинают наполняться людьми и шумом.

Ты встретишь здесь не меньше восьми различных рас: китайцы, шены, паланги, аханги, лису, джингпавы, кахины, атси-кахины. Я принадлежу к девятой расе... Эти расы можно легко отличить друг от друга, кроме двух племен кахин, — по одежде женщин, а женщины возглавляют базары в этой части земли. Они приносят всевозможные товары или в двух корзинах с штангой через плечо, или в одной — на спине. Они опускают эту корзину на краю улицы, садятся возле нее и ждут покупателей.

Коммерсанты раскладывают свои товары на полки и предлагают всевозможные импортные и местные товары — лампы и фонари, зеркала и парфюмерию, шерстяные носки и сапоги, медикаменты и мыло, карманные ножики, полотенца, ручки и т.д. Тут же множество дешевого хлама. В большинстве здесь толпятся девушки и молодые дамы различных

племен, — с широко открытыми глазами, которые говорят: ‹Я бы желала... я могу себе позволить купить это...›

Если бы ты могла видеть девушек и женщин кахин, ты бы охарактеризовала их как самых диких людей человечества. Ты бы даже боялась их, как и они тебя! Кахины — это свободный, “неотесанный› индивидуум, без искривлений и извилин китайцев. Они не очень разговорчивы, но по-детски простодушны и доверчивы. Особенно девушки-кахины, так как мужчины не часто идут на базар, и пожилые женщины не так часто, как молодые. Ты можешь чувствовать себя свободно и везде разговаривать с ней: она смотрит тебе прямо в лицо с выражением, полным снисхождения, восхищения и веселости, пока ты хочешь сказать свое мнение на плохом языке атси-кахин. Она энергична и решительна: ты можешь видеть ход ее мыслей, потому что он написан на ее лице.

В последний базарный день я встретил некоторых лису верхнего Салвея на улице. Они несли для продажи ужасно тяжелые ноши бетельных орехов. ‹Приходи в нашу деревню и учи нас, — сказал один из них. Его деревня находится где-то в шестнадцати днях пути.— Мы позаботимся о твоей пище, — рис и свиное мясо можешь есть сколько хочешь›. Хотя он говорил серьезно, но был слишком занят, чтобы сделать большее, чем пригласить меня. Эта область нуждается в евангелизации, но я хочу найти подходящих местных, которые должны вначале пойти туда».

В это время Джеймс вновь убедился в практическом влиянии труда его молитвенной группы. Он писал об этом из китайской гостиницы в следующем письме домой.

«О многом я хочу рассказать вам, дать вам по возможности точную и хорошую картину о людях, их привычках, одежде, пище, языке, идеях и их особенностях. Я хочу сообщить вам о моих планах самостоятельной поддержки местных жителей в работе — тема, которая сильно волнует меня. Но хочу показать различие между временной самостоятельной поддержкой и духовной независимостью. Первое особенно желательно и возможно, последнее почти невозможно, оно может быть только в последующих поколениях.

Они — покаявшиеся лису и кахины — могут хорошо поддерживать своих пасторов, учителей и евангелистов через

умелое возделывание обширных склонов гор, которые производят все необходимое для нужд тех, чьи ноги с любовью ходят по ним, но если брать во внимание их духовное развитие, можно сказать, что они еще дети и зависимы от нас, как ребенок зависим от своей матери.

Что касается наставления, руководства и организации, — в этом они зависимы от нас. Но в том, что касается их духовной жизни и силы, они в более глубоком смысле зависимы и от родных церквей в Англии и Америке. Я действительно верю, если любая из молитвенных групп церквей с родины, которая молится за новые церкви миссионерского поля, прекратит молиться, то молодые христиане потонут в стремительных потоках сил тьмы. Такое фактически случалось в истории церкви — церкви теряли свою силу и жизнь, и оставалось только имя, или они полностью исчезали. Точно так, как растение умирает, не получая воды, так и настоящее дело Божье может умереть и исчезнуть, не получая молитвенной поддержки.

Язычество можно сравнить с большой горой, которая грозит затушить огонь жизни и силу Святого Духа в местных церквях, и эту опасность можно сдерживать только силой Божьей. Бог может это сделать и еще больше этого, но Он не будет этого делать, если все мы здесь, а вы — дома будем сидеть в креслах, скрестив руки на груди. Нельзя так просто сказать, почему молитва так необходима, лучше всего увидеть ее на деле, даже если мы не сможем объяснить это. Верите ли вы, что церковь Божья была бы жива сегодня без первосвященнического посреднического служения Господа Иисуса Христа на троне? Я — нет. Я верю, что она была бы мертва и уже давно погребена. Рассматривая Библию как запись действий Божьих на этой земле, я думаю, что она является ясной громкой вестью для Его народа — от Бытия до Откровения — ты же делай свою часть.

Думаю, что есть нечто особенное в том, что Бог дал пройти почти восемнадцати столетиям, пока Он открыл дверь евангелизации больше чем половине человечества: Индии, Китаю и Японии.

Я думаю, что Бог имел в этом какую-то цель. Я верю, что Он пытался евангелизировать язычников, — если я имею право с благоговением сказать так, — много раз в прошедших

столетиях. Но Его церковь не отозвалась на этот призыв: она была слишком полна заблуждений и коррупции, и была бессильна питать детей, которых рождала. И одиночные попытки серьезных людей прошлых столетий создавать церкви на миссионерских (как мы сегодня называем) полях никогда не заканчивались чем-то живым и прочным.

Во время Реформации церковь начала приходить в себя, но Бог не нашел ее способной и достаточно сильной среди большой языческой системы мира рождать детей и питать их. Для меня поразительно и достойно внимания то, что отъезд Карея в Индию, который мы рассматриваем как рождение современного миссионерского движения, состоялся только спустя два года после смерти Джона Веслея, центральной фигуры большого евангельского пробуждения.

Вероятно, теперь материнская церковь протестантских стран способна питать новые церкви Азии, не только что касается людей и денег, но и в отношении постоянной и полной силы ходатайственной молитвы. Применяя это к работе среди коренных жителей Тенгвея, я думаю, что могу сказать: вы и те, кого Бог призвал к этой работе, будете способны нести на руках молитвы духовную жизнь возрожденных лису и кахинов, а также значительно умножить их число. Я думаю, что Бог ждет, пока церковь на родине будет иметь достаточно силы, чтобы питать своих детей, — прежде чем Он преподнесет ей нынешнюю большую и растущую семью на миссионерском поле. Так, во всяком случае, может быть, если Он приготовил вас для невидимого духовного материнства этих молодых верующих лису, хотя вас разделяют тысячи миль.

Возможно, вы скажете: ‹Разве ты не можешь научить покаявшихся молиться, как должно?› Это очень уместный вопрос, и я могу лучше всего на него ответить, сказав ‹да› или ‹нет›. Я веду их (или пытаюсь, во всяком случае) к привычке молиться, но это еще лишь крик ребенка, а не усиленная молитва взрослого. Они только знают, что должны с возрастающим усердием молиться, когда их друзья болеют, и их молитвы кажутся им в таких случаях значительно более действенными, но они ничего не знают о молитве за спасение душ. К несчастью, до сих пор еще мало таких, которые видят, как много значит, спасены другие или нет. Их молитвы в

большинстве своем эгоистичны точно так же, как крик ребенка.

Но я могу пойти еще дальше и сказать, что большое число верующих даже не знают, что значит спасение даже для самих себя. Позднее многие осознают это подобно тому, как происходит пробуждение. Но в данное время их знание еще очень примитивно и познания скудны. Они еще не достигли возраста духовной борьбы, они маленькие дети в Божьем детском саду, а не воины в армии Божьей. Но перед вами прошли столетия христианства, вы имеете христианское воспитание, христианское общение, хорошо знаете Библию, имеете богослужения и многое другое, которое помогает вам в духовном росте. Поэтому вы принадлежите к тем, кто достиг полного возраста Христова, которые способны ‹помочь... силой против врага›. Большая разница между вами и ими состоит в том, что вы взрослые во Христе, а они дети, а работа по уничтожению сатанинских крепостей требует мужской силы, а не детской.

Они — верующие лису и кахины — имеют, естественно, свои трудности и иногда терпят гонения. Но если я говорю об их нынешней неспособности к борьбе, я имею в виду ведение войны в чисто духовном смысле.

Я не буду больше подробно на этом останавливаться. Из сказанного мной вы видите, что я не только прошу вас помочь им в молитве, но пытаюсь взвалить на вас главную ответственность ведения молитвенной борьбы. Я хочу, чтобы вы взяли бремя этих людей на свои плечи, и желаю, чтобы вы за них боролись вместе с Богом. Я желаю быть не командующим войска в этом деле, но больше офицером связи. Я все больше и больше чувствую, что на мне лежит большая ответственность, чтобы всегда хорошо информировать вас. Господь Иисус смотрит с небес и на бедных, униженных и забытых коренных жителей. ‹Скорбь Его души› была и за них.

Господь долго ждал. Внесете ли вы свою часть, чтобы приблизить тот день, когда душа Его будет наполнена довольством?

Нужно сделать все, прежде чем служение молитвой будет оставлено или остановлено. Мы часто говорим о том, что ходатайственная молитва имеет жизненно важное значение. Я хочу сказать, что верю, — это настоящее дело, чтобы отда-

вать ему свои лучшие силы. Я чувствую себя деловым человеком, который понимает, что определенные товары в его магазине имеют больший спрос, чем другие, и он усматривает сделать их главным товаром. Человеком, который поистине видит неисчерпаемый спрос выгодного артикула и берется его больше инвестировать, чем что-то другое. Спрос — это гибельное состояние десятков тысяч лису и кахинов — их невежество, суеверие, греховность, тело, воля, душа; предложение — это милость Божья, чтобы помочь этой нужде, дарованная им через постоянные молитвы детей Божьих. Все, что я хочу сделать, — быть своего рода посредником, который соединяет это предложение и спрос».

Женщина лису

Многие друзья Джеймса среди местных жителей думали, что ему пришла пора жениться.

«Мы найдем тебе в горах лучшую девушку», — с вдохновением предлагали они. Много предложений было сделано верующими отцами, у которых были дочери на выданье. Один особенно настойчивый вождь-кахин даже начал готовить свадебное торжество для Джеймса и своей дочери. Единственным способом избежать этого было запаковать сумки и оставить село.

Большинство горных жителей никогда не видели белой женщины. Джеймс слышал, как местная женщина рассказывала, что видела одну такую на базаре: ее своеобразную одежду, тонкую талию и внимание, которое оказывали ей белые мужчины. Это было так необычно. Так как Джеймс явно не собирался жениться, они решили, что белых женщин, видно, очень мало. Но они чувствовали его одиночество и его любящую натуру, его любовь к детям. Они не могли знать, что это была цена, которая позволила Джеймсу отдать себя для них ради Евангелия. Он был свободен, как юноша, но дорогой ценой приобрел он эту свободу.

Миссионерский дом

Миссис Флегг была хорошей поварихой. У нее была богатая фантазия. Дом в Тенгвее изменился, когда она прибыла туда.

Флегг терпеливо ждал ее шесть лет, пока она работала на побережье. Она была отличным бухгалтером, и на главной квартире, казалось, не могли обойтись без нее. Но когда она приехала в Тенгвей и вышла замуж за Флегга, она также выделилась — быстро выучила язык и успешно вела хозяйство.

«Она печет лучший хлеб, который я когда-либо ел в Китае», — писал Джеймс домой.

Понимающее сердце миссис Флегг говорило ей что Джеймсу и Аллину хорошо больше бывать в миссионерском доме, чем вести спартанскую жизнь в горах. Она чувствовала их нужду в ободрении. Для Джеймса и Аллина важно было иметь кого-то, кому они все могли рассказать, так же, как для Джеймса в прежние дни были супруги Эмбери.

Горная хижина

Но Джеймс хотел продолжить перевод Евангелия от Иоанна и учить лису, поэтому он снова отправился в сторону гор.

Его новым домом был бамбуковый сарай, стоящий на высоте 2000 метров в деревне Черепахи, которая почти вся была христианской.

Стены хижины были из бамбуковых матов, а крыша — из сырой соломы. Пол в середине был углублен для костра. Один лису сделал Джеймсу бамбуковую постель, стол и стул. Крышка от гроба, взятая в долг, заменяла ему полку, где он складывал свои книги, бумаги, медикаменты, какао, консервированное молоко и коробку с печеньем от жены Ба Тава. (Ба Тав делил с ним хижину и помогал при переводе.)

Деревенские жители чувствовали себя в его хижине как дома. Они часами могли смотреть, как он пишет. Особенно дети собирались вокруг него, чтобы поговорить с ним. Маленькая Кунг была особой подругой. Ей было десять лет.

«У нее большие карие глаза, такие же круглые, как у серны, веселое лицо, детская улыбка... Я хотел бы, чтобы ты послушала ее разговор: ты обнаружила бы, что, во-первых, эти дети вежливы и, во-вторых, у них такие же тело и кровь, как и у наших в Англии. А как она говорит! Эти дети живут такой естественной жизнью, они знают наизусть все свои холмы и долины, знают имена и привычки

всех животных, птиц и насекомых, которые там есть, и все о деревьях и кустах. Они сидят на земле и плетут цепочки из красных ягод или плетут из травы повязки на руку, пока пасут скот. Она сообщит тебе о событиях в деревне, как кто-то что-то потерял, и мать отругала его за это. Он обиделся, выбежал и спал на поле, его увидела сестра и рассказала своему дяде, что говорил последний, и что сказал другой, и как они поссорились и т.д. При этом меня интересуют не подробности, но чарующая живость ребенка во время рассказа».

Он любил учить детей петь. Коренные жители были достаточно музыкальны, чтобы без труда петь на разные голоса, он также изобрел метод, чтобы научить их читать простую мелодию. Через песни он многому учил их. Одна песня в многочисленных куплетах делала обзор Ветхого Завета, а другая — обзор Нового Завета. И так как еще не было Библии на языке лису, песни открывали им Слово Божье.

Независимость

Горные жители были очень бедны. Джеймс знал это, так как разделял с ними их бедность. По их мнению, все европейцы были богаты. Например, занавески казались лису беспечным расточительством материала. (И вообще, почему иностранцы были одержимы сугубо личной сферой? Что они пытались скрыть?)

Пища лису была очень простой, защитные силы организма были очень малы. Когда начиналась эпидемия, смертность была высокой. Их домики едва выдерживали холодные зимние ветры в горах.

Но чем больше Джеймс об этом думал, тем больше верил, что церкви будут расти быстрее, если они с самого начала будут независимы в финансах. Если они будут расти, им надо научиться и самих себя содержать.

Было бы намного проще дать им деньги. Многие люди в Англии и Америке послали бы деньги на строительство церквей и для содержания пасторов. Но Джеймс видел (и в этом он был не одинок), что иностранные деньги и иностранный контроль построят иностранные церкви, и к тому же слабые. Лису с самого начала должны были учиться

отдавать Господу от своего малого. Их собственная жертва поддержит их церкви и евангелистов.

Джеймс поощрял добровольных и неоплачиваемых проповедников идти евангелизировать недостигнутые области. Они должны идти, куда направляет их Дух Святой, и верить, что Он позаботится о них. Если у них оставались семьи, то местные верующие должны были заботиться о них. Он также не платил своим помощникам. Если находились добровольцы нести его вещи и книги, они делали это бесплатно. Никто не должен зарабатывать деньги служением Господу.

Несмотря на бедность, люди покупали себе Евангелия, песенники, тетради и ручки. Если у них не было денег, надо было их накопить.

Если они хотели строить церковь, то строили ее сами.

Дома не считались самым необходимым в жизни, но все же они защищали от дождя. Весь материал и вся работа обеспечивалась хозяевами, — до масла в лампах. Если у них не было масла, и кончались сосновые стружки, тогда они молились и пели в темноте. Джеймс не давал им денег.

Хотя эти принципы применяют сегодня во всей мировой миссионерской работе, такая идея в двадцатые годы была совершенно новой.

Нельзя сказать, что Джеймс каким-то образом сам пришел к этой идее. Она пришла ему в голову в дискуссии с другими тружениками, и он претворял ее в жизнь.

«Мы не считаем себя богатыми по сравнению с другими европейцами, но по сравнению с коренными жителями мы купаемся в богатстве, и они переживают, считая нас дерзкими, если мы каким-то образом отягощаем их. Но я уверен, что должен так поступать. Так, я разрешаю им нести мой багаж иногда до двадцати миль, не предлагая им оплаты. Они не ожидают ее. Они также не ожидают, чтобы я платил им за гостеприимство, которое принимаю, когда живу у них. Они считают само собой разумеющимся делать это для своего иностранного учителя, как для их собственных евангелистов. Оказал бы я им помощь, если бы поощрил их к торговому духу, когда у них ничего нет?»

Джеймс сильно противился идее платить возрожденным за то, что они проповедуют Евангелие, и называл ее «испорченной системой».

«Это путь наименьшего сопротивления, но он представляет собой широкую дорогу, ведущую в погибель. Нет! Пусть наша работа медленно идет вперед, но идет узким путем независимости. Мы никогда не пожалеем об этом...

Что я везде хочу видеть, — это жертвенный дух для Господа, Который искупил нас Своей Кровью. Мое желание показать не то, что мы получили, но что мы можем отдать, и мое сердце горит, когда я пишу об этом».

Но все же были ситуации, когда он действовал иначе. В селе Городской Холм один молодой человек хотел пойти с Джеймсом проповедовать, чтобы больше научиться. И Джеймс считал, что для него это будет очень полезным, когда по возвращении он будет вести духовную работу дома. Джеймс предложил всем верующим собрать 40 рупий для поддержки его семьи на восемь месяцев, пока его не будет дома. Они предложили одну рупию и ожидали, что остальные деньги даст Джеймс.

«Было время, — продолжал он, — когда я был очень осторожен, касаясь этой темы, и старался не настаивать дальше, видя, что люди живут в такой нищете. Теперь же я лучше знаю лису и сказал им, что они предложили очень маленькую сумму. Некоторые, естественно, были недовольны, роптали и выступили против меня. Но я стоял на своем.

Я показал им, что они предложили на дело Господа, Который отдал за них жизнь, шестидесятую часть того, что они обычно расходовали на табак и бетельные орехи. Я также напомнил им, что некоторые из них еще не порвали с опиумом и что один-единственный курильщик опиума за восемь месяцев прокуривает столько, сколько нужно для поддержки этой семьи! Они не могли отрицать, что на одну свадьбу им нужно в 800 раз больше, чем они предложили, если даже не в 1000 или в 2000 раз!

‹Да, — оправдывались они, — но нам нужны жены. Это необходимая плата›.

‹Ну, хорошо, — ответил я, — если вы так низко оцениваете проповедь Евангелия, то, может, вообще не нужно, чтобы молодой человек пошел со мной?›.

На этом я закончил разговор, попросив их еще раз подумать над этим. Молодой человек был сам разочарован так

же, как и его молодая жена — приятная, правдивая женщина, которая действительно отпускала мужа, чтобы он большему научился. Сам я был печален больше, чем они, и особо молился за то, чтобы изменились их разум и сердце.

Вечером они, казалось, немного успокоились и пришли к следующему соглашению. Три семьи из восьми пообещали взять жену с двумя детьми в свой дом и по одному месяцу заботиться о ней. Две семьи дали тут же по одной рупии. Все это вместе составляло семнадцать рупий. Это было далеко не все, что они могли сделать, но было бы неразумно дальше наступать на них, поэтому я заплатил оставшуюся сумму — 23 рупии. Все же я пояснил им, что не хотел бы, чтобы они что-то делали неохотно.

‹Нет, учитель, — тут же ответили они, — мы рады давать›.

Как отличалось это от прошлого вечера! Господь работал над ними в это время».

Правительственный справочник

Британское правительство попросило Джеймса создать справочник лису. Когда он понял, что это поможет в его миссионерской работе, то согласился и пошел в Тенгвей, чтобы поработать над ним, после того как несколько месяцев провел в деревне Черепахи. Не было никакой языковой помощи, и у Джеймса возникло много проблем.

Первая часть справочника описывала происхождение лису из Восточного Тибета, историю их кочевой жизни и их обычаи. Во второй части были грамматика, синтаксис и алфавит букв. Третья часть — лису-английский словарь.

«Ты не имеешь представления, — писал Джеймс в то время матери, — как тяжело выстроить систему, когда до сих пор ничего не было систематизировано во всей истории лису, особенно, когда ты только немного слышал об этом, то есть, подхватил на лету! Просто невозможно поместить все это в европейские рамки. Например, ты не можешь их грамматику подогнать под систему английской или греческой. Китайский и кахин справочники дают хорошие предложения, но в языке лису еще так много особенностей, что мне волей-неволей придется создавать свою собственную систему».

Справочник был издан британским правительством в Рангуне в 1922 году — маленькая книжечка в 108 страниц.

Новая жизнь лису

Джеймс понимал, что христианская вера полностью изменит жизнь лису. Использование земли, начатки воспитания, новая форма питания, другое отношение к правительству, внедрение медицины — все это были аспекты жизни, которые нужно было хорошо продумать. Было ясно, что изменения будут медленно входить в их жизнь, и для этого необходимо было практическое руководство.

Джеймс углубился в сельское хозяйство и земледелие. Если лису не будут больше заниматься опиумом, то что должно расти на этих горных землях? Как улучшить их методы ведения хозяйства, чтобы они стали лучше жить?

«Впрочем, — писал он своей матери, — помнишь ли ты мои рассказы о Форресте, ботанике, который несколько лет провел в Юньнане, чтобы собрать разные виды орхидей, рододендронов и т.д.?

Он как раз был здесь, и я расспрашивал у него обо всем, что он знал о ведении хозяйства... Он был фермером в Шотландии, садовником в Австралии, прежде чем стал ботаником. Да и кто мог бы стать ботаником, ничего не понимая в сельском хозяйстве? Я рад, что некоторые мои понимания, которые я получил через чтение и разговоры с жителями, могут мне пригодиться.

Форрест говорит, что много красной земли этой равнины и всей области — глина, но не чистая, и что в Англии тоже есть подобная почва. Он предлагает большой пустырь равнины на северо-западе подготовить под пшеницу, картофель и другие культуры, если хорошо и правильно обработать землю. Но в этой земле попадаются карманы с вулканическими камнями, которые в некоторых местах вышли на поверхность. Он думает, что там хорошо будет расти сахарная свекла, но ни один житель не слышал о такой культуре, — хотя сахар здесь дороже, чем у нас дома».

Форрест принес охапку орхидей в дом в Тенгвее, и они с Джеймсом повесили их на водосточный желоб и на деревья во всей их красоте.

Работая своими руками

Пока Джеймс в Тенгвее занимался переводом и библейским учением и советовался с экспертами о сельском хозяйстве, он сделал рискованный шаг — решил сам заработать себе содержание и на несколько месяцев устроился преподавать в школе мальчиков по два часа в день.

Он хотел, как Павел со своими палатками, заработать себе содержание, и когда пришла такая возможность, ему удалось убедить в этом мистера Хоста. Итак, он каждое утро (с 7 до 9) преподавал английский в школе. Все, что зарабатывал, он отсылал в миссию, заботливо сохраняя все квитанции из Шанхая.

«Это лишит силы обвинение, что я хочу заработать деньги для себя, — писал он своим сотрудникам, — у меня теперь возвышенное чувство — я зарабатываю, так сказать, право быть миссионером и работать. Буду иметь деньги для печати книг на языке лису, что очень дорого, и для того, чтобы приглашать лису в гости и т.д. Конечно, мне придется немного ограничивать себя, за исключением летних каникул в июле, но в данный момент это меня не касается. Я хочу делать письменные и учебные работы, с которыми я здесь лучше всего справлюсь».

Джеймс иногда говорил об опасностях христианского работника, который менее дорожит временем, чем работающий на государственной службе. Здесь он мог до 9 утра заработать больше своего содержания, потом он занимался переводом Евангелия от Иоанна на лису. После обеда у него был постоянный библейский класс для лису-студентов, а вечером он занимался государственным справочником.

И еще он находил время для прогулки с Форрестом, чтобы посмотреть почву и земледелие.

Разрушенный часовой план

Как-то раз, когда Джеймс спокойно занимался поочередно всеми своими делами, к нему пришел Лао Лу.

Лао Лу был один из проводников лису, сопровождавший Аллина Кука в Холодную Страну. Он выглядел очень усталым после семи дней путешествия, и к тому же у него сильно

нарывал глаз. Он сообщил, что все больше семей разрушают свои места поклонения дьяволу и обращаются к Богу.

Пока обрабатывали его глаз, Лао Лу рассказал историю одного юноши лису, которого попросили прийти в деревни к востоку от Салвея, чтобы он рассказал им об Иисусе Христе. Юноша с готовностью пошел туда, и не менее ста семей сожгли все принадлежности поклонения демонам и стали христианами. Теперь они послали за учителями и за книгами.

Так много добавилось к четкому рабочему плану Джеймса в Тенгвее!

Зов этого нового движения был ясен. Он был неотложным, поэтому не могло быть и речи о том, чтобы закончить школьный семестр или перевод Евангелия от Иоанна. Супруги Флегг предложили: пора основать главную квартиру в горах Холодной Страны. Постоянно ходить туда и назад в Тенгвей была чистая трата времени. Джеймс писал в это время домой:

«Мой молодой помощник лису пришел сюда три дня назад (11 апреля) и сообщил, что стали христианами больше ста семей в новой области за Салвеем. А движение все больше распространяется. Лао Лу пришел только из-за больного глаза (нарыв на роговице глаза), который мы пытаемся лечить. Он говорит, что поступило еще много приглашений из деревень, но он не нашел времени пойти туда.

Представь себе, что значит быть среди 500 или 600 семей (это где-то три тысячи людей), которые видят в тебе отца, мать, учителя, пастыря, советника. Это большая ответственность.

Ты знаешь, что когда я начал работу среди племен, я рассчитывал на большие дела, правильно это или неправильно, и не жалею об этом. Я верю, что мы с Божьей помощью получим больше, чем рассчитывали. Только иногда у нас неправильные представления о том, как все это должно произойти».

Тиф

Три истории пришли Джеймсу на память, когда он с Ба Тав отправился в путь, чтобы провести собрание у молодых христиан Холодной Страны в Мученгпо.

Одна история была с книжечкой, которая упала в лужу на базаре в Менгши и была принесена маленьким мальчиком к кондитеру в Холодную Страну. Она оказалась в доме Мо, где началось движение, которое насчитывало уже тысячи верующих. Другая история была с молодым американцем, который не знал языка, но очень ясно видел духовную действительность, чтобы плакать. Слезы Аллина Кука были началом Божьих действий, это дело стало развиваться, и сеть начала прорываться. Также Джеймс вспомнил еще один случай на берегах Салвея. Когда он в прошлом году пересек реку на пароме, то услышал, как двое мужчин что-то крикнули с той стороны, которую он только что оставил. Но так как невозможно было понять их из-за шума воды, он подумал, что им нужен паром, и пошел дальше своей дорогой. Позднее он узнал от Лао Лу, что они приглашали его для проповеди в свое село. Это были мужчины, которые вместо него пригласили молодого человека, сделавшего посев, урожай которого он теперь увидел.

Казалось, роль Джеймса во всем этом движении была очень мала; но кто может сказать, сколько работы произвели его молитвы?

Две недели продолжались библейские собрания утром, в обед и ночью. Люди ждали интенсивных наставлений, и из этой области уже вышли на труд семь добровольных проповедников. Ба Тав и Мо планировали обойти равнины Шэн на юге, но Джеймс чувствовал, что должен возвратиться в Тенгвей. В течение недели он находился на грани смерти. Его внезапно свалили тиф и малярия. Он метался на постели и бредил. Супруги Флегг молились за него и ухаживали за ним днем и ночью, они не были уверены, доживет ли он до утра.

Как бы то ни было, после повторяющихся приступов он вновь был способен писать:

«Действительно, у меня много причин быть благодарным, и первая из них та, что я вовремя возвратился в Тенгвей. Я думаю, что если бы я пошел вниз в Менгши, то лихорадка захватила бы меня на пути за два дня до Тенгвея, в месте, где не было ночлега и рядом не было никого, кто мог бы смотреть за мной, без необходимого питания и ухода в такой серьезной болезни. Как ты знаешь, у меня простой план —

ждать водительства от Бога в неясных ситуациях, это уже много раз испытано и никогда не подводило.

Таким образом, принятые решения оказались самыми лучшими.

Флегг экстренно пришел из Паушана, чтобы ухаживать за мной. Миссис Флегг перешла из своей комнаты (лучшей в доме), чтобы положить там меня. Они давали мне все, что имели, в данный момент я ношу халат Флегга. Разумеется, я им чрезвычайно благодарен, как и ты, наверное».

Главная квартира на высоте 2300 метров

Маленький миссионерский бунгало был построен на склоне Холодной Страны над Салвинским ущельем. Но когда Джеймс добрался туда (он после болезни был еще таким слабым), то не мог устоять перед холодными ветрами и тут же слег с воспалением легких, его ноги сильно опухли от ходьбы. И хотя ему пришлось провести Рождество в постели, вместо того чтобы быть в собрании, он все же был ободрен хорошими плодами в христианской жизни, которую он мог видеть среди лису.

«Трое из четырех христиан этих деревень Холодной Страны — самые лучшие, которых мы когда-либо имели, — так верны, сердечны, активны и умны. Бог вознаградит их... я думаю об одном или двух братьях, руководителях близлежащих деревень, которые сделали для нас все возможное, но отклонили всякую оплату, сказав:

‹Учитель, мы не только должны были сделать то, что делали до сих пор, но еще поддержать вас пищей и одеждой›.

Они напоминают мне о том, что сказал Апостол Павел об Аристархе, Марке и Иусте (Кол. 4,11) — ‹...сотрудники... бывшие мне отрадою›».

На расстоянии трехнедельного пути, далеко на севере, среди людей верхнего Меконга работал один пионер — мистер Левер — и он попросил на помощь двух лису.

Двух добровольцев нетрудно было найти. Оставив свои дома и семьи на попечение христиан, они приступили к трехнедельному путешествию через вершины в район, которого еще никогда не видели. Они не имели никакого представления, сколько месяцев будут в дороге, им также не

предложили никакую оплату. Они будут жить тем, что найдут в горах и что им дадут, когда они придут на место. Это был хороший признак их духовного состояния.

Дорожный служащий

«Еще никогда мое путешествие не было таким необходимым», — писал Джеймс после нескольких месяцев странствия.

Три с половиной месяца он путешествовал один и исполнял обязанности советника, судьи и учителя. В некоторых местах гонения на молодых верующих были очень серьезны. Некоторые покаявшиеся рассказывали Джеймсу, что они действительно думали, что единственный выход — взять мечи и побить врагов. Нужно было многому учить и во многих местах пришлось быть миротворцем.

Были также случаи похищения, когда его тоже просили вмешаться.

«В памяти всплыл случай, который требовал моего вмешательства. Девушка-христианка была похищена несколькими язычниками из той же местности. Они хотели заставить ее отречься от веры и согласиться выйти замуж за неверующего, но она сохранила верность своей вере. И так как они боялись иметь с нами серьезные неприятности, то отпустили ее. Но независимо от того, вернули они ее или нет, мы считали, что нельзя было оставить это дело безнаказанным. Христиане были очень обеспокоены этим случаем».

Пожатие руки стало христианским знаком. Когда Джеймс приходил по приглашению в деревню, все верующие выстраивались по обе стороны у входа в деревню и пожимали ему руку — обычно обеими руками, — закрыв глаза и прикусив губы от усердия.

«Страна бедна и бесплодна, — писал он.— Высокие скалистые горы, и бедность людей ужасна. Многие, можно даже сказать все, одеты в лохмотья, и грязь в их убогих хижинах — испытание для всякой плоти».

Но он жил день и ночь в их хижинах. Несмотря на свою бедность, они построили восемь маленьких церквей над Салвеем.

Пытаясь достичь по возможности двухсот или больше

семей, Джеймс организовал двухнедельную школу обучения. Люди любили все, что напоминало праздник, и приходили большими толпами. Главной проблемой было научить их слушать. Они хотели во время обучения весело общаться друг с другом. Свиньи, куры и дети добавляли общий беспорядок, и когда гнали стадо животных, то все собрание вставало смотреть.

«Нетерпение с ними? — писал он.— Дай мне шепнуть тебе на ушко, да, я боюсь, что иногда проявляю нетерпение. Но тогда я думаю о полном невежестве, в котором они выросли. У них вообще не было христианского воспитания или преимуществ другого рода, и мне жаль, что я иногда нетерпелив с ними. Ведь они всегда стремятся к лучшему! Вот они сидят здесь, — мужчины, женщины, мальчики и девочки, — грязные, бедные и незнающие. И я думаю о Том, Который всегда был терпелив, мягок к грешникам и обездоленным, и сердце смягчается. И получаю новое понимание следующих слов: ‹Видя толпы народа, Он сжалился над ними, что они были изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря›» (Матф. 9,36).

Джеймс также увидел, что они слишком заняты второстепенными и внешними вопросами. Можно ли есть бобы, залитые спиртом? Можно ли стирать в воскресенье? Эти вопросы занимали их, когда он хотел учить их более важным истинам во время своих коротких посещений.

Но когда он сравнивал работу с лису с работой в некоторых китайских городах, то заключил, что, хотя условия жизни в городах были намного лучше, но работа там оставалась бесплодной. Он признавал, что любил «подняться высоко в горы к пропитанным туманом скалам и лесам, чтобы найти маленькие церкви лису из бамбука и соломы, построенные простыми христианами для богослужения».

Джеймс имел твердое убеждение, основанное на реальных событиях, что в деле, полностью совершенном Богом, он только помогал. Снова и снова его приглашали в деревенские церкви, о существовании которых он никогда не слышал, — там никогда не бывал никакой иностранец.

«Люди, возможно, мерзнут в своих лохмотьях. Они бедны, грязны, невежественны и суеверны, но они — дар Божий нам. Ты просишь Бога о духовных детях, и Он избирает их

для тебя. Ты пожимаешь руки братьям и сестрам, матерям, которых Он нашел для тебя, Он сажает тебя вместе с ними, часто — с мальчиками и девочками. И мне больше нравится учить детей лису пению ‹Иисус любит меня›, чем интегральному исчислению самых умных, у которых нет никакого интереса ко Христу».

«Две истины ясно запечатлелись в моем сознании, — писал он после этого путешествия, — первая — как глупы и слабы наши новообращенные, и вторая — что Бог действительно избрал их. 1 Кор. 1,27–28 исполняется на моих глазах! Если бы ты могла быть здесь и видеть, как бесполезна чистая проповедь и уговоры среди этих людей, то ты лучше поняла бы меня. Чувствуешь себя таким беспомощным, глядя на их невежество и нужду! Но работа с лису в этой области с более чем двумя сотнями семей на каждой стороне Салвея (в общем более четырехсот семей) с самого начала была непроизвольной.

Они поведут тебя в село, где никогда не ступала твоя нога, и о котором ты никогда раньше не слышал, но и там ты найдешь несколько верующих семей и построенную церковь! Некоторые из них могут даже читать и писать. Они учат друг друга, приглашая для этого покаявшихся из соседних деревень. Они хотят стать только христианами, и когда узнают о Христе, то обращаются к Нему, с миссионером или без него. Кто положил это ‹хотение› в их сердца? Если они не возлюбленные Богом, не избранные Божьи, то кто они?»

Нет времени для проповеди

В начале своего служения, когда Джеймс был на пути в место, куда он обещал прийти, одна женщина спросила его, куда же он направил путь.

— Высоко в горы.

— Для чего?

— Рассказать людям об Иисусе Христе. Я проповедник.

— Оставайся здесь и расскажи нам о Нем.

— У меня сейчас нет времени.

— Какая польза от того, что ты проповедник, если у тебя нет времени для проповеди?

Позже Джеймс размышлял об этом разговоре. Он точно

вспомнил то место, где это случилось. К его удивлению, он нашел при возвращении в этот район новую миссионерскую квартиру именно на том месте, где стояла женщина. С помощью Флегга здесь запланировали новую станцию, потому что это место было более безопасно, чем прежнее.

Дом был почти готовым, когда Джеймс увидел его, с оборудованной кухней, сараем для коз и садом, и лису не взяли ни одного пенни за работу. Здесь, в Мученгпо, с захватывающим видом на горы и невероятно плодородной почвой, был создан естественный центр работы.

«Мы находимся на скальном гребне, покрытом лесом, — писал Джеймс, — который с обеих сторон защищен склонами большого глубокого ущелья. Растительность очень красива и производит прекрасное впечатление, облака переваливаются через вершины или на полпути остаются висеть на горе, колыхаясь. Мне нравится здесь, нам всем нравится. Флегги думают о том, чтобы в следующий сухой период построить хороший дом... После таких потоков дождя, которые мы только что видели, вода в реке сильно поднимается. В то время как пишу вам, я слышу величественный шум реки в долине под нами. Погода для пшеницы и сада просто фантастична. Кажется, что все выскакивает из земли, почти как волшебное, так как почва очень плодоносна. Папоротник и трава растут чудесно, и деревья довольно высокие. Мы надеемся на большие успехи с нашим экспериментальным садом, потому что мы посеяли разные семена из Индии и Америки, а также ваши из Лечвута».

В одно воскресенье Флегг крестил в реке не менее 240 верующих.

Проверка

Четырнадцать лет прошло со дня прибытия Джеймса в Китай. Жизнь была полна приключений и тягостного труда. Он не часто думал о том, чтобы взять отпуск. Никто не делал этого. Но теперь он почувствовал, что пришло время поехать в первый отпуск домой.

Перед отъездом Джеймс сделал тщательную проверку. Он рано и с болью научился понимать, какую роль играет настойчивая молитва для пользы Царства Божьего. Его

наблюдения о молитве веры, сделанные с его маленького поста высоко в горах, заложили важный фундамент для его молитвенных сил. Теперь он смотрел назад на состояние молодой церкви лису: некоторые — сильные и способные, заметно растущие, в других местах, несмотря на неустанные поучения, — возвратились в идолопоклонство. Двое молодых людей, подающих большие надежды, после многих месяцев заботливого обучения, вернулись к своему прежнему образу жизни.

«Я всегда думал, — писал Джеймс, — что молитва должна занимать первое место, а учение — второе. Теперь я замечаю, что молитва должна занимать первое, второе, третье места, а учение — четвертое».

Разумеется, различные наблюдатели критиковали Джеймса и его методы. Почему он охватывал миссионерской работой сразу так много областей? Не лучше ли было брать всегда только несколько деревень? Приходили новости от мистера Левера с севера провинции, что на границе Тибета уже более ста семей обратились к Богу. Дело Божье распространялось.

«Некоторые миссионеры ставят под вопрос, являются ли мои методы лучшими. Они думают, что я пытаюсь перепахать слишком много почвы, когда лучше было бы проводить так называемую ‹интенсивную работу›... ‹Что это даст, — спрашивают они, — если два или три дня провести в одном селе и затем идти дальше, оставив их одних на целый год? Что ты можешь ожидать от них? Они же почти ничего не знают!› Да, я соглашаюсь, что это не идеально. Как и всякий другой, я верю, что наставления полезны для новообращенных. И все же я могу вспомнить много лису-христиан, которые получали наставления два или три дня, но по милости Божьей стоят твердо (это и есть главное различие). Они пытаются, не осмысливая, соблюдать день Господень, молиться и петь, в то время как те, которым посвящаешь недели и месяцы внимания, отпадают.

Наставление, особенно в Писании, — отличное дело. Его необходимо читать постоянно, если человек хочет расти в благодати. Мы должны обновиться ‹в познании по образу Создавшего его›. Павел молится за своих обращенных, чтобы они исполнились познанием. Познание хорошо, выгодно,

полезно. Если человек принадлежит Христу, то познание, духовное познание, поможет утвердить его. Я стремлюсь делать все возможное, чтобы дать возрожденным духовное познание. Но я не унижаю и мирское знание. Я думаю, что оно будет больше помощью, чем препятствием в понимании духовных истин. Но можно и почти все знание перечеркнуть, каким бы хорошим оно ни было. Ап. Павел понимал, что можно и чрезмерно выделять знание, как он показывает в первом послании Коринфянам.

Многие говорят, что ‹знание — сила›, но я думаю, что его нужно ограничивать. В духовной сфере не всегда верно, что познание всегда дает силу, чтобы уберечь человека от падения. Фактически познание вообще не имеет в себе жизненных сил. Я действительно верю, что можно говорить мертвые проповеди, полные доброй, верной истины, но все же мертвой, потому что недостает силы Духа Святого. Я также верю, что можно читать мертвую Библию, и точно по той же причине. Там не сидит магический волшебник, даже в самих буквах Слова Божьего. Без силы Духа Божьего самое лучшее наставление, которое мы можем дать обращенным, так же мертво, как сухие кости в 37 главе Иезекииля. С Духом Божьим, Который касается их, оно может стать таким сильным, как и кости, превратившиеся в большую армию.

Сила пришла от Духа Божьего, а не от сухих костей. Сухие кости были нормальны, но без Духа Божьего они были совершенно бесполезны. И точно так воспитание, учение, наставления любого вида бесполезны на миссионерском поле, если они из сорта сухих костей. Некоторые люди идут еще дальше, говоря, что проблема церквей на миссионерском поле состоит в основном в обучении, и очень многие такие идеи осуществляют на деле, как будто хотят выставить дорогую артиллерию, которая стреляет патронными гильзами и не причиняет врагу вреда. И я могу представить себе, как сатана смеется себе в кулачок».

Когда Джеймс часть своей жизни провел на миссионерском поле, в разгаре была первая мировая война. Он очень часто указывал на это в письмах. Сравнивая с собственной ситуацией, он писал:

«Эти люди не только невежественны и суеверны. Язы-

ческая атмосфера окружает их со всех сторон. Ее можно по-настоящему чувствовать. Мы имеем дело не с врагом, стреляющим только в голову, оставляющим разум в незнании, но с врагом, использующим химическое оружие, наполняющее человека смертельным газом, который едва можно заметить, но он производит тяжелое поражение. Что ты подумал бы о глупости солдата, который стрелял бы в газ, чтобы убить или остановить его? Столько же пользы было бы проповедовать лису и учить, когда они удерживаются невидимыми силами. Я понимаю, что ядовитый газ нельзя удалить иначе, как если подует ветер и рассеет его. Человек бессилен.

Дух Божий может удалить все заразные пары из атмосферы деревни, как ответ на вашу молитву. Мы не боремся против плоти и крови. В работе с лису вы имеете дело с основными проблемами, если вы молитесь против ‹начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных› (Еф. 6,12).

Я верю, что дело Божье у определенного человека или семьи, деревни или области начинается прежде достижения познания истины. Это тихое, незаметное действие не в разуме или в сердце, но в невидимом мире. Затем, когда приходит свет Евангелия, нет уже никаких трудностей, никакой борьбы. Это просто случай: ‹Стойте и увидите спасение Господне›.

Это должно давать нам мудрость разумно молиться за тех, которые еще далеки от света Евангелия. Чем дольше подготовка, тем глубже совершается дело. Чем глубже корень, тем крепче растение, когда оно вырастает из земли.

Я не могу поверить, чтобы любое основательное дело Божье могло пустить корни без долгой подготовки...

С человеческой стороны евангелизационная работа на миссионерском поле подобна человеку, который с зажженной спичкой в руке идет через темную сырую долину и ищет, что можно зажечь. Но все кругом насквозь мокрое и не будет гореть, как бы он ни старался. В других случаях Божий ветер и солнце все заранее подготовили. Долина в некоторых местах сухая, и если поднести зажженную спичку к кустику, дереву, нескольким палочкам, кучке листьев, они все загораются и дают свет и тепло еще долго после того, как прошел

человек, зажегший их. И именно это хочет видеть Бог, и чтобы мы просили Его об этом: о маленьких кострах, которые рассеяны по всей земле».

Глава 8

Создание семьи

Отпуск в Англии

Семейное серебро сияло на белоснежной скатерти, и свечи бросали сотни лучей в хрустальные стаканы. Ужин был всего лишь формальным поводом, и миссис Фразер вела все официально и с достоинством. Тихая служанка катила сервировочный стол по блестящему полу. Повару на этот вечер заказали приготовить семейный шедевр, чтобы отпраздновать встречу всей семьи: Джеймс приехал домой.

Обычно миссис Фразер принимала простую пищу. У нее были твердо установленные идеи, что касалось здорового питания. К жаркому должен был подаваться хлеб.

Ребенок должен кушать столько, чтобы утолить голод. Он должен оставить стол, когда у него появилось чувство, что он еще бы раз все это поел. Маленькие дети должны кушать со слугами, пока их поведение будет соответствовать пребыванию в столовой.

Как всегда, миссис Фразер учла аппетит Джеймса на овсяную кашу, лук и картофель. «Единственное место, где я могу есть без стыда, сколько я хочу, — за столом моей матери», — говорил он. Во время совместного ужина царила определенная скованность.

«Ну, Джеймс, ты уже жалеешь? — спросил молодой голос.— Выбросить свою жизнь в глухих лесах и, собственно, ничего не достичь?»

В голосе слышалась горечь, и Джеймс не ответил. Это ранило его. И члены семьи могут так кольнуть в сердце. Они жили в другом мире.

Но взгляд матери говорил о другом. Встреча Джеймса с ней была трогательной и радостной. Она быстро собрала весь молитвенный кружок для встречи с ним. Поговорить и помолиться — это была высшая точка всего отпуска. Он показывал им свои фотографии, одежду и украшения лису. Также рассказал о своих планах и надеждах. Джеймс был полон блестящих идей. Он желал иметь ручной патефон, хорошее фотооснащение и, как он писал своему родственнику,

радиостанцию с радиопередатчиком для главной квартиры в Мученгпо и радиоприем для всех деревень лису.

«Тогда мы сможем наши проповеди, учение и т.д. распространить по всему округу... Это то, что называют империалистическим мышлением, не так ли? Возможно, потребуется императорский денежный взнос, чтобы поставить все это на ноги. Во всяком случае, нет никаких препятствий против блестящих идей, не так ли?»

Это был 1922 год. Своими идеями он опережал свое время.

Кроме посещения своих молитвенников и симпатизирующих ему друзей, у Джеймса были и другие встречи, которые разочаровали его.

Для некоторых слушателей Китай казался слишком далеким и мало интересным, и это едва касалось их жизни. Его рассказы о большом обращении людей к Богу были для них незначительными. Но если ему нравится путешествовать и помогать этим людям...

Может, Джеймс не был интересным оратором. Возможно, он недостаточно красочно описывал события. Во всяком случае, малый интерес к его работе во время отпуска в Англии оставил след в его душе. Он огорченно заметил, что так долго ждал, чтобы рассказать эти новости, а люди не хотят слушать его.

Но были, естественно, и другие, которые понимали его. Они серьезно пытались нарисовать себе местность и людей, но, видимо, слабо могли представить себе это. Но они тут же поняли, что Бог действует среди людей в Китае, и хотели быть Его соработниками. Многим из них Джеймс открыл путь в молящуюся церковь: десять солдат, которые стояли в молитве за каждым человеком на поле боя. Круг молитвенников вырос в последующие годы в тысячную армию доверенных сотрудников в общей миссионерской работе.

Канада и США

Отец Джеймса был шотландский канадец, и большая часть семьи Фразера жила в Онтарио. Старший брат Джеймса, Гордон, организовал там предприятие, выпускающее стиральные машины, и Джеймс связал свое посещение родст-

венников с посещением Штатов. Здесь он говорил на «Еловой конференции», где Изабель Кун впервые услышала о племенах лису и почувствовала, что Бог хочет видеть ее там. Он принимал участие в различных конференциях и встречах в Штатах и почти везде находил внимательных слушателей. Люди загорались любовью к этим людям.

Его ближайшими сотрудниками в Юньнане были большей частью американцы, и когда работа в последующие годы расширилась, приходило все больше и больше соработников из Штатов. Частично по этой причине, а частично по другой у него была особенная любовь к Америке и ее христианам. Они были так сердечны, великодушны и отзывчивы, так открыты для новых идей и предложений! Они не боялись быть простыми.

«Если бы у меня были дети, — говорил Джеймс, — я хотел бы, чтобы они выросли в Америке. Но все же, — добавлял он с сожалением, — нужно дать им британское воспитание!»

Его последнее письмо, когда он снова выехал на восток, было написано из Ванкувера взволнованно, крупным почерком:

«8 сентября я достигну Юкогамы, Шанхай — двенадцатого, и Юньнань — в конце сентября. Я говорю цивилизации ‹до свидания›, но при этом я не сильно радуюсь. Многие придут утром, чтобы попрощаться со мной... а я еще даже не начал паковать вещи».

Шок

Тяжелый удар ждал его в Шанхае. Миссионерские руководители запланировали послать его на ближайшие годы на северо-запад Китая, где в Канзе появились проблемы, и они хотели, чтобы Джеймс помог там. Это было одно из самых больших разочарований, которые когда-либо были у него.

Братья долго советовались перед принятием этого решения. Просто больше некого было послать. Кроме того, это будет полезно для Джеймса, если он попадет в область руководства КВМ.

«Я не могу сказать, что я хочу, Господь, но я хочу, чтобы

Ты сделал меня способным хотеть», — молился Ф. Б. Майер. Джеймс знал о бесплодности неохотного послушания. Познать, что воля Божья совершенна и посильна, будет трудно, но он знал из опыта, что это принесет много плода. Он вспоминал о многих разочарованиях в своих планах, которые были у него в отношении юго-запада Юньнаня. Затем пришло время, когда Аллин Кук, готовый и обученный, был послан помочь Джеймсу в работе — наконец соработник! — в китайский город Тали.

«Я тоже был разочарован, — признался Аллин.— Я несколько месяцев неохотно жил в Тали, пока на коленях не принес свою горечь Богу и просил Его сделать меня способным трудиться в Тали. В тот же день пришло письмо из главной квартиры, которое направляло меня на работу среди племен».

Итак, Джеймс сделал болезненную смену курса и оказался на просторных равнинах и грозных вершинах Канзу. Решившись отдать свои весла под благословение Божье, он научился любить новую провинцию. Все же он никогда не смог забыть, чего ему это стоило. «Юньнань был моей первой любовью, моей Рахилью, — сказал он, — а Канзу стал для меня Лией».

Величие и террор — Канзу

Нужно вновь взглянуть на карту, чтобы понять закулисную сторону событий следующих месяцев.

Путешествия и снова путешествия — это было девизом следующих трех лет, при посещении миссионерских станций на обширных просторах северо-запада Китая. Границы Канзу простираются от пустыни Гоби до гор Тибета.

Сообщения Джеймса о путешествии были просто захватывающими. Он путешествовал на спине лошади по неизвестной и самой опасной области Азии. Пустынные равнины переходили в голые высокие горы, где бушевали снежные штормы, пронизывающие до костей. Разрушенные города, оставшиеся после мусульманских походов, в которых слышались только завывание ветра и иногда вой волков. Уже несколько часов Джеймс со своим кули ехали на лошадях, но ни в одном направлении не было видно никаких при-

знаков человеческой жизни. Пустыня, время от времени орошаемая тибетским снегом, который ясно выделялся на темном небе, казалась безграничной.

Холод был пронизывающим. Его дневник сообщает:

«Теплое нижнее белье, рубашка, шерстяной пуловер, шерстяной пиджак, меховая безрукавка с подкладом, накидка и пальто с подкладом, и ты пытаешься представить себе, что тебе тепло... Канзуская зима показывает зубы, и это не шутка — находиться на улице. В последнюю ночь меня покусали дикие канзуские собаки... Мне сказали, что тибетские собаки еще злее и преследуют несколько миль. Они также известны тем, что прыгают на спину лошади, чтобы откусить себе там кусок мяса».

Между тем гостиницы не было, и Джеймсу с проводником пришлось ночевать на улице, ярко освещенной луной. Они ели длинные веревки из теста, пропущенные над цыганским костром. По меньшей мере, один раз они ночевали на горном перевале на высоте 4300 м. «Я не могу вспомнить, чтобы когда-нибудь провел ночь на такой высоте».

Мимо них по одиноким вершинам тянулись караваны, тибетцы гнали своих яков, или монголы семенили на своих ослах, некоторые приходили издалека, например, из Туркестана.

После дневной борьбы с грозным снежным штурмом Джеймс писал:

«В конце дня приходишь холодный, голодный и усталый не в уютное чистое помещение с теплым душем, с горящим камином, тебя не встречают с улыбкой приветствия и хорошим ужином!

Нет, ты шлепаешь по грязной улице от одной мрачной гостиницы до другой и ловишь только подозрительные взгляды. Наконец ты практически пробиваешь себе дорогу в гостиницу. На улице темно, хоть глаз выколи, на полу все вперемежку, мебели здесь нет, только грязный пол, без света, без тепла... Ты вместе с проводником варишь себе простой рис.

Но если ты на следующее утро снова выйдешь на улицу под голубое небо и пойдешь в белоснежные горы, то забудешь мучения ночи».

Способные женщины

Главная квартира поручила Джеймсу дать отзыв о работе в Канзу и сообщение о политических волнениях.

Годы кропотливой миссионерской работы были проведены на многих построенных станциях. Об одной он сообщал в письме домой.

«Здание церкви очень видное собой, но, с сожалением должен сказать, — оно построено на иностранные деньги.

Помнишь ли ты, что я был у мистера М.? Вот он пожертвовал деньги на этот дом и он же поддерживает здесь евангелистов. Он благородный и добрый человек, как и многие благородные и добрые люди там, дома, но я убежден в том, что это ошибка — использовать иностранные деньги так, как мы это делаем».

Обеспокоенный состоянием работы на некоторых местах, Джеймс был просто восхищен, когда встретился с Милдред Кабле и Франческой и Евой Френч. Весь стиль их жизни очаровал его.

Доктор Као, руководящий церковью в Сухове, был на основании ложных обвинений брошен в тюрьму, и три женщины просили Джеймса помочь вызволить его оттуда. Доктор Као был прекрасным проповедником, «но у него не было учительских способностей, — заметил Джеймс.— Три женщины приехали сюда, чтобы евангелизировать эту местность, увидели нужду доктора Као и стали помогать ему в работе».

Эти женщины были библейскими учителями. Джеймс писал: «Я думаю, что во всей Китайской Внутренней Миссии нет учителя способнее мисс Кабле — все равно в какой области. Только недавно ей предложили место в христианском университете Шантинг. Она с невероятной основательностью учит Писанию молодых людей! Она ведет их через всю Библию — никаких перескакиваний — малые пророки, Откровение, все. Ты бы видела ее обширные заметки и вопросы, ответы на которые мисс Кабле предлагает им искать.

Это действительно замечательно, что среди многих обычных миссионеров, которых удовлетворяют поверхностные знания китайских христиан, в самом отдаленном углу Китая есть группа молодых людей, которые так основательно изучают Слово Божье».

Общение с ними за столом было просто наслаждением.

«Я не могу вспомнить, чтобы я сидел где-то с миссионерами за столом и слышал такую освежающую и интеллигентную беседу — начиная от великих пирамид до теории относительности Эйнштейна. Мисс Кабле спрашивает, какую ты книгу сейчас читаешь, а если ты не читаешь, то она хочет знать, почему».

У самого доктора Као оригинальные смелые идеи по ведению дел в церкви. Он сам немного занимался медицинской работой, но не думает, что надо кому-то платить, ‹кто делает что-то для Господа›. В его доме мог жить каждый, кто помогал в работе, но каждый должен был сам заботиться о себе. Доктор был глубоко духовным человеком.

Джеймс много часов провел с ним, посещая его в тюрьме. Он не дожил до своего освобождения, его работа была самой здоровой в провинции.

Врач имел широкое сердце для работы по спасению душ: скитальцы, нежеланные люди находили убежище в его доме. Он буквально выкопал своего повара, когда его похоронили живым. Топси была оставленным глухонемым ребенком, — но все же ребенком. «Ноги бедного ребенка были так ужасно искусаны собаками, что он мог ходить, только держась за стенку», — писал он. Оставленная на улице как нежеланный ребенок, малышка нашла свой дом у мисс Кабле, которая позднее удочерила ее.

Годы пребывания Джеймса в Канзу и позднее в Шанси пришли к концу, когда все иностранцы во время антииностранного движения в 1927 году должны были быть эвакуированы, так как пришло к власти растущее коммунистическое движение. Европейцы должны были как можно быстрее оставить эти районы и пуститься в опасное путешествие к побережью. Джеймс был в группе, спускающейся на плоту по Желтой реке с очень стремительным течением, и они едва ушли от бандитов, пока не прибыли в Шанхай. Там они увидели многих европейцев и американцев со всех концов Китая, собравшихся туда по совету консула: предупреждающие громы землетрясения, которое позднее изгнало всех иностранцев. Это выявило явную необходимость в неотложной работе.

«Это не легкие пароходы для развлечения, стоящие в порту, которые нужны нам, — сказал Д. Е. Хост Джеймсу, — но военные корабли, которые могут пойти ко дну».

У Хоста были планы оставить Джеймса и других в Шанхае, чтобы усилить центральный пункт. В центре управления нужны те же основания веры и выдержка, как и в горах лису, утверждал директор. А так как Джеймсу было сорок, то его опыт мог найти применение в Шанхае.

Многие дни Джеймс принимал участие в молитвенном общении с Хостом. Нужда была огромная. Были районы, где христианские работники не могли работать вместе. Были работники, потерявшие всякую цель и вообще не продвигавшиеся вперед. Были места, где возникали экстремальные учения и дело заканчивалось разделением групп. Были также миллионы китайцев, еще не слышавшие об Иисусе Христе. «Каждый месяц один миллион все еще умирают в Китае, не услышав о пути спасения.» Прошло уже семьдесят лет после того, как Хадсон Тейлор в первый раз сказал эти волнующие слова.

Хотя Джеймс провел несколько месяцев на главной квартире, он никогда не чувствовал, что Бог приготовил его работать здесь. Его сердце все еще сильно тянулось к людям на юго-западе Юньнаня, и он чувствовал, что его способности и призвание принадлежат им. Но он видел необходимость. Кто бы не хотел быть лучше в горах, чем день за днем в центре управления?

Мистер Хост считал, что Джеймсу пора жениться. Его вид иногда вызывал смущение. Была ли здесь подходящая женщина, которая взяла бы его в свои руки? За дверью директора долго слышался сдерживаемый смех, когда Хост предлагал Джеймсу кандидаток.

А что касалось его неопрятного вида, то у Джеймса была простая отговорка. «Когда я прихожу в незнакомое место, — доверчиво рассказывал он, — то думаю: ничего страшного, как я выгляжу, — здесь никто не знает меня. Когда я нахожусь среди друзей, то думаю: ничего страшного, как я выгляжу, — здесь все меня знают».

У него вообще не было никаких проблем.

Подкрепление

Прошло уже пять лет, как Джеймс последний раз видел лису. Когда он наконец смог к ним возвратиться, на этот раз как руководитель провинции, он увидел другую картину. Некоторые молодые пары, почти все американцы, жили теперь постоянно среди племен — Кун, Харрисон, Фитцвильям, Каст, Флегг, Кауман, Кук. Ожидался приезд и других молодых работников.

Первый год после возращения был самым счастливым.

Он посещал каждый район провинции, где совершалась христианская работа, и мог видеть быстрорастущие церкви. Он был удивлен, встретив большое число христиан высоко за верхним Салвеем, в местности, которую он четырнадцать лет назад исследовал вместе с Ба Тав и мистером Гейсом. Карл Кауман тут же побуждал новообращенных к евангелизации, и весть о кресте распространялась все дальше и дальше в горы.

В Мученгпо начали проходить миссионерские общения, где собирались христиане из племен и читали письма, написанные их собственными посланниками-евангелистами. Они посылали их, поддерживали их, молились за них. Это было памятным путешествием для Джеймса, когда за ним в Тенгвей пришли двое лису, чтобы взять его в дом Мо в Хсянту. После этого они все вместе пошли в Мученгпо на волнующую встречу, приготовленную для Джеймса. Старший брат номер три наконец возвратился назад (они звали его номер три, так как Джеймс был третьим братом в своей семье). Джеймс оставался у своих людей три недели, но в это время он мало учил, а больше слушал. Церковь на местах так численно выросла, что он еле узнавал ее. Супруги Кук, Кауман и другие, видя стремительный рост, задыхались от работы, проводя с верующими библейские занятия.

Знакомство с Рокси

Когда прозвучало имя Рокси Димонд, у Джеймса непонятным образом быстрее застучало сердце.

Он никогда в своей жизни не слышал о ней, но тут же подумал, что Бог хочет ему этим что-то сказать. Ее имя слу-

чайно прозвучало в разговоре, когда он с другом разговаривал в Куньмине, столице провинции. Друг спрашивал, знает ли он, что у американца Франка Димонда из миссии методистов есть дочь, которая скоро должна приехать в Куньмин?

Джеймс увидел ее спустя несколько дней, и его сердце опять сделало сальто. Ей было только 23, а ему 42. Будет ли препятствием эта разница в возрасте? Она принадлежала к другой миссии: будет ли это правильным для руководителя КВМ — жениться на сестре «не из своих рядов»? К тому же она была чрезвычайно красива.

И как ему устроить встречу?

«У вас есть дома пианино?» — мимоходом спросил Джеймс младшую сестру Рокси через три дня.

«Нет, я думаю, что у нас его нет».

Да, не повезло. Но все же он может дать концерт для всех европейцев КВМ и быть уверенным, что Димонды тоже придут. Всем были посланы приглашения, пришли консулы, деловые люди, миссионеры и, наконец, Рокси, которая пришла поздно и втиснулась в последний ряд.

Видно, не так уж просто встретиться с ней. Но чем больше он просил Бога о водительстве, тем яснее ему становилось, что Рокси предназначена ему.

Скоро он устроил свидание, которое не было очень впечатляющим для его будущей невесты. Рокси позднее вспоминала о нем:

«Я еще сегодня вижу черепичную крышу, где свет проникает в щели, паутину, украшающую углы, и китайские стулья с прямыми спинками. Здесь он рассказывал мне о своих путешествиях в Тибет и показывал фото Ко Ко-Нор, поведал о злых тибетских собаках, которые покусали его лошадь. Он говорил о своих делах в Канзу и Юньнане, о своей любимой матери и других бесчисленных вещах. Ни разу он не сказал мне, как Бог использовал его среди лису... Он был чудесным собеседником. Он любил жизнь и находил мир, полным интересных вещей. Он был очень начитанным, много повидал в путешествиях и обладал острым умом... Он обладал юмором, и те, которые знали его, не могли забыть, как он откидывал голову назад и смеялся...

Однажды он сказал: ‹Рокси, я желал бы, чтобы ты уже была моей женой, а это было бы нашим домом›. Я помню, как я

посмотрела на кровельную дрань, на дырки между паутиной, а потом на него — такой благородный, но безразличный к удобствам и материальным вещам. ‹Знаешь, что мне уже часто снилось, — добавил он с энтузиазмом.— Моя жена на муле, я — на другом и все наши богатства — на третьем›».

Рокси понравился высокий, стройный, сильный молодой мужчина. Вот если бы разница в возрасте не была такой большой... Доросла ли она до жены руководителя? Сможет ли она совершать с ним служение?

Джеймс возвратился к молитве и посту. «Если ты не хочешь меня, — писал он ей, — я возвращусь и буду самым одиноким человеком в Китае».

В жизни отца Рокси, Франка Димонда, тоже была необычная история. Ему было девятнадцать, когда он приехал с методистами в Китай. За его рыжую шевелюру и сияющие голубые глаза китайцы тут же назвали его «чужим дьяволом». Франк и его друг Сэм Поллард смело знакомились с Китаем во время угрожающей враждебности.

Рожденная в Китае, но воспитанная в Англии, Рокси изучала историю в университете в Бристоле.

«Я просто не мог понять ее, — сказал недавно ее сокурсник.— Я учился с Рокси на одном курсе истории. Она была самой красивой в университете. Молодые люди постоянно приглашали ее на танцы. Но, казалось, что она вообще не интересуется этим. Она никогда не шла с ними».

Влияние верующих студентов в годы формирования убеждений Рокси было очень сильным. Христианская жизнь занимала все ее интересы и время.

«Казалось, я смотрю совсем в другой мир, — объясняла она позднее, — и после этого я просто не могла оставаться прежней. Я чувствовала себя странницей на этой земле».

Семейная жизнь

Подготовить свадьбу в глухих лесах Китая было искусством. Нелегко было купить украшения, принятые на западной свадьбе. Китайского кондитера попросили испечь торт.

«Мы не можем сделать вам свадебный торт, — был ответ.— Не заменит ли его яблочный пирог?»

В октябре 1929 года их сочетали. Это был золотой день,

полный солнца и радости. Торжество проходило в саду, чтобы поместилось как можно больше друзей. Джеймс вспоминал о нем, как о самом счастливом дне своей жизни. Рокси получила письмо от мистера Хоста, который желал ей всего доброго и завидовал ее общению с Джеймсом, которому она будет радоваться.

Дома для молодой жены не было. После двух-трех дней они отправились в двухнедельное путешествие в Тали, а затем — на несколько месяцев в горы.

Рокси рассказывает о приключениях их ранней семейной жизни.

«Через несколько дней после свадьбы мы начали свое путешествие, длившееся пять с половиной месяцев, к достигнутым и недостигнутым племенам западного Юньнаня. В те дни западный Юньнань был еще мало знаком, потому что еще не было бирманской дороги, и только пути караванов шли по высоким суровым местам, обдуваемым сильными ветрами.

Сначала я ехала в седле на лошади, но скоро поменяла ее на мула, и большую часть нашего путешествия у нас было два мула, потому что они безопаснее лошадей. Когда мы ехали по китайской местности, мы спали обычно на сеновалах, кишевших крысами, но там было намного чище, чем в общих гостиницах.

Джеймс был необычайно сильным и почти все время бежал рядом с моим мулом, прыгал через кучу камней и лазил по скалам, при этом он говорил со мной и вспоминал каждый прошедший час. Жизнь, проведенная в диких горах, сделала его безразличным к одежде (которую он с большим удовольствием поменял после брака!), но когда он был на месте, которое выглядело чуть лучше, чем сарай со свиньями, он всегда выглядел джентльменом. И где только возможно было собрать людей, он тут же вытаскивал свой фонарь и проповедовал. После возвращения он всегда проводил время в молитве.

После многонедельного путешествия мы достигли дальнего запада и старого места отдыха Джеймса у лису. По прибытии в некоторых деревнях стреляли в нашу честь и кричали, что пришел ‹большой брат-3›. Я вспоминаю один день, когда мы часами поднимались и спускались по крутым склонам и

пришли в деревню лису, когда как раз спустилась ночь. После многих рукопожатий и приветствий мы перекусили и пошли в маленькую церковь на богослужение, которое закончилось далеко за полночь. Когда меня одолел сон, я бросила подушку на землю с внешней стороны церкви и незаметно заснула. Проснувшись, увидела, что любящие руки лису положили мне на подушку жирный кусок свинины и лук, чтобы обрадовать меня, когда я проснусь!

Лису любят петь, так как очень музыкальны и быстро схватывают мелодию, и поют на четыре голоса. Они полны юмора и жизни, и в их вере присутствует сердечная искренность. Они не только порвали с грубыми грехами прошлого, но были готовы взять на себя крест и последовать за Господом.

В ранние годы христианства у лису Джеймс часто подчеркивал слова нашего Господа: ‹Кто хочет идти за Мною, возьми крест свой ежедневно и следуй за Мной›. Несомненно, это учение было для них большим источником силы. Несмотря на свою бедность, они много отдавали на дело Божье и многие несли Евангелие в верхний Салвей.

Несколько недель мы посещали с лису новые районы, отдыхая, обычно ночью, на улице вблизи реки или источника, где мы просто лежали под звездами.

Жизнь была очень проста. Лису выращивали рис, из луков стреляли птиц, обезьян, белок и варили себе пищу. В провинции на севере Бирмы мы проходили страну диких ва. Китайцы сильно боятся этого народа, охотников за головами. Но лису носят с собой ядовитые стрелы, которых ва тоже очень боятся, так как они причиняют смертельные ранения.

Многие из этих людей еще не видели иностранцев. Я вспоминаю, как они поставили для меня на холме стул, чтобы я села там и они могли приходить и первый раз в своей жизни смотреть на белую женщину. Возвращаясь по югу провинции, мы восемнадцать дней проходили деревни и города, где не было миссионерской станции, и где люди еще не слышали вести о Христе».

Рождество они провели в Мученгпо, куда сотни лису пришли на праздник. Там было очень много иностранных помощников, которые были заняты интенсивным обучением, руководством и праздниками. Распространение евангельской вести было почти полностью в руках лису, и прошло совсем

немного времени, как в церквях лису появились свои руководители и учителя. Снова и снова подчеркивалось, что иностранная помощь носит временный характер. «Нигде не задерживайтесь долго», — говорил Джеймс иностранным работникам.

Оглядываясь сегодня назад и зная, как скоро пришлось всем иностранным работникам выехать из страны, ясно, что Дух Божий с самого начала руководил этой работой.

Аллин Кук вспоминает совет Джеймса переехать из Луды.

«Полно вам ходить вокруг этой горы» (Втор. 2,3), — сказал им Джеймс.— Люди начинают быть зависимыми от вас».

«Когда мы переехали, — писал Аллин, вспоминая прошлые события, — люди из Луды начали сами разбираться в своих делах и больше доверяли Господу, чем прежде. Они окрепли духовно, когда в их селе не стало ни одного миссионера... Господь дал им руководителей из их среды, и они начали заботиться о погибающих. Мистер Фразер был водим Богом, когда он давал нам этот совет. Его взгляды о независимости, самостоятельном руководстве и самораспространении было именно тем, что использовал Бог, чтобы построить крепкую церковь, действующую и по сегодняшний день без живущих с ними миссионеров».

Во время пятимесячного свадебного путешествия Джеймс и Рокси встретились с семьей Кук, которые руководили библейской школой для тысячи христиан на новой станции Фьуиншен. Две недели семейные пары разделяли дом, стоящий на высоком горном гребне с впечатляющим круговым обзором темных горных цепей между Салвеем и рекой Меконг. У Джеймса была возможность помогать Аллину и Лайле Кук в интенсивных библейских занятиях, а Рокси в это время усердно старалась изучать язык, так как она знала только китайский.

Во время 35-дневного путешествия восточнее Красной реки Рокси могла видеть весь объем работы христианской миссии. Частично дорога шла через пустынные просторы голых горных склонов, но также проходила и через густонаселенные города и бесчисленные деревни, где еще никогда не слышали об Иисусе Христе.

Собственно, первое впечатление Рокси о работе миссионеров на западе Юньнаня было не переполненные церкви,

ее больше поразили сотни тысяч тех, кого еще нужно было достичь.

Когда появлялась возможность, Джеймс и Рокси брали вечером свои лампы и беседовали с людьми на китайском языке. У Рокси был приятный голос, и она была очень способной собеседницей. Ей легко было привлечь внимание людей.

Возвратившись в Куньмин, столицу Юньнаня, Джеймс мог сделать обзор всей работы. Он теперь работал не один в горах юго-востока. Китайские города тоже претендовали на большую часть его внимания и ответственности, хотя в них было намного меньше готовности слушать весть о Христе. В это время объем работы среди племен постоянно нарастал, как он писал несколько позже в письме.

«Мистер Кук работает сейчас в верхнем Салвее. Послал SOS, чтобы выслали больше добровольных евангелистов из нашей местности. Это расстояние примерно в четырнадцать дней пути. Там все больше и больше семей отвергают поклонение демонам. Вам интересно будет услышать, что в первый раз в истории миссионерской работы мы пошлем трех молодых сестер, чтобы работать в близлежащих деревнях. Им 16, 20 и 21 год. Они вместе предложили себя на добровольное служение и, кажется, имеют такое усердие, что Фритцвильям, я и местные дьяконы решили дать им возможность попробовать... Они будут работать под руководством обученного евангелиста и его жены...

Я желал бы, чтобы вы видели их. Когда они смущенно, по-девичьи, пришли в мое бюро, двое из них зашли только после взволнованного шепота самой смелой из них. Так они сидели одно время, немного стесняясь, пока не высказали свое желание, и оно было очень серьезным. Может, вы будете и за них молиться. Их зовут Тавифа, Сара и Руфь...

Вы, несомненно, знаете, что работу среди лису поддерживают сами лису. Все деньги для наших образованных евангелистов, включая пищу и содержание семьи, лису сами собирают на своих праздниках жатвы. Добровольным евангелистам вообще не платят, а также и их семьям. Но о них заботятся жители сел, которых они посещают. И почти вся работа ведется под их руководством. Все важные дела решаются дьяконами всего района на их ежегодной встрече в

декабре. Также проводится ежегодная встреча дьяконов всей области. Обычно председательствует на ней наш рукоположенный пастор Павел. Эти встречи часто имеют характер законодательного собрания! Они сами устанавливают правила, пишут протокол и т.д., несмотря на то, присутствует там миссионер или нет.

Я желал бы, чтобы вы услышали, как наши лису поют. Супруги Кук, наши миссионерские музыканты, научили их петь разными голосами, и они это делают без органа. Это поистине вдохновляет и часто вызывает у меня слезы на глазах. Я редко бывал на собраниях в Англии и Америке, где бы пели с таким вдохновением.

Лису сами любят петь. Как хорошо отдыхать под звуки сладкой мелодии, которую они всегда поют на несколько голосов.

Ах, как я люблю слушать в их исполнении ‹Когда закончится путь мой земной...› Я не хочу хвалиться, но я знаю одно бедное миссионерское сердце, которое наполняется хвалой, когда оно слышит сердечное и звучное пение местных жителей на бирмо-китайской границе».

Глава 9

Масло и вино

Одну ночь одни

«Они теперь сами могут заботиться о себе. Мы уже достаточно долго несли этих детей.— Китайский кули опустил ребенка на траву и подозвал своего спутника.— Мы теперь хотим получить наши деньги».

«Но вы же согласились поднять вещи на гору», — запротестовала Рокси.

«Мы изменили свое мнение. Мы хотим сейчас наши деньги».

Рокси отсчитала деньги и отдала им. Она посмотрела вслед мужчинам, когда они спускались по дороге вниз. Перед ней до неба возвышались немые горы. Ни в каком направлении не видно было жилья, а сумерки быстро спускались на землю.

Безутешность ситуации на один момент овладела Рокси. Она стояла, тихо молилась и ждала. Уже пять дней она была в дороге со своими двумя девочками. Она так доверилась китайским кули, которые были приветливы с ними. Их внезапное решение — оставить женщину одну с детьми — было очень неожиданным. Целью путешествия было найти Джеймса, который лежал больной тифом в одной китайской гостинице. Хотя один знакомый миссионер был у него, Рокси не выдержала и после недельного ожидания отправилась в путь.

В нескольких метрах от дороги Рокси нашла узкую канаву, над которой свисали ветви дерева и давали защиту от ветра.

«По крайней мере, — думала она, — дети будут иметь тихое местечко для отдыха ночью». Рокси завернула ребенка, положила в углубление скалы и пошла назад, чтобы взять из багажа постель. Она также распаковала продукты, чтобы покормить хныкающего ребенка. Через час стало совсем темно. Дети, по милости Божьей, заснули; они привыкли спать где угодно.

Вдруг Рокси услышала голоса и увидела, как лампа осве-

тила дорогу. Бегуны лису пришли, чтобы найти ее. Они слышали, что она в дороге, и решили пойти ей навстречу, хотя ничего не знали о ее опасной ситуации.

«Я готова была обнять их, — говорила Рокси позднее.— Они несли детей и вещи наверх, как будто это была их собственность».

Это был один из многих случаев, где Бог показывал, как Он следит за этой маленькой семьей и как их благополучие близко Его сердцу.

Ионафан Гофорт

Два месяца Джеймс не мог отойти от последствий болезни. После всех путешествий и ответственности, связанной с его руководством, он сильно ослаб. А уже пора было поехать в Англию и США, чтобы после девяти лет пребывания в Китае позволить себе отпуск. К тому же он хотел, чтобы мать увидела его жену и обеих маленьких девочек. Он так много писал ей о своих детях: одна родилась в Шанхае, а другая — двумя годами позже в Бирме. Он так сильно желал девочек, что Рокси даже боялась, что первым будет мальчик. У лису Джеймс был известен своей любовью к детям — «они всегда ползали на нем и вокруг него», — сказал Аллин Кук. Тем более его собственные дети были ему радостью.

В 1934 году, на свой 79-й год жизни, мать впервые увидела семью Джеймса. «Джеймс постарел и выглядит очень усталым», — думала она. Это было последний раз, когда она видела сына.

После нескольких месяцев пребывания в Англии, где они посетили собрания на всех британских островах, Джеймс с семьей поехал в Северную Америку. Здесь с Джеймсом и Рокси случилось памятное событие.

Естественно, они слышали об Ионафане Гофорте. Он был пресвитером в Канаде и видел необычное проявление силы Духа Святого в северной провинции Китая Хонэне, Манчжурии и до самой Кореи. Уже в 1906 году большое число китайцев через проповеди Гофорта начало принимать весть о кресте и возлагать свое упование на Христа. Где бы он ни был, верующие получали от него столько назидания, что углублялись в духовном познании Бога.

Джеймс и Рокси пошли на одно из собраний в 1935 году в Канаде, где он говорил. Гофорту в то время было 76 лет, и он был полностью слепым.

Когда он стал говорить, в собрании была такая необычная атмосфера Божьего присутствия, что Джеймс и Рокси были глубоко взволнованы.

«Не воинством и не силою, но Духом Моим, говорит Господь Саваоф». Гофорт делал на это особое ударение. Куда бы ни приходил этот Божий человек, там люди каялись в своих грехах. История, которую он рассказал, открывала целый мир новых возможностей и вопиющую нужду среди христиан. Тысячи людей пришли через его служение к Богу.

Собрание оставило у Джеймса и Рокси неизгладимое впечатление.

Управление

«Во всем, что является делом Божьим, пребывает пламя горящего тернового куста», — сказал Джеймс.
Это он особенным образом увидел во время работы в бюро. Когда он возвратился на главную квартиру, его снова задержали там. Много месяцев Джеймс писал письма из Шанхая. Факт, что он не соглашался долго оставаться на этом посту, был результатом предчувствия, что это не воля Божья для него. И очень вероятно, что он был прав.

Он имел некоторые независимые взгляды относительно миссии. Изабель Кун великодушно утверждала, что он просто мыслит на пятьдесят лет вперед. Но не каждый думал так. Он склонялся к тому, чтобы отбросить все традиционные устои. Как бы осторожно он ни выражал свои мнения, с разных сторон он получал много критики, которая в одной или в двух местностях выразилась в легком бунте.

Джеймс ничего не имел против критики. «Они имеют право на собственное мнение, как я — на свое», — говорил он. Проблема, естественно, возникла, когда он заметил, что были приняты законнические методы в местном руководстве. Это вызывало бурное противодействие.

Другой его взгляд касался задачи женщины. Он увидел, что число женщин сотрудников превышает мужское, но все же большинство женщин занимались только домашней рабо-

той и второстепенными делами. Почему нельзя организовать общие обеды в стиле киббуца и освободить женщин для другой работы? Многие особенно переживали, что для работы в КВМ большей частью приезжали женщины. Действительно ли используют их так, как Бог запланировал это?

Семейную жизнь он представлял себе в виде волов в одной упряжке, оба партнера — в совместной работе. Он хотел, чтобы во время путешествий Рокси была рядом с ним, и она должна с ним трудиться. Он будет счастлив сойти вниз к ручью и постирать одежду или нести ребенка на своей спине. Жена была его товарищем и сотрудником, о котором он всегда мечтал, а не только домашней хозяйкой. Но не каждый разделял по этому вопросу его взгляды.

К несчастью, Джеймс обнаружил, что во время разговоров на эти темы некоторые люди обижались и могли долго питать неприязнь друг к другу. Он сразу увидел, что это было серьезной ситуацией. Единство в духе было жизненно необходимым для этой работы. Снова и снова совершал Джеймс многодневные путешествия, чтобы не только проповедовать или учить, но и восстанавливать общение с сотрудником, который был другого мнения. Ничто не было так важно, как это.

Взаимная любовь между христианскими сотрудниками была важнее, чем евангелизация, если их вообще возможно отделить друг от друга. Зависимость успехов миссии от духовного состояния миссионеров стала Джеймсу понятной в самом начале его руководства в Юньнане.

Когда персонал увеличился, расширилось и разнообразие взглядов во второстепенных вопросах. Появились бесконечные причины для конфликтов среди сотрудников, особенно при работе на маленькой территории. Если здесь не будет победы, то ее нигде не будет.

Джеймс много размышлял обо всем этом.

Если Бог действует

В тридцатые годы в разных частях Китая, особенно в северной провинции, прошло пробуждение, которое обновило духовную жизнь. Вифлеемская группа (Андрей Ги, Джон Зунг и другие) посетила в 1931 году Шанси, и Шанхая достигли слухи, что постепенно распространяются определенные экстремальные учения.

В 1935 году, почти сразу после отпуска Джеймса попросили пойти в Шанси в собрание Ютао, чтобы оценить течения сентиментальности или «своеобразный огонь», которые могут быть там и, по возможности, ограничить их.

Ютао находилось в прекрасной долине водяных мельниц. Одна за другой они стояли вдоль берега реки, где их колеса приводились в движение водой, но теперь они были летними домиками миссионеров.

Здесь Джеймс встретил группу верующих, которые были открыты для всех благословений Божьих. Молитвенные собрания часто длились до утра. Царило мощное присутствие Духа Божьего. Джеймс был одним из проповедующих и взял тему для проповеди: «Исполнение Духом Святым». Он ясно чувствовал единство духа с этими людьми, которые действительно встретились с Богом. Джеймс описал эту неделю здесь, как «самую счастливую неделю в Китае».

Так как это повлияло на его мышление, молитву и на его работу, — и в особенности среди лису, — стоит обратить внимание на сущность этого пробуждения. Оно описано в письме, которое Джеймс оставил себе после конференции в Шанси. Пишущий хотел показать, как все меняется в христианской практике, когда Бог в силе пришел к ним, хотя многие люди на конференции уже много лет были миссионерами. Это не было временным порывом, это было твердой переменой курса. Вот что он пишет:

«Сразу мы почувствовали силу Господа. Проповеди были согласно Писанию.

‹Обличение в грехе› (Иоан. 16,8). Вещи, которые обычно игнорируются, оказались крайне греховными, когда Дух святости осветил наши сердца своим прожектором, и в результате многие исповедовались и оставляли грехи.

‹Откровение Иисуса› (Иоан. 16,14). Какие познания нам были даны о милости и славе Божьей! Его крест стал драгоценнее. Его воскресение и молитва более живыми и Его пришествие — жизненно важной истиной и очищающей надеждой.

‹Понимание истины› (Иоан. 14,26; 16,13). Наше сердце было захвачено истиной, которая до сих пор достигала только нашего разума. Что мы проповедовали как теорию, мы увидели как факт. Никогда еще я не ощущал силу Духа Святого так, как в эти дни.

‹Излияние любви› (Рим. 5,5). Мы думали, что мы любили друг друга и делали это до одного определенного пункта, но когда Дух Божий открыл нам Свой масштаб, «чтобы они были едины, как и Мы», мы склонились от стыда. (Следуют сообщения о сокрушении, исповеди и новой любви между сотрудниками.)

‹Получение силы› (Деян 1,8). То, что Господь исполнил Свои обещания в жизни некоторых Своих детей, — уже явный факт, а не дело смелой надежды».

Джеймс почувствовал растущую сердечную жажду в том, чтобы Бог произвел это действие и среди верующих в Юньнане. И в последующие годы его никогда не оставляло это. На Рождество после собрания в Ютао Джеймс планировал трехдневную встречу миссионеров в Куньмине. Тема маленького собрания была: «Дух Святой — Его личность, присутствие и сила». В общении была новая глубина, новая серьезность дела.

«Он говорил о жизни в силе Духа Святого, — писал мистер Кук, — как о благословении, которое мы должны использовать. С тех пор у меня ежедневная победа, которой я прежде не знал». И еще он писал: «Это была вершина Фразера. Он был исполнен силой Духа Святого».

Джеймс уже давно увидел контраст между делом человеческим и делом Божьим в делах церкви.

В эти последние годы жизни у него было особое ощущение краткости времени и обширности задачи.

Здесь был только один ясный ответ. Доктор Ллойд-Джонс говорит в своей книге «Авторитет»: «Люди доказали, что они больше узнали о Боге и о Господе Иисусе Христе за один час собрания во время пробуждения, чем в изучении Библии и теологии в продолжение всей жизни».

Дома, в горной хижине

Рокси прибыла к мистеру Фитцвильяму в бамбуковый дом в горной стране кахинов. Как-то она стояла и смотрела в одну из комнат первого этажа. Глядя в темноту, она с удивлением увидела, как через потолок появились две ноги, и за ними объемистое тело женщины кахин, которая приземлилась прямо перед ней.

Миссис Фитц совсем не удивилась.

«Сколько раз я уже объясняла ей, чтобы она не наступала на эту часть пола наверху, но она забывает это. Она постоянно падает вниз».

Как бы там ни было, но дом, где они вместе жили, был одноэтажным. Джеймс описал его в письме другу.

«Миссис Фразер с детьми живут у Фитцвильямов. Тебе было бы интересно увидеть, как они все вместе живут в одноэтажном бамбуковом доме с бамбуковым полом и соломенной крышей. У них большой сад в самом прекрасном месте в горах, вокруг расположены села кахинов (также лису, палунги и китайцы) и равнина Чефанг где-то в шести милях ниже. Лонги является деревней атси-кахин, примерно в десяти милях от границы с Бирмой...

Вождь и вся его семья — христиане, а также еще другие семьи... вместе десять семей. Это только начало. Можно сказать, что дверь открыта на ширину щели, но этого достаточно, чтобы был хороший доступ.

Я не буду подробно сообщать, как Господь открыл нам путь туда. Как все было готово и ждало нас. Дом был на лучшей и все же необжитой стороне села, он принадлежал верующему вождю, который тут же дал нам разрешение использовать его и жить там. Как мы молились о соломе на крышу (мы приехали слишком поздно, чтобы обычным путем получить солому), как верующие лису из деревни Палин, в трех милях от нас, пришли и покрыли крышу, не взяв ни одного пенни. Как мы получили плотников и сделали все необходимые работы в необычный период хорошей погоды, как раз перед периодом дождей и т.д. Все это волшебство миссионерской жизни для тех, кто живет в ней, хотя, казалось бы, это мелочи».

В доме было три комнаты: комната семьи Фитцвильям, комната семьи Фразер и комната общения. И отсюда уходил и приходил Джеймс, между тем Рокси занималась с кахинами.

Для детей это было идиллическое место в горах, своего рода постоянный пикник. Достаточно козьего молока, яиц, всегда полные тарелки риса с соусом и вокруг, куда ни глянь, — горы. Здесь, вверху, у них был и ветер, и солнце, а когда струи дождя стремительно неслись по склонам, они заходили в комнату и читали детские книжки. Когда их библиотека

оскудела, Джеймс написал целую серию рассказов о маленькой девочке Ролли.

Он отпраздновал здесь свое пятидесятилетие и последующие месяцы путешествовал по всей провинции. Иногда он приходил домой и находил, что семьи Фитцвильям нет дома, а только Рокси с детьми.

Муссон

Где-то в это время Джеймса внезапно настиг муссонный дождь, и он чуть не погиб. Дождь настиг его, когда он пересекал горную границу.

Уже не раз он попадал в муссонный дождь, но этот дождь бил с такой силой, что мог сбросить всадника с лошади, и так оглушительно, что на этот раз он не услышал крики своих проводников лису.

Вдруг он заметил, что тонет. Он спрыгнул с лошади, так как думал, что это река. Но тут он почувствовал, как холодная струя охватила его и потянула вниз. Под слоем воды была глубокая смертельная трясина. Его все сильнее засасывало, и он ничего не мог сделать. Грязь уже почти закрыла его с головой, когда он заметил, что чьи-то руки потянулись к нему. Его проводники лису действовали быстро, они плавали по поверхности грязи, как по воде, и постоянно держались горизонтально.

Вытащить его наверх стоило отчаянной борьбы, но, наконец, он добрался до скалы. Его лошадь больше никто не видел.

Новый Завет на языке лису

Это был знаменательный день, когда пришло сообщение, что Аллин и Лайла Кук закончили перевод Нового Завета на язык лису.

Это была огромная работа, которая и для них самих стоила многого. Джеймса попросили прийти в Луду и помочь в обработке текста. Затем его нужно было набрать (главным образом набирала Хомай, девушка лису, которую выучили супруги Кук) и напечатать в Бирме. Лайла Кук писала о Джеймсе:

«Он был у нас в Луде несколько недель, и мы обсуждали

каждый стих послания к Евреям, ежедневно работая с ним.

Но это была не единственная помощь. Его ежедневные проповеди на утреннем собрании служили озарением... Его работоспособность была удивительной, при этом он всегда казался свежим и полным жизни, — всегда спокойный, постоянно внимательный к другим и отличный джентльмен.

Наша жизнь очень обогатилась с его приходом. Он был очень начитан, и его беседы были назидательны и многосторонни. В перерыве он сидел за маленьким органом и играл такую прекрасную музыку! Лису теснились в дверях, чтобы послушать.

И еще одно поразило меня во время многих месяцев нашего общения: он был полновластным господином самого себя. Он не только хотел жить, отвергнув себя, терпеть мучения ради Христа, но и жил так. Подчинять свою жизнь мыслям Всевышнего казалось ему совершенно естественным. И при этом он был так практичен.

Его корреспонденция была очень обширной. Я часто видела, как он сидел всю ночь и отвечал на письма. Но это не мешало ему весь день заниматься запланированной корректурой. Когда приходила почта, он клал письма, на которые нужно было ответить, в адресованные конверты и оставлял их на своем столе, пока не находил времени для них.

Он был очень общительным. Если он хотел писать письма или учить, то спускался вниз и охотнее делал это у нас, чем один в комнате. Как бы он ни был занят, время для утреннего семейного собрания никогда не укорачивал. Часто он оставался с нами в молитве или в изучении Библии до девяти или десяти часов. Мистер Кук и я были одно время с ним одни, перед тем, как Петерсон и Карлсон присоединились к нам, но мистер Фразер был готов и нам, как и в большом общении, говорить назидательные проповеди. С каким удовольствием мы слушали его, потому что уже долгое время были оторваны от служения на родном языке.

Песнопения всегда были частью нашего собрания. Мистер Фразер всегда выбирал замечательные старинные песни, сам садился за маленький орган и вел пение. Его любимой песней была: ‹Господь, мой Пастырь, я ни в чем не буду нуждаться›, он заказывал ее, говоря: «Давайте споем песню, которая была написана три тысячи лет назад».

В Луде было уже больше тысячи христиан. Они перенесли тяжелые гонения. Их молодая церковь созрела и еще больше расширилась.

Джеймс любил работу по переводу. «Какая это захватывающая работа! — писал он своей матери.— Как я люблю переводить Библию и библейское учение, и как это орошает мою душу!»

Моисей, сотрудник лису, знал почти всю грамматику. Джеймс знал греческий и проверял духовный смысл текста. Супруги Кук были опытными переводчиками, и когда подоспели Петерсон и Карлсон, добавилась помощь в проверке.

Днем они сидели на улице, наверху склона на солнце, время от времени глядя на прекрасную панораму под ними, на высоте 2000 метров.

Если вечер приносил с собой холодный ветер, они ставили маленький стол в дом к огню.

Спустя несколько недель Рокси привезла сюда детей и вместе с переводчиками они переехали в Дубовую Равнину, где жили супруги Кун, — они как раз были в отпуске на родине. Лайла Кук с удовольствием смотрела за детьми, пока Джеймс с Рокси ходили в маленькую бамбуковую церковь, чтобы провести время в молитве. Это они не делали из чувства обязанности, но из нужды. Они со всех сторон были окружены верующими лису, — это был сильный ответ на молитву, — и они молились, чтобы Господь и дальше проводил глубокую работу в их сердцах. «Кто всегда благочестив, — говорил Весли, — у того выбор идти верхним или нижним путем... стремиться к вершинам и глубинам святости... или потонуть в отсталых рядах христиан». Джеймс молился за этих верующих, чтобы они «исполнились всей полнотой Божьей».

Новый Завет лису, известный между переводчиками как «шрифт Фразера», был плодом многолетней тяжелой работы этой маленькой группы работников. Джеймс принимал меньше участия в работе, чем другие, но он был инициатором, движущим это дело. Первое издание было оплачено верующими Манчжурии.

Полной Библии на лису не было до 1968 года, и прошло еще много времени, пока стало возможным восполнить эту нужду в Библиях. Но племя лису стало ведущим в хрис-

тианских группах этой части Азии, главным образом потому, что они могли сами читать и изучать Слово Божье.

Путешествующий свет

Джеймс начал замечать, что одному человеку не под силу совершать надзор за огромной провинцией Юньнань. Главная квартира в Шанхае согласилась с ним, что восток и запад провинции нуждаются в раздельном руководстве, и посоветовали Джеймсу смотреть за западной частью. Это сократит время его путешествий и позволит больше времени проводить с семьей.

Он планировал поселиться в Паушане. Там была телеграфная станция, рядом проходила бирманская дорога, но самое главное, — он был недалеко от своих друзей лису. Он надеялся, что как только Новый Завет будет напечатан, он поможет горным церквям в библейских занятиях. Но пока дом в Паушане не был готов, Джеймсу приходилось путешествовать.

Он написал домой наглядное сообщение об одном из последних путешествий из Паушана в Тали, оно типично для всех путешествующих в те дни в Китае:

«Я путешествую только с взятыми напрокат животными, так как мои оба мула, как ты помнишь, 18 месяцев назад пали от ящура. Я спрашиваю себя, интересно ли тебе, как я путешествую... я опишу типичный день.

Я нахожусь в маленьком горном селе из двух или трех домиков... Я крепко спал на полу чердака, на который можно забраться по маленькой лестнице прямо над сараем. Моя туристская постель — это настоящее благо (до моей женитьбы я никогда не использовал ее). Я встаю на рассвете и слушаю, как жарятся овощи, а затем выхожу, чтобы посмотреть, встали ли мои погонщики мулов. Расстояние между Тали и Паушаном такое же, как от Лондона до Шеффилда, но по горам это в десять раз больше. Обычно это занимает восемь дней, я стараюсь пройти его за шесть дней. Я еду на одном муле, а вещи везу на другом. Погонщики встали вовремя.

У нас три раза в день одна и та же еда: первое — сваренный в воде или на пару рис, второе — темно-зеленая капуста

с легкой горечью, которую я очень люблю, третье — два жареных яйца, четвертое, — если возможно, немного соленых китайских бобов. Затем маленькая чашка китайского чая или горячей воды. Это я имею всегда.

Завтрак у нас всегда вовремя... и когда всходит солнце, мы отправляемся в путь. Мои постельные принадлежности, в которые я заворачиваю печатную машинку, находятся на одной стороне мула, моя корзина и складная кровать — на другой. В корзине лежат: тазик, резервный костюм, носки... книги, Библия, бумага, веревка, паспорт... Мой ‹слуга› несет лампу.

Мы едем дальше. Обычно я бегу одну милю или две, чтобы согреться при холодной погоде, но нам нужно подниматься вверх, и мое красивое седло выглядит так соблазнительно... Мы поднимаемся на высоту 820 м... Ни одного признака человеческого жилья...

Я читаю (всегда охотно занимаюсь этим на спине лошади). В этот раз я читаю о жизни К. Т. Стадда (которого я встречал в 1906 году). Может, ты помнишь мятеж, вызванный выездом семи кембриджцев в Китай? Это жизнь, полная борьбы. Я читаю главу за главой, затем я оборачиваюсь и вижу: ах, какой чудесный вид... величественная панорама стоит в лучах солнца...

В час дня уже каждый голоден. Мы поворачиваем к первому дому. Пытаемся уговорить сварить нам обед. Ничего не сделаешь! У женщин всевозможные оправдания: у них нет горшков и сковородок, нет овощей, нет риса, они заняты и т.д. Наконец я выхожу и смотрю, есть ли в деревне сарай для лошадей. Нахожу и перевожу туда погонщиков с багажом. Здесь женщина более приветливая и варит нам хороший обед. Пока варится обед, я сижу на кухне и разговариваю с женщинами. Я спрашиваю их, слышали ли они когда-нибудь о Евангелии. Да, они слышали, но они не христиане...

Мы едем все дальше и дальше. Перевалив вершину холма, мы видим всю Юнгпингскую равнину. Внизу на западе виднеется маленький городок. Уже спускаются сумерки, когда наши мулы бегут по булыжной мостовой в городе, но светит луна, и так ярко. Мой ‹слуга› ведет меня к довольно маленькой гостинице, хозяин ее очень приветлив.

Он посылает меня на чердак, полный сажи. Они варят еду в помещении, где нет трубы...

Из-за низких балок приходится сильно нагибаться, а также из-за большого свиного окорока, который висит поперек помещения на толстой веревке. Он спрашивает меня, хочу ли я к завтраку копченый окорок. Конечно, хочу, хоть какая-то перемена, но он оставляет толстую кожу. Ах, если бы он отрезал корочку, когда будет готовить мне завтрак... Я готовлю постель — для этого нужно очень мало, так как я заворачиваюсь в свое стеганое одеяло. Перед этим я моюсь на кухне. Раздеваюсь в кромешной тьме, вешаю одежду на бамбуковый ящик, полный бобов, поворачиваюсь и сплю сном праведника.

О вы, страдающие бессонницей в цивилизованной Англии! Вас бы сюда, я посадил бы вас на мула, чтобы вы проехали тридцать миль по Юньнаньским горам, а потом посмотрел бы, как будете себя чувствовать, если в восемь часов вечера головой коснетесь подушки...»

Дом на западе

Причиной этого путешествия была необходимость встретить Рокси с младшим ребенком в Тали, где должно было состояться собрание христианских сотрудников. Рокси начала чувствовать тяжесть скитальческой жизни и уже очень хотела иметь дом, который запланировал Джеймс для семьи в Паушане. У Джеймса же была такая обширная корреспонденция, что ему нужно было время и место, чтобы осилить ее. При этом он радовался общению с детьми и особенно рождению третьего ребенка.

Но больше всего ему нужно было место и время для усиленной молитвы. Рокси чувствовала себя в это время не очень хорошо. Она вспоминала беспокойный дух Джеймса из-за молитвенного бремени. «Как я желал бы, чтобы Дан был здесь, чтобы нам вместе молиться!» — объяснил он както. И вскоре после этого он решил пригласить Дана Смита, который в то время как раз был свободен, чтобы в течение трех дней разделить с ним молитвенное общение. В последние дни своей жизни Джеймс проводил много времени в посте и молитве, как он всегда это делал. Он читал о Джоне Веслее и писал за месяц до смерти:

«Я часто думаю, что очень мало тех, которые путем строгой самодисциплины (непопулярное дело сегодня) всю жизнь готовятся к полной отдаче».

Глава 10

Построенный на скале

Ясный зов

Бирманская дорога вьется от Мандалау высоко через скалы и красивую страну, покрытую кустами, поднимается на высоту почти 4000 метров и спускается на китайской стороне, образуя ряд впечатляющих острых поворотов. Много лет строилась эта дорога, так как практически она построена рабским трудом. И как всегда, даже самый огрубевший путешественник немеет перед прекрасным видом, который открывается перед ним: одна цепь гор за другой, обдуваемые ветром и омытые солнцем, возвышаются до облаков. Дорогу закончили строить в конце тридцатых годов, по ней можно ехать из Шанхая в Рангун, она связывала восточное побережье Китая с бухтой Бенгалии.

Дорога шла прямо через Паушан, и Джеймс с Рокси заметили, что их маленький дом стал центром постоянного движения. Был 1938 год, и люди проезжали в Куньмин, столицу Мученгпо, центр лису на юге; севернее — через Салвей к Луде и дальше; или западнее — прямо в Бирму.

Единственный выход отмежеваться от делового движения был в том, чтобы найти другое место для тихого уединения. Джеймс нашел и арендовал маленькую чердачную комнату прямо напротив миссионерского дома. Нужно было подняться по нескольким темным ступенькам в дом исламского друга.

Джеймс поставил туда маленький стол и стул и больше ничего. Не было ни одного окна, но он мог вынуть несколько деревянных планок, чтобы впустить свет и воздух.

Рано утром он часто приходил сюда, не завтракая, чтобы провести часы в молитве. Здесь он мог свободно расхаживать взад и вперед и громко молиться: «Здесь было тихо», — говорил он, и он мог ждать, узнавая волю Божью о себе и о работе. Иногда в обед на лестнице можно было слышать топот детских ног.

«Папа, мама спрашивает, ты пойдешь с нами на прогулку?» Почти каждый день Джеймс, Рокси и маленькая белокурая девочка шли к холмам, возвышающимся над Пау-

шаном. Джеймс казался в эти дни тихим и задумчивым. Рокси думала, что у него что-то на сердце.

— Знаешь, Рокси, — сказал он однажды вверху на холме, — даже если я уйду, то не думаю, что моя работа в Юньнане закончится.

Однажды Рокси испугалась, когда он сказал:

— Мистер Пайне будет проезжать здесь через две недели. У меня есть деньги для него. Если со мной что-то случится, ты знаешь, где они лежат.

— Но я не понимаю...

— Я только хочу, чтобы ты это знала.

В те дни он много говорил о будущем детей и об ожидаемом ребенке, который должен был родиться в конце года. Был уже сентябрь.

В среду, 21 сентября, у Джеймса разболелась голова. Он закончил отвечать на некоторые важные письма и поиграл немного на маленьком органе перед тем, как лечь в постель. На следующий день головные боли усилились. Он тут же послал бегунов, чтобы вызвать кого-то, кто бы мог быть с Рокси.

Джеймса свалила с ног злокачественная малярия мозга. В Паушане не оказалось нужных лекарств. И через короткое время он потерял сознание. Два дня держалась высокая температура. В субботу вечером ему стало значительно лучше.

Это была долгая ночь для Рокси: Джеймс то приходил в сознание, то бредил. Китайский врач и медсестра бегали по ступенькам вверх и вниз, ребенок плакал в темноте. Когда 25 сентября 1938 года всходило солнце, Джеймс отошел в вечность.

Это было шоком для его коллег. Ему было только 52 года, и он казался здоровым и крепким; они едва могли поверить сообщению.

Но для Рокси пошатнулся весь мир.

Изабель Кун писала ей три дня спустя:

«От одной мысли об этом у меня так дрожат руки и бегут слезы, что я даже не знаю, как мне писать. Лису только что зашли с невероятной вестью... Это время подобно тому, когда мы открываем наше лицо шторму и идем ему навстречу, не видя ясно, не понимая, только веря Ему».

Некоторые лису из Салвеев пришли в Паушан, перенесли

тело Джеймса в маленькую капеллу при миссионерском доме и провели там богослужение. Молитвы, песни и свидетельства — все говорилось на языке лису: достойное прощание тысячи верующих, рассеянных по западным горным цепям.

Христианские похороны через несколько дней явились чем-то невиданным для улиц Паушана. Верующие наполнили церковь цветами, за гробом шла длинная процессия, которая в полном молчании несла через город шелковые ленты. Мистер Чао, кожевник, как главный скорбящий, (которым, по их обычаю, был сын умершего), нес белую ленту. Это было смелым шагом с его стороны в этом городе.

Джеймс был похоронен на холме, с которого можно видеть весь Паушан, на нижних склонах гор, которые тридцать лет были его родиной. Это была одинокая могила среди сосен. На могильном камне были выгравированы слова на языке лису, по-китайски и по-английски: «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек».

Изабель Кун описывает, как чувствовали себя сотрудники Джеймса — они потеряли не великого руководителя или представительную фигуру, они потеряли друга.

«После первого шока осталось безутешное чувство. Это касалось человеческого общения, казалось, что теперь не для кого работать. ‹Как мистер Фразер будет радоваться, если он услышит об этом›, — было всегда первой реакцией на какую-нибудь радость или благословение...

Не было никого на всей земле, кто имел бы такое совершенное понимание всех подробностей наших проблем, никого, кто бы мог от всей души принимать участие в наших радостях и скорбях.

Он никогда не разочаровывал нас, когда мы делились с ним. Он был для нас больше, чем руководитель, он был наш идеал как миссионер. Постоянное увещание, призыв и поощрение не оставлять апостольские методы миссионерской работы. Его блестящие способности, соединенные с неисчерпаемым смирением и материнским сочувствием, во всей своей нежности и тактичности, делали его нашим прибежищем во все времена беспокойства и нужды. А чтобы получить от него улыбку признания, стоило сделать дополнительное усилие. Одно дело — получить похвалу от того,

кто мало знаком с твоей работой, но совсем другое — услышать ‹хорошо сделано› от того, кто сам был мастером в этой же работе. Мы потеряли многое, — потеряли незаменимого душепопечителя. Я говорю ‹незаменимый›, потому что мы все еще думаем так. Жизнь для нас никогда не останется такой же без него».

Рокси поняла в последующие недели, что Бог из темноты извлекает драгоценности. Вначале ею овладело потрясающее чувство полнейшего одиночества, и затем длительное путешествие в Бирму из-за рождения дочки, все это время ее верно сопровождала сестра Дороти Бурровс. После этого была долгая морская поездка, чтобы отвезти вторую дочку в школу в Чефу. Когда на пароходе она лежала в своей каюте, в большой слабости, и рядом с ней очень больной ребенок, Рокси подумала, что ей не хочется дальше жить.

Один мужчина посетил ее перед отправлением. Он был верующий кахин и очень желал увидеть ее. Он сказал, что много лет назад гнался за Джеймсом много миль, чтобы убить его, но он убежал. Через время он услышал весть спасения об Иисусе Христе, поверил и стал Его учеником.

Когда Рокси достигла Чефы, она нашла там миссис Фитцвильям, которая тоже похоронила своего мужа в Юньнане. И здесь они жили в одном доме, который сильно отличался от дома кахинов, в котором они когда-то жили вместе. В Чефу кипела жизнь: там было море и побережье, и разные развлечения, но среди всего этого самым необходимым для нее было общение с сотнями живых детей Божьих.

«Все было запланировано моим любящим Отцом, — позднее сказала она.— Чефу было именно тем, в чем я нуждалась».

Рокси на несколько месяцев задержалась на побережье из-за болезни ребенка и затем, когда город заняли японцы, вместе с семьей и со школой КВМ была переправлена в концентрационный лагерь в Вайзин. Но это уже другая история.

Церковь лису во время войны

После смерти Джеймса библейская работа среди племен продолжалась в полную силу. Библейские школы во время дождей были очень переполнены. В 1941 году, когда Вторая мировая

война достигла своей высшей точки, в библейской школе в Луде были собраны представители десяти племен, и тысяча человек пришли на праздник окончания библейской школы.

Между 1942 и 1943 годами японская армия прошла Бирму и вторглась в землю лису. Миссионеры должны были временно бежать, но в 1945 году они пришли назад и увидели, что местные церкви преуспевают.

Был создан центральный церковный совет, чтобы способствовать объединению разных групп верующих. Они уже были (и были с самого начала) миссионерскими по своей сути, и после обширного исследования Джоном Кун всей провинции в горах Юньнаня были обнаружены племена, которые еще не были достигнуты Евангелием.

В 1947 году в страну лису приехали супруги Кране и супруги Нокс с двумя контейнерами Новых Заветов на языке лису. Вскоре для племен в Куньмине пришла печатная машина, которая сразу начала работать. И через малое время на языке лису уже выходила евангельская газета.

В 1949 году в Китае пришло к власти «человеческое правительство», и весь Китай стал коммунистическим.

Библейская школа сезона дождей проходила, как обычно, и в 1950 году Джон Кун все еще путешествовал с евангелистами лису и видел, как много людей впервые обращались ко Христу.

Бывало в библейской школе и рекордное число учащихся. В ноябре этого же года в деревне Равнина Белки было крещено сто человек. В области было 42 церкви, в которых число членов возросло до 1.200 человек.

Последними работниками КВМ были Джон Кун и Чарльз Петерсон. На прощальном общении в 1950 году собрались 800 лису, чтобы хором спеть гимн «Аллилуйя!». Это было памятное мгновение — жертва хвалы. Миссионеры могли возвратиться на свою родину. Лису должны были остаться и стояли там, где жили, перед темной будущностью.

В 1951 году церковь лису, через тридцать лет после своего рождения, осталась одна, без иностранной помощи.

Гонения

В 1951 году и в последующие годы верующие лису страдали со всеми другими христианами Китая. Мало что было из-

вестно об их мучениях, пока, наконец, некоторые из них, усталые и обедневшие, покинули страну через горы, чтобы рассказать эту историю.

Вначале запретили богослужения, отбирали Библии и христианскую литературу. Затем многих верующих разлучили с семьями и выслали, чтобы перевоспитать, некоторые попали в тюрьму. Наконец пришло время, когда христиан за веру стали осуждать к смерти. Это было огненное крещение для молодой церкви.

Бегство тысяч лису в Бирму и Таиланд описано в книгах. В своей книге «Выход в скрытую долину» Айген Морзе описывает одну из самых захватывающих историй последнего времени. Он показывает пути большой группы верующих из Китая через горы в Бирму, которые потом создали церковь в отдаленной долине.

В начале шестидесятых годов Кране, Кук и Кун работали в Бирме над переводом Ветхого Завета и помогали в библейской работе среди возрастающего числа верующих, бежавших из южного Юньнаня. В 1963 году насчитывалось уже не менее 10.000 лису, пришедших в Бирму, вдобавок к числу христиан, уже живших там. От Путао на север до Шанштатен, граничащих на юге с Таиландом, насчитывалось до 60.000 христиан местных церквей. Их собственные руководители вели библейские школы в сезон дождей.

В 1963 году все миссионеры должны были оставить Бирму.

Библия на языке лису

Тысячи христиан лису месяц за месяцем ждали в Бирме своей законченной (переработанной) Библии. Но правительство не разрешило ввозить ее в страну. Лису постоянно молились, чтобы было дано разрешение.

Наконец, в 1968 году, когда множество христианских семей бежало из Китая в Бирму, было разрешено ввезти первые копии Библий. Но это далеко не восполняло нужду, все последующие годы были полны ожидания.

В 1976 году миссионеры в Таиланде помогли христианам лису из Бирмы начать переработку всей Библии. Это была очень объемная работа, она встречала много препятствий и длится до сегодняшнего дня. Первый проект охватывал весь

Ветхий Завет и Новый Завет до послания к Римлянам. Следовательно, недалек тот день, когда Библейское общество напечатает всю переработанную Библию на языке лису.

В 1980 году все же вышло прежнее издание для лису. Десять тысяч экземпляров было напечатано в Лондоне и перевезено на пароходе в Рангун. Несколько недель семь с половиной тысяч из них держали в порту, — пока не пришло разрешение для их распространения.

Лису приходили из Миткины (расстояние в семьсот миль) и приносили подарки: мед, фрукты и одежду ручной работы — выражение благодарности за Слово Божье.

Если будет распространено издание Библейского общества, церкви лису будут иметь не только полноценную Библию на своем языке, но несколько тысяч экземпляров разных версий.

Царство неувядающее

Интересные сообщения о росте и передвижении лису и других племен были напечатаны в 1981 году в «Азиатском Вестнике». Газета писала, что многие лису бежали во время коммунистических гонений в Северную Бирму и с тех пор организовали там крепкое христианское братство. В Бирме сейчас четыреста церквей лису и рованг (местных племен Бирмы).

Вследствие разрядки напряженности в правительстве Бирмы Айген Морзе получил возможность посетить ее с проповедью и обучением. Сейчас они получают духовную литературу, чтобы помочь в обучении пяти тысяч руководителей лису. Аллин Кук ведет переписку с пасторами лису со своей родины в Калифорнии и послал им больше ста библейских комментариев.

Среди племени нага в Бирме тоже началось пробуждение, тысячи обратились ко Христу. Все эти племена имеют свой диалект. Пауль Кауман пишет об этом в «Азиатском вестнике», 1981 год:

«Они вместе решили изучить единый язык... Этот язык — лису, диалект большой группы племен, которые бежали из Китая. Двадцать нага были посланы изучить язык лису. К счастью, Писание, сборники песен и другая христианская литература переведены на язык лису.

После того, как они выучат язык, на двадцать учеников будет

возложена тройная ответственность: во-первых, научить племя нага языку лису, во-вторых, быть переводчиками для учителей лису, которые работают среди новообращенных нага, и в третьих, проповедовать Слово Божье среди своих людей. Мы получили неотложный заказ на литературу лису для племени нага».

Но там, где гонения были бессильны уничтожить церкви лису, а наоборот, укрепили их, было сделано другое нападение — на их позицию по отношению к библейской истине.

Один миссионер-ветеран пишет:

«Я каждую неделю получаю письма (от пасторов лису) — часто одно или два в день. Церковь испытывается модернистскими учителями. Они стараются убедить ее, что Библия — человеческое дело, воскресение — это сказка и Христос не воскрес из мертвых; чудеса происходили не так, как описано, и являются только картинами духовных истин.

Но старшие руководители стоят за истину, переданную нам святыми, и за ними стоит растущее число церквей. Молитесь за них, чтобы они не были побеждены убедительными аргументами и давлением, которое оказывают на них. Некоторых пасторов лишили права совершать служение, а церкви доверили другим».

Успокаиваешься, когда читаешь исследования общей картины духовной борьбы Пауля Каумана на границе Китая с Бирмой. Сообщения приходят с гор Южного Китая, они рассказывают о сильной церкви, которая стоит в том месте, где жили Джеймс и его сотрудники. Кауман пишет:

«Бог действует и среди местных христиан Юго-Западного Китая. После того, как внутри Китая все успокоилось, семьдесят местных церквей начали открытое служение. Одна из таких церквей насчитывает пять тысяч человек. В этом районе вдоль бирманской дороги к северу от тибетской границы христиане очень активны. На Рождество свыше двух тысяч местных верующих приняли участие в библейской конференции. Китайские служащие были удивлены, даже обеспокоены. Они спросили: ‹Сколько же среди находящихся здесь верующих?› На ноги встали все, кроме двух человек. Присутствующие сказали, что местные функционеры убеждали христиан в том, что нет причины бояться, и они даже предложили помочь им построить церковь.

Оглядываясь назад и глядя на развитие всего региона,

можно ясно видеть руку Божью не только над Его детьми, но и простирающуюся к тем, кто не знает Его».

Если Бог Сам созидает Свое Царство, то врата ада не одолеют его.

Наступление в Северном Таиланде

В начале пятидесятых годов миссионеры ЮМГ (новое название КВМ) проверили горы Северного Таиланда. На карте видно, что эта область лежит рядом с Бирмой и недалеко от границы Китая. В горах живет племя, подобное живущим в Юго-Западном Китае. Не менее 250 тысяч человек живут на 42 тысячах миль, открытых при исследованиях.

И здесь снова были лису. Но были и вао, акиа, карен, лао и мео (сегодня их называют хмонг). Ветеранов из Китая сопровождали новые соработники, чтобы принести им весть об Иисусе Христе. Книга Изабель Кун «Восхождение к племенам» дает действительно верное представление обо всем. Описанные в книге миссионеры должны были противостоять всем физическим трудностям и духовной борьбе, как тогда в Салвеях, так они делают это и сегодня.

«Давай я покажу тебе, — сказал один наблюдатель после посещения Северного Таиланда, — как две девушки живут в маленьком деревянном домике, спят буквально на деревянных планках, за полмили в гору носят воду из источника, молятся и ждут признаков духовного интереса от жителей. И я покажу тебе, что значит быть пшеничным зерном, которое падает в землю, чтобы умереть».

Миссионеры отдали свою жизнь в Таиланде, как и в Китае, ради Иисуса Христа. Были образованы маленькие церкви.

Полноценное сообщение о труде, который сейчас совершается, дается в книге «Пробуждающий ветер»: интересная история о многообразной реакции племен и о работе ЮМГ в Таиланде. Эта книга рассказывает о быстрых социальных изменениях, которые так же явны, как современная медицина, сельское хозяйство и служба радио, которое достигает недоступные ранее районы.

Но большинство населения Таиланда никогда не слышало, что нет другого имени под небом, кроме имени Иисуса, которым можно спастись.

Посмертная награда

В 1979 году Англию достиг интересный документ. Формат его 16х10 см, он цветом выцветшего пергамента. Он пришел от руководителей церкви лису из Лаошио, бирманской стороны горной границы.

23 декабря 1978 года по случаю двух событий они запланировали памятный день: первое — десятилетний юбилей церкви Лаошио и второе — образование церкви в стране лису, 1920 год.

Конечно, они знали Аллина Кука и послали ему документ в знак уважения, чтобы выразить свою благодарность за то, что он провел свою жизнь для Бога среди них. Но был ли он первым миссионером, который пришел в их деревню в Китай? — спрашивали они.

Аллин хорошо помнил одинокую фигуру одного человека в горах Холодной Страны, который из года в год приносил одну и ту же весть, которую никто не хотел слушать.

Нет, написал Аллин в ответ, он не был первым. И рассказал им о Джеймсе Фразере. Ах да, сказали они, их родители знали старшего брата номер 3. Они хотели посмертно послать почетный документ тому, который первым принес весть о вечной жизни.

Почетный документ написан на языке лису и содержит следующее:

«Со времени основания первой церкви лису в штате Шэн, страны Коконг, образовавшейся из шести семей в деревне Грязный Пруд в 1920 году, до 23 декабря 1978 года прошло 58 лет. Руководители церкви награждают Джеймса О. Фразера, старшего брата номер 3, за его добровольную и сердечную работу в церкви Иисуса Христа, совершенную в послушании заповедям Божьим, почетным документом.

Дата: 1978 год, 12 месяц, 26 день.

Лаошио, Новая Деревня, Бирма».

Джеймс был один из сотни миссионеров, которые приняли участие в основании церкви в этой части мира. Его вклад в идеи миссионерской стратегии и принципов был явным и очень ценным.

Но его самое большое завещание заключалось в понимании, как Бог действует на всяком месте, во всякое время и через всякого человека.

Это служение было дорогим для Джеймса с самого начала и оставалось дорогим до самого конца. Кажется, что нет другого пути, чтобы познакомиться с полным благословением Божьим. Для ученика Иисуса Христа может казаться удивительным, что кто-то ожидал чего-то другого. В голосе царя Давида звучало что-то подобное наставлению, когда он обращался к Орне: «Не вознесу Господу, Богу моему, жертвы, взятой даром» (2 Цар. 24,24).